

# ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Социально-экономические  
и правовые исследования

TYUMEN STATE  
UNIVERSITY

# HERALD

Social, Economic, and Law Research

Журнал основан в 1998 г.  
Выходит 4 раза в год

Том 9. № 2 (34)

2023

Vol. 9. No. 2 (34)

Founded in 1998  
A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,  
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты  
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук



## Главный редактор

*Л. М. Симонова*, Тюмень, Россия

## Заместители главного редактора

*Е. В. Андрианова*, Тюмень, Россия

*Л. В. Зайцева*, Тюмень, Россия

*К. А. Захарова*, Тюмень, Россия

## Ответственный секретарь

*Д. А. Авдеев*, Тюмень, Россия

## Редакционная коллегия

*И. Акихиро*, Токио, Япония

*М. М. Акулич*, Тюмень, Россия

*В. В. Гаукин*, Тюмень, Россия

*В. А. Давыденко*, Тюмень, Россия

*Д. Сонг*, Сеул, Южная Корея

*В. Д. Драшкович*, Котор, Черногория

*Е. Казьмерчик*, Познань, Польша

*М. И. Клеандров*, Москва, Россия

*Е. Г. Комиссарова*, Тюмень, Россия

*Н. А. Костко*, Тюмень, Россия

*Ф. Крайсиг*, Кемниц, Германия

*М. С. Матейкович*, Москва, Россия

*Г. Ф. Ромашкина*, Тюмень, Россия

*Д. Ю. Руденко*, Тюмень, Россия

*Е. В. Смахтин*, Тюмень, Россия

*В. С. Собкин*, Москва, Россия

*А. В. Сумачев*, Тюмень, Россия

*Г. Н. Чеботарев*, Тюмень, Россия

*Л. Ф. Шилова*, Тюмень, Россия

*П. Ярвелейд*, Таллин, Эстония

ISSN 2411-7897 (Print)

ISSN 2500-3534 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72158 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60412 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

**Учредитель**

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

**Издатель/редакция/типография**

ТюмГУ-Press  
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6  
+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

**Прием статей**

vestnik-social-r@utmn.ru  
Публикация статей для авторов бесплатна

**Журнал распространяется**

В открытом доступе <http://www.e-library.ru>  
<http://vestnik.utmn.ru>  
По подписке Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

**Editor-in-chief:**

*L. M. Simonova*, Tyumen, Russia

**Deputy editors-in-chief:**

*E. V. Andrianova*, Tyumen, Russia

*L. V. Zaytseva*, Tyumen, Russia

*K. A. Zakharova*, Tyumen, Russia

**Executive secretary**

*D. A. Avdeev*, Tyumen, Russia

**Editorial board**

*M. M. Akulich*, Tyumen, Russia

*V. V. Gamukin*, Tyumen, Russia

*V. A. Davydenko*, Tyumen, Russia

*V. D. Drašković*, Kotor, Montenegro

*A. Ishikava*, Tokyo, Japan

*J. Kaźmierczyk*, Poznań, Poland

*M. I. Kleandrov*, Moscow, Russia

*E. G. Komissarova*, Tyumen, Russia

*N. A. Kostko*, Tyumen, Russia

*V. Kreissig*, Chemnitz, Germany

*M. S. Mateykovich*, Moscow, Russia

*G. F. Romashkina*, Tyumen, Russia

*D. Yu. Rudenko*, Tyumen, Russia

*E. V. Smakhtin*, Tyumen, Russia

*V. S. Sobkin*, Moscow, Russia

*J. Song*, Seoul, South Korea

*A. V. Sumachev*, Tyumen, Russia

*G. N. Chebotaryov*, Tyumen, Russia

*L. F. Shilova*, Tyumen, Russia

*P. Järvelaid*, Tallinn, Estonia

ISSN 2411-7897 (Print)

ISSN 2500-3534 (Online)

**Founded by**

**Published, edited and printed by**

**For article submission**

**The journal is distributed**

University of Tyumen

UTMN-Press

6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

vestnik-social-r@utmn.ru

No publication charges

Accessed at

<http://www.e-library.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Subscription to

Russian Post catalogue (No. ПA252)

## Содержание

### Социология

- 6 Духовное состояние как компонент социального самочувствия молодежи  
*В. В. Дьякова, Е. В. Каргаполова, П. И. Петрова*
- 20 Сравнительный анализ: актуальность социальных сетей  
среди нигерийской и российской молодежи  
*Г. О. Олову, М. М. Акулич*
- 33 Семья или карьера? Счастье и успешность молодежи через ориентацию  
на профессиональные и семейные ценности  
*Г. З. Ефимова, С. Ю. Кувалдина*
- 58 «Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги  
Юргена Хабермаса «Теория коммуникативной деятельности»  
*В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова*

### Право

- 83 Территориальное общественное самоуправление в России как национальная  
модель общественного участия в осуществлении публично-властных полномочий  
*И. В. Гордеева*
- 109 Организационно-правовые основы развития концепции публичного управления городом  
*Р. Б. Муталипов*
- 128 Проверка конституционности нормативных правовых актов в целом  
(по материалам практики конституционного суда Российской Федерации)  
*А. А. Петров*
- 143 Законодательная «почва» для трансплантационного туризма в России  
*Ю. П. Попова*

### Экономика

- 157 Человеческие ресурсы с высоким потенциалом в новых экономических  
условиях: проблемы управления в системе территориального маркетинга  
*А. М. Симонова, А. С. Зырянова*
- 178 Оценка структуры и динамики налоговых расходов федерального бюджета  
контексте достижения социально-экономических целей  
*С. Е. Демидова*
- 194 Оптимизация механизма целевого планирования предприятия  
топливно-энергетического комплекса  
*М. Г. Салько, С. Н. Басуева, Н. К. Скворцова*

### Обзоры, рецензии, научные события

- 213 Рецензия на книгу Скачкова Г. С. 2022. Регулирование труда лиц гражданского  
персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, федеральных  
органов исполнительной власти Российской Федерации и федеральных  
государственных органов, выполняющих задачи в области обороны,  
правоохранительной деятельности и безопасности государства  
*А. В. Зайцева*
- 221 Научный обзор материалов IV Всероссийского форума в Тюмени  
по экономической безопасности  
*Д. А. Скипин, Т. А. Кольцова*

## Contents

### Sociology

- 6 State of mind as a component of youth's social well-being  
*V. V. Diakova, E. V. Kargapolova, P. I. Petrova*
- 20 Comparative analysis: the relevance of social media networks among Nigerian and Russian youth  
*G. O. Olowu, M. M. Akulich*
- 33 Family or career? Happiness and success of youth through orientation towards professional and family values  
*G. Z. Efimova, S. Yu. Kuvaldina*
- 58 "Simulacra of translation": reflections on the publication of Jurgen Habermas' Theory of Communicative Activity  
*V. A. Davydenko, E. V. Andrianova*

### Law

- 83 Territorial self-government in Russia as a national model of public participation in the exercise of public authority  
*I. V. Gordeeva*
- 109 Organizational and legal basis for the development of the concept city public administration  
*R. B. Mutalipov*
- 128 Verification of the constitutionality of normative legal acts (based on the practice of the Russian constitutional court)  
*A. A. Petrov*
- 143 Legislative "ground" for transplant tourism in Russia  
*Yu. P. Popova*

### Economics

- 157 High-potential human resources under the new economic conditions: issues of management in the place marketing system  
*L. M. Simonova, A. S. Zyrianova*
- 178 Assessment of the formation and volume of tax expenditures in the federal budget  
*S. E. Demidova*
- 194 Optimization of the target planning mechanism of the fuel and energy complex enterprise  
*M. G. Salko, S. N. Basueva, N. K. Skvortsova*

### Reviews, Critiques, Events

- 213 Review of the book Skachkova, G. S. (2022). Regulation of the Work of Civilian Personnel of the Armed Forces of the Russian Federation, Federal Executive Authorities of the Russian Federation and Federal State Bodies Performing Tasks in the Field of Defense, Law Enforcement and State Security  
*Larisa V. Zaytseva*
- 221 Scientific review of the materials of the 4<sup>th</sup> All-Russian Forum on Economic Security in Tyumen  
*D. L. Skipin, T. A. Koltsova*

## Духовное состояние как компонент социального самочувствия молодежи

Вера Валерьевна Дьякова<sup>1</sup>✉, Екатерина Владимировна Каргаполова<sup>2</sup>,  
Полина Игоревна Петрова<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

<sup>2</sup> Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия  
Контакт для переписки: [vvdyakova@yandex.ru](mailto:vvdyakova@yandex.ru)✉

**Аннотация.** Современное состояние российского общества, характеризующееся поиском ответов на вопросы о единстве ценностей, стабильном развитии общественной системы, актуализирует изучение социального самочувствия населения. Одним из показателей анализа является духовное состояние граждан, позволяющее «замерить» результат формирования смысложизненных ориентаций. В научной литературе существует несколько подходов к анализу категорий «социальное самочувствие», «духовное состояние» и их взаимосвязи. Данный вопрос в центре исследовательского внимания по нескольким причинам: отсутствие единой концепции к изучению этих феноменов, междисциплинарный интерес и фрагментарный опыт исследования, социальные, экономические, политические вызовы. Эвристичным представляется тезис о положении духовных состояний в структуре социального самочувствия, а также применительно к отдельным социальным объектам — личности, группе, общности. В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного методом анкетирования среди молодежи Москвы и Московской области. Наиболее низкие показатели оценок духовного состояния респондентами зафиксированы в их подростковом возрасте и в период юности, высокие — в детстве и при рефлексии будущего (в зрелости и старости). Женщины оценивают свое духовное состояние более позитивно, чем мужчины. Гораздо оптимистичнее рассматривают свое будущее представители более старших возрастных групп молодежи. Зафиксировано наличие связи между материальным положением семьи респондентов и их духовным состоянием на разных жизненных этапах. Сделан вывод о том, что при достижении самостоятельности молодые люди выше оценивают свое душевное состояние. Результаты, представленные в статье, могут

быть интересны широкому кругу читателей — специалистам, занимающимся проблемами ювенологии, представителям власти, общественных организаций и непосредственно самой молодежи.

**Ключевые слова:** молодежь, духовное состояние, духовные ценности, социальное самочувствие, духовный кризис

**Цитирование:** Дьякова В. В., Каргаполова Е. В., Петрова П. И. 2023. Духовное состояние как компонент социального самочувствия молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 6–19. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-6-19>

Поступила 19.05.2023; одобрена 24.05.2023; принята 02.06.2023

## State of mind as a component of youth's social well-being

Vera V. Diakova<sup>1</sup>✉, Ekaterina V. Kargapolova<sup>2</sup>, Polina I. Petrova<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

<sup>2</sup> Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Corresponding author: [vvdyakova@yandex.ru](mailto:vvdyakova@yandex.ru)✉

**Abstract.** The study of social well-being has become increasingly important in the modern Russian society, as people seek answers to questions about the unity of values and stable development of social system. One aspect of social well-being is a state of mind, which reflects the formation of meaning-of-life orientations. In the scientific literature, multiple methodologies have been employed in the examination of the categories of “social well-being” and “state of mind”, as well as their interconnection. The interdisciplinary study of these phenomena has been fragmented due to the lack of a unified concept, social, economic, and political challenges. However, the thesis on the position of state of minds in the structure of social well-being and their relation to individual social objects such as personality, group, and community is a promising area of research. The article presents the results of an empirical study conducted through a questionnaire survey among young people in Moscow and Moscow region. According to the findings of the research, respondents reported the lowest levels of state of mind during their adolescence and youth. However, they reported higher levels of state of mind during childhood and when contemplating their future (adulthood and old age). Women tend to assess their state of mind more positively

than men. Older age groups are more optimistic about their future. The study also found a connection between the financial situation of respondents' families and their state of mind at different stages of life. The article concludes that young people assess their state of mind higher when they achieve independence. These results can be useful for specialists dealing with problems of juvenology, representatives of authorities, public organizations, and young people themselves.

**Keywords:** youth, state of mind, spiritual values, social well-being, spiritual crisis

**Citation:** Diakova, V. V., Kargapolova, E. V., & Petrova, P. I. (2023). State of mind as a component of youth's social well-being. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 6–19. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-6-19>

Submitted May 19, 2023; Reviewed May 24, 2023; Accepted Jun. 2, 2023

## Введение

Вопросы духовности, духовного состояния личности, духовно-нравственного воспитания для науки актуальны всегда. Анализ этих категорий важен при изучении развития Российского государства, выявлении общих закономерностей, оказывающих влияние на настоящее страны, а также для понимания перспектив современной России. Наличие большого пласта междисциплинарных работ, в которых рассматриваются различные аспекты духовного состояния, не исключает необходимость социологического осмысления этой категории.

В отечественной социологической литературе анализ духовного состояния зачастую сопряжен с концептом «социальное самочувствие» [Кобозева, 2007; Рассадина, 2014; Очиртарова, Бальжинимаева, 2022]. Социальное самочувствие можно определить как эмерджентный уровень сознания личности, проявляющийся в оценках состояния функционирования социума и собственной жизни через призму единства конативного, эвалюативного, эмоционального и когнитивного компонентов [Галич, 2012]. В теоретических работах социологи рассматривают духовное состояние как неотъемлемый элемент социального самочувствия, отвечающий за процесс и результат поиска и формирования смыслов на основе ценностных ориентаций; в рамках эмпирических исследований — как отдельный показатель или группу показателей, позволяющих замерить состояние, характеризуемое «качеством духовности» [Михайлова, 2017, с. 97], например, потребности, мотивы, интересы.

В силу особенностей социально-демографических черт, субъектно-объектной роли в процессе социализации молодежь становится центром исследовательского внимания. В условиях трансформационных и рискогенных процессов интерес к изучению самочувствия этой социально-демографической группы усиливается. Духовное состояние молодых людей приобретает особую значимость в поиске основы стабильного развития всех общественных сфер на основе преемственности поколений.



## Методы

В статье использованы отдельные результаты инициативного социологического исследования «Наша духовность», проведенного под руководством и непосредственном участии авторов с использованием метода онлайн-анкетирования в октябре 2021 г. среди молодых людей в возрасте 15–35 лет, проживающих в Москве и Московской области. Тип выполненной выборки — «целевая», для чего исследовательской группой разработан и апробирован алгоритм реализации онлайн-анкетирования с выходом на целевую когорту по специально заданным котируемым признакам. Анкетерам было поставлено задание опросить респондентов из целевой группы и установлены квоты по полу и занятости респондентов (только учебная деятельность, совмещение учебы и занятости, только трудовая деятельность). Респонденты указывали фамилию анкетера и свою контактную информацию, что позволяло проводить контроль работы анкетеров. По этой методике было опрошено 1950 человек. После процедур контроля в выборке осталось 1820 человек. В выборку не попали респонденты, не соответствовавшие параметрам целевой аудитории по возрасту и месту проживания. Полученное соотношение юношей и девушек соответствует гендерной структуре генеральной совокупности. Среди опрошенных 50,2% только учатся в учебных (главным образом в высших) заведениях, 16% учатся и работают, 33,8% только работают. Обработка и анализ данных проведены с использованием программы SPSS 17.0.

Методологической основой анализа состояния духовности явились подходы к изучению духовных состояний как элемента социального самочувствия, в том числе на основе субъектных оценок [Галич, 2012] через призму личностной рефлексии на разных жизненных этапах [Солодникова, 2007; Залевская, 2020]. Подчеркнем, что анализ духовного состояния как компонента социального самочувствия через призму «прошлое — настоящее — будущее» является важной социологической задачей, поскольку позволяет рассмотреть жизненные истории, планы и стратегии как сложные интегральные объекты, то есть опыт, способы структурирования и конструирования жизни человека [Резник, 2000].

Для определения уровня духовного состояния в анкету был включен вопрос «Оцените свое духовное состояние, включая прошлое, настоящее и возможные будущие состояния, по пятибалльной шкале, где 1 — худшее состояние, 5 — оптимальное, наилучшее состояние». Респондент конкретизировал свой ответ в зависимости от конкретного этапа жизненного пути — «в детстве, в подростковом возрасте, в юности, в период зрелости, в пожилом возрасте».

Для анализа был применен метод сравнения средних по вопросу об оценке духовного состояния, построены таблицы сопряженности по социально-демографическим признакам — пол и возраст, по показателю материального положения семьи на основе субъективного восприятия респондента [Балацкий, Саакянц, 2006; Рощина, 2007; Соян, Монгуш, 2021]. Обработка данных осуществлялась с использованием программного комплекса SPSS.

## Результаты

Согласно полученным результатам (таблица 1), итоговая средневзвешенная балльная оценка духовных состояний у молодых людей равна 3,77 баллам по пятибалльной шкале. Самая низкая относительно итоговой — при оценке духовного состояния в подростковом возрасте (–0,48). Ниже итоговой отметки (–0,11) респонденты определяют свой уровень духовного состояния в юности. Другие оценки относительно итогового значения довольно позитивные: как при рефлексии прошлого — в детстве (+0,14), так и в отношении будущего, причем по нарастающей — в период зрелости (+0,18) и в пожилом возрасте (+0,27). Описываемая тенденция подтверждается распределением значений моды: в детстве — 5; в подростковом возрасте — 3; в юности — 4; в период зрелости — 5; в пожилом возрасте — 5.

**Таблица 1.** Распределение ответов на вопрос «Оцените Ваше духовное состояние...», средневзвешенные балльные оценки по пятибалльной шкале

**Table 1.** Distribution of answers to the question “Evaluate your state of mind...,” weighted average scores on a five-point scale

В детстве	В подростковом возрасте	В юности	В период зрелости	В пожилом возрасте	Итого
3,91	3,29	3,66	3,95	4,04	3,77

Гендерный анализ (таблица 2) позволяет говорить о сохранении тенденций в описании духовных состояний молодых людей, а также отметить следующие различия. Во-первых, оценки мужчин в целом ниже, чем у женщин. Во-вторых, средние оценки мужчин находятся в диапазоне 3,43–3,89 баллов (размах — 0,46), у женщин — 3,18–4,15 баллов (размах — 0,97). В-третьих, оценка духовного состояния в подростковом возрасте у респонденток относительно низкая и равна 3,18 баллам. В-четвертых, молодые женщины характеризуют свое будущее гораздо позитивнее, чем мужчины, причем как в зрелом (разница — 0,17), так и в пожилом возрасте (разница — 0,26).

**Таблица 2.** Распределение ответов на вопрос «Оцените Ваше духовное состояние...», средневзвешенные балльные оценки по пятибалльной шкале, по полу

**Table 2.** Distribution of answers to the question “Evaluate your state of mind...,” weighted average scores on a five-point scale, by gender

Варианты ответа	В детстве	В подростковом возрасте	В юности	В период зрелости	В пожилом возрасте	Итого
Мужской	3,85	3,43	3,66	3,85	3,89	3,74
Женский	3,95	3,18	3,67	4,02	4,15	3,80

Двумерное распределение ответов на вопрос об оценке духовного состояния по возрастным группам (таблица 3) свидетельствует о том, что для респондентов в каждой из когорт характерны ориентации, описанные выше. Стоит отметить, что чем старше

респондент, тем в целом его оценки выше, как и характеристики будущего личностного развития. Если в 15–17 лет молодые люди своему духовному состоянию ставят 3,86 балла, то респонденты в возрасте 28–35 лет на 0,24 балла больше.

**Таблица 3.** Распределение ответов на вопрос «Оцените Ваше духовное состояние...», средневзвешенные балльные оценки по пятибалльной шкале, по возрастным интервалам

**Table 3.** Distribution of answers to the question “Evaluate your state of mind...,” weighted average scores on a five-point scale, by age intervals

Варианты ответа	В детстве	В подростковом возрасте	В юности	В период зрелости	В пожилом возрасте	Итого
15–17	3,94	3,23	3,54	3,90	3,86	3,69
18–22	3,90	3,25	3,67	3,96	4,04	3,76
23–27	3,89	3,46	3,65	3,87	4,01	3,77
28–35	3,97	3,54	3,75	4,01	4,13	3,88

Двумерное распределение ответов на вопросы об оценке духовных состояний и благосостоянии представлено в таблице 4. Самые низкие оценки у тех, кого можно отнести к социальной группе «нищие». Интересным представляется факт, что итоговые характеристики примерно равны сразу у трех групп опрошенных — у тех, чье материальное положение можно оценить как «бедные» и «нуждающиеся», а также «богатые». Более высокий показатель у опрошенных, уровень материальной обеспеченности которых можно определить как «состоятельные, выше среднего». У представителей «среднего» класса самые высокие показатели.

**Таблица 4.** Распределение ответов на вопрос «Оцените Ваше духовное состояние...», средневзвешенные балльные оценки по пятибалльной шкале, по показателю оценки материального состояния семьи

**Table 4.** Distribution of answers to the question “Evaluate your state of mind...,” weighted average scores on a five-point scale, according to the indicator of the assessment of the material status of the family

Варианты ответа	В детстве	В подростковом возрасте	В юности	В период зрелости	В пожилом возрасте	Итого
Денег с трудом хватает даже на питание	3,41	2,90	3,38	3,62	3,79	3,42
На питание денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения	3,73	3,10	3,73	4,11	3,94	3,72

Окончание таблицы 4

Table 4 (end)

Варианты ответа	В детстве	В подростковом возрасте	В юности	В период зрелости	В пожилом возрасте	Итого
Денег хватает на питание и одежду, но купить сейчас телевизор, холодильник или стиральную машину мы не можем	3,97	3,29	3,57	3,86	3,96	3,73
Денег хватает на крупную бытовую технику, но мы не могли бы купить новую машину	4,01	3,38	3,70	4,03	4,15	3,86
Денег хватает на все, кроме покупки недвижимости (квартиры или дачи)	3,90	3,28	3,70	3,92	4,05	3,77
Материальных затруднений не испытываем. При необходимости могли бы купить дачу, квартиру	3,79	3,25	3,66	3,92	3,94	3,71

## Обсуждение

В результате проведенного исследования была отмечена относительно высокая итоговая средняя оценка при анализе духовных состояний у молодых людей. В рамках рассуждения о духовном состоянии как одном из компонентов социального самочувствия стоит уточнить, что федеральные замеры общественного мнения фиксируют повышение этого показателя. Согласно ВЦИОМ, за последний год выросла доля тех, кто положительно характеризует свою удовлетворенность жизнью, оценку ситуации в стране и общий курс развития страны [ВЦИОМ. Социальное самочувствие: мониторинг].

Рассмотрим подробнее вопрос о характеристике духовного состояния в разных периодах жизни. Детство является одним из наиболее беззаботных периодов в жизни человека. Это период бурного развития, получения знаний о мире. При этом все потребности ребенка обеспечивают родители. Ребенок не обременен заботой о материальных, финансовых, бытовых, культурных и иных проблемах семьи, активно развивается интеллектуально

и духовно, накапливает опыт социального взаимодействия. С этим могут быть связаны достаточно высокие оценки респондентами своего духовного состояния в детстве.

Отмеченные в ходе предпринятого исследования низкие оценки духовного состояния в подростковом возрасте могут быть связаны с особенностями физиологического, психологического и социального развития в данный жизненный период, например, серьезной психологической и гормональной перестройкой организма ребенка, его половым созреванием и эмоциональной нестабильностью. В подростковом возрасте дети уже начинают формировать свои собственные представления о мире и ценностях и становятся значительно более скептически и нетерпимы по отношению к духовным практикам и верованиям, доминирующим у старшего поколения [Сазонова, Поданева, 2020].

Относительно невысоки показатели и оценки духовного состояния в период юности. На этом этапе жизни у человека формируется мировоззрение, заканчивается половое созревание, происходит стабилизация личности, что также связано с социально-психологической нестабильностью и тревожностью. Так как этот период начавшейся социальной и психологической сепарации сочетается (в большинстве случаев даже в противоречии) с довольно ощутимой зависимостью (материальной, финансовой, бытовой, духовной и другими) от родителей и других агентов социализации.

Стоит отметить, что для социологической науки феномены детства и юности являются относительно сложными объектами для анализа. С одной стороны, предметом исследования выступают ретроспективные воспоминания, связанные с событиями, которые нашли наибольший эмоциональный негативный или позитивный отклик, а не нейтральные, рутинные, ежедневные [Майорова-Щеглова, Митрофанова, 2020]. С другой стороны, отсутствует единый методологический подход к определению границ детства, интервалов данного жизненного пути, опыт социологического исследования в рамках масштабных или мониторинговых проектов [Филипова, 2016]. Однако актуальность изучения детства в том числе с помощью социологических методов не вызывает сомнений, и ретроспективный анализ является наиболее востребованным методом как при непосредственно анализе прошлого человека, так и его влияния на другие периоды жизненного пути.

Согласно полученным эмпирическим данным, в период зрелости респонденты полагают, что их духовное состояние в среднем будет довольно высоким. Это время наиболее активной социальной и духовной жизни человека. Он окончательно формируется как личность, в то же время становится финансово стабильным, начинает зарабатывать самостоятельно и, как правило, сепарируется от родителей, появляется собственная семья. Наиболее высоко респонденты оценивали свое духовное состояние в пожилом возрасте.

Так как, очевидно, этот вопрос стремился оценить этот показатель в будущем, то предположим, что большинство опрошенных настроены оптимистично. Такая направленность на успешное будущее, мотивация на достижение цели, удовлетворение потребностей в разных сферах характерна, по мнению ученых, для представителей молодого поколения [Козлова, 2018]. Им в отличие от других поколений, свойственен оптимистичный взгляд на развитие грядущих событий. Более того, именно для этой генерации будущее сопряжено со способностью альтернативного выбора, самостоятельности, состоятельности [Дубин, 2010].

Доминирование позитивных оценок духовного состояния в будущем для более старших возрастных групп можно объяснить также тем, что с возрастом молодые люди становятся более независимыми в разных аспектах своей деятельности — финансовых, экономических, бытовых, хозяйственных, социальных, трудовых. Такая модель [Дубин, 2010] нацелена на самореализацию, веру в собственные силы, умения, качества характера, которые к моменту приближения к зрелому возрасту уже прошли проверку (окончание обучения, работа, собственная семья, дети) и позволяют с оптимизмом встретить грядущие события.

Превалирование позитивных оценок в отношении будущего характерно для молодых женщин больше, чем для мужчин. Такое распределение в ответах, отмеченное и в рамках других исследований социального самочувствия [Матюшина, 2011], можно объяснить выбором жизненной стратегии. Если для мужчины при определении жизненного пути главным является работа, материальное благополучие, то женщины делают ставку на семью, родственные связи, выстраивание социальных контактов [Назарова, 2014], на поддержку родных и близких, на нематериальное, что непосредственно связано с текущим духовным состоянием и позволяет увереннее смотреть в завтрашний день.

Результаты исследования показали, что есть связь между показателями духовного состояния человека и материального положения семьи. Молодые люди, находящиеся в процессе формирования своей личности и духовной идентичности, могут испытывать давление со стороны сверстников и медиа, задающих стандарты красоты и материального успеха, которым сами подростки не всегда способны отвечать в силу своей материальной и финансовой несамостоятельности. Диссонанс между потребительскими амбициями человека и его реальными материальными возможностями может негативно сказываться на духовном состоянии человека: это может приводить к разочарованию, падению самооценки и даже неврозу в наиболее сложных случаях [Цымбал, 2017]. В современном обществе в подростковом возрасте потребление играет важную роль в процессе социализации индивида [Овечко, 2014]. Однако потребление сегодня стремится не столько удовлетворить материальные потребности человека, сколько дать ему возможность социально самоутвердиться в обществе, быть принятым сверстниками [Шайдакова, 2011]. Таким образом, молодые люди, не имеющие возможности в полной мере отвечать заданным в обществе стандартам потребительской культуры и реализовывать свои потребительские амбиции, могут оценивать свое духовное состояние довольно низко.

Более того, у молодежи не остается возможности позиционировать себя вне потребительских практик, с чем также может быть связано ухудшение духовного состояния в подростковом возрасте. Эти потребительские практики не добавляют субъектности личности, а лишь унифицируют человека в отношении других. Ориентация на следование модным тенденциям с целью получить определенные социальные преимущества и подчеркнуть свою уникальность в реальности дает лишь мнимость достижения «индивидуальности» [Ильин, 2016]. Однако следование модным тенденциям часто позволяет подростку быть принятым сверстниками. В результате вместо поиска индивидуальности человек подчеркивает схожесть своих потребительских практик с другими. Так, стремясь персонализироваться только лишь за счет потребления определенных знаков, человек

лишает себя возможности быть «самодостаточной гармонично развитой личностью, активным творцом и полноценным хозяином собственных мыслей и жизни» [Цымбал, 2017, с. 58]. Построение идентичности в соответствии с рыночными трендами, без осмысления своих реальных желаний и потребностей, без рефлексии и анализа окружающей действительности ведет к стагнации духовного развития и кризису духовности.

С одной стороны, хорошее материальное положение действительно открывает потенциальные возможности для творчества и получения знаний, позволяет улучшить качество жизни, например, заниматься спортом, покупать книги, ходить в музеи и на курсы личностного роста. С другой стороны, вопреки постулату общества потребления «ты то, что ты потребляешь», человек не становится духовным только благодаря обладанию определенными товарами и услугами. Духовность достигается через регулярную внутреннюю активность индивида, связанную с поиском внутренних ориентиров, обращением человека к высшим ценностям морали и нравственности [Лифинцева, 2013].

В рамках злободневного вопроса о кризисе культуры и потере духовности современного человека стоит отметить следующее. Гипертрофированная фетишизация денежных отношений в общественной жизни ведет к потере нравственных смыслов, утрачиванию понимания реальной роли денег в процессе становления духовной личности, отчуждению духовной и культурной мотивации индивида. Всё, кроме самих денег и других важных материальных вещей, по сути, лишается своей самостоятельной значимости, т. к. в любом случае человек должен сначала позаботиться о них [Зарубина, 2005]. В условиях распространения идеологии консюмеризма товар также приобретает для человека особое значение: он становится отражением его ценностей, средством социализации и коммуникации. Нельзя не отметить, что сама по себе сфера духовных отношений коммерциализируется. О том, что в обществе потребления в товар превращается все, писал еще Жан Бодрийяр [Baudrillard, 1993]. Многие из тех, кто осознанно развивает свою духовность, делают это, чтобы убежать от стресса и суеты повседневной жизни. В обществе потребления духовность зачастую становится еще одним объектом потребления и способом достижения успеха и социального самоутверждения [Миронова, Жикривецкая, 2015]. Появляются товары и услуги, дающие возможность ощущать себя духовным человеком. Сегодня, например, стало популярным показывать свой духовный статус, принимая участие в таких мероприятиях, как ретриты, медитация, йога и т. д.

Интересным является полученный в ходе эмпирического исследования результат, что при повышении материального статуса растет оценка душевного состояния, но только до уровня среднего класса. Эта зависимость становится отрицательной для тех, чей уровень благополучия можно оценить, как «выше среднего» и «богатые». Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, для молодых выходцев из этих групп характерна высокая степень инфантилизации [Майорова-Щеглова, Митрофанова, 2020]. С другой — при отсутствии необходимости в удовлетворении базовых нужд реализация потребностей в уважении и самореализации на каждом из жизненных этапов для молодых людей является непростым и трудно прогнозируемым процессом, часто связанным с экзистенциальным кризисом, решение которого требует развития духовных качеств и ресурсов.

## Заключение

Кризис культуры, поиск объединяющей основы для стабильного развития общества актуализирует научный поиск в области исследования духовных состояний как важнейшей составляющей социального самочувствия. Особенно важным этот вопрос становится в отношении молодежи как объекта и субъекта процесса преемственности поколений.

Полученные в ходе эмпирического исследования данные позволяют сделать вывод об относительно высокой итоговой оценке духовного состояния молодых людей. Респонденты наиболее высоко оценивают данное состояние в детстве и в будущем — в зрелости и старости, наиболее низко — в подростковом возрасте и юности. Более оптимистичны в этой оценке женщины, чем мужчины. Также чем старше молодой человек, тем в большей степени для него свойственен позитивный взгляд на «состояние души» и будущие события.

Существует определенная связь между материальным положением семьи респондентов и их мнением об уровне своего духовного состояния на разных этапах жизненного пути. Большинство респондентов оптимистично настроены в том, что их духовное состояние улучшится в будущем, что может быть связано во многом с хорошим материальным положением в настоящем.

Представленные в данной статье результаты могут быть использованы в практической деятельности, например, для формирования и мониторинга государственных и муниципальных программ по духовно-нравственному воспитанию.

## Список источников

- Балацкий Е. В., Саакянц К. М. 2006. Индексы социального неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 122–128.
- ВЦИОМ. Социальное самочувствие: мониторинг. 28 февраля 2023 г. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring?ysclid=lhjk87uem6842566820> (дата обращения: 11.05.2023).
- Галич Л. П. 2012. Социальное самочувствие молодежи. Минск: Право и экономика. 160 с.
- Дубин Б. В. 2010. Координата будущего в общественном мнении // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 2 (104). С. 7–12.
- Залевская М. А. 2020. Возрастная периодизация в Российской Федерации в современных условиях // Международный научно-исследовательский журнал. № 12-3 (102). С. 17–20.
- Зарубина Н. Н. 2005. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социологические исследования. №. 7. С. 12–21.
- Ильин А. Н. 2016. Парадоксы общества потребления // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. Т. 22. № 1. С. 23–43.
- Кобозева Н. Н. 2007. Социальное самочувствие как социологическая категория // Наука. Инновации. Технологии. № 50. С. 117–122.
- Козлова Т. З. 2018. Социально-психологическое самочувствие россиян по возрастным группам // Власть. № 5. С. 118–125.



- Лифинцева С. Н. 2013. Духовность современной личности и пути ее формирования // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. № 29. С. 97–101.
- Майорова-Щеглова С. Н., Митрофанова С. Ю. 2020. Раннее взросление или инфантилизация: парадокс событийности современного детства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 13. № 1. С. 25–39.
- Матюшина Ю. Б. 2011. Социальное самочувствие россиян в условиях кризиса (по результатам социологического исследования в Воронежской области) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 1. С. 25–31.
- Миронова Е. Н., Жикривецкая Ю. В. 2015. Психологические аспекты духовности общества потребления // Мир науки, культуры, образования. № 2 (51). С. 303–305.
- Михайлова Р. В. 2017. Об особенностях духовных состояний личности // Успехи современной науки. Т. 9. № 4. С. 96–99.
- Назарова И. Б. 2014. Здоровье и качество жизни жителей России // Социологические исследования. № 9. С. 139–145.
- Овечко Е. А. 2014. Влияние агентов первичной социализации на потребительское поведение подростков // Социально-гуманитарные знания. № 12. С. 307–311.
- Очиртарова Н. Н., Бальжинимаева Е. П. 2022. Сравнительный анализ исследований социального самочувствия в российской науке // Теория и практика общественного развития. № 10 (176). С. 51–56.
- Рассадина Т. А. 2014. К вопросу о социальном самочувствии россиян. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 2 (30). С. 146–155.
- Резник Т. Е. 2000. Методология комплексного изучения жизненных стратегий личности // Личность. Культура. Общество. Т. 2. № 2. С. 40–50.
- Рощина Я. М. 2007. Дифференциация стилей жизни россиян в поле досуга // Экономическая социология. Т. 8. № 4. С. 23–42.
- Сазонова Н. П., Поданева Т. В. 2020. Формирование духовно-нравственных основ личности ребенка старшего дошкольного возраста // Мир науки, культуры, образования. № 4 (83). С. 87–89.
- Солодников И. В. 2007. Социализация личности: сущность и особенности на разных этапах жизни // Социологические исследования. № 2. С. 32–39.
- Соян Ш. Ч., Монгуш О. Н. 2021. Самооценка материального положения молодежи Тувы // Социологические исследования. № 10. С. 153–157.
- Филипова А. Г. 2016. Детство в фокусе отечественных социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (41). С. 80–87.
- Цымбал Е. А. 2017. Духовный мир и идентичность личности в обществе потребления // Философия права. № 4 (83). С. 56–62.
- Шайдакова Н. В. 2011. Потребительская социализация в отечественных и зарубежных психологических исследованиях // Социально-экономические явления и процессы. № 11. С. 345–348.
- Baudrillard J. 1993. Symbolic Exchange and Death. SAGE Publications. 254 pp.

## References

- Balatsky, E. V., & Sahakyants, K. M. (2006). Indices of social inequality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, (2), 122–128. [In Russian]
- VTsIOM (Russian Public Opinion Research Center). Social well-being: monitoring. February 28, 2023. Retrieved May 11, 2023 from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring?ysclid=lhjk87yem6842566820> [In Russian]
- Galich, L. P. (2012). *Social well-being of young people*. Minsk: Pravo i ekonomika. [In Russian]
- Dubin, B. V. (2010). The coordinate of the future in public opinion. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, (2), 7–12.
- Zalevskaya, M. A. (2020). Age periodization in the Russian Federation in modern conditions. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, (12-3), 17–20. [In Russian]
- Zarubina, N. N. (2005). Money as a socio-cultural phenomenon: limits of functionality. *Sociologicheskie issledovaniya*, (7), 12–21. [In Russian]
- Ilyin, A. N. (2016). Paradoxes of consumer society. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, 22(1), 23–43. [In Russian]
- Kobozeva, N. N. (2007). Social well-being as a sociological category. *Nauka. Innovacii. Tekhnologii*, (50), 117–122. [In Russian]
- Kozlova, T. Z. (2018). Socio-psychological well-being of Russians by age groups. *Vlast'*, (5), 118–125. [In Russian]
- Lifintseva, S. N. (2013). Spirituality of the modern personality and the ways of its formation. *Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*, (29), 97–101. [In Russian]
- Mayorova-Shcheglova, S. N., & Mitrofanova, S. Y. (2020). Early adulthood or infantilization: the paradox of the eventfulness of modern childhood. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*, 13(1), 25–39. [In Russian]
- Matyushina, Yu. B. (2011). The social well-being of Russians in a crisis (according to the results of a sociological study in the Voronezh region). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*, (1), 25–31. [In Russian]
- Mironova, E. N., & Zhikrivetskaya, Yu. V. (2015). Psychological aspects of spirituality of consumer society. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, (2), 303–305. [In Russian]
- Mikhailova, R. V. (2017). About the peculiarities of the state of minds of the individual. *Uspekhi sovremennoj nauki*, 9(4), 96–99. [In Russian]
- Nazarova, I. B. (2014). Health and quality of life of Russian residents. *Sociologicheskie issledovaniya*, (9), 139–145. [In Russian]
- Ovechko, E. A. (2014). The influence of agents of primary socialization on the consumer behavior of adolescents. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, (12), 307–311. [In Russian]
- Ochirtarova, N. N., & Balzhinimaeva, E. P. (2022). Comparative analysis of social well-being studies in Russian science. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (10), 51–56. [In Russian]
- Rassadina, T. A. (2014). To the question of the social well-being of Russians. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*, (2), 146–155. [In Russian]
- Reznik, T. E. (2000). The methodology of a comprehensive study of personality life strategies. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2(2), 40–50. [In Russian]

- Roschina, Ya. M. (2007). Differentiation of lifestyles of Russians in the field of leisure. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 8(4), 23–42. [In Russian]
- Sazonova, N. P., & Podaneva T.V. (2020). Formation of the spiritual and moral foundations of the personality of a child of senior preschool age. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. (4), 87–89. [In Russian]
- Solodnikova, I. V. (2007). Socialization of personality: the essence and features at different stages of life. *Sociologicheskie issledovaniya*, (2), 32–39. [In Russian]
- Soyan, Sh. Ch., & Mongush, O. N. (2021). Self-assessment of the financial situation of the youth of Tuva. *Sociologicheskie issledovaniya*, (10), 153–157. [In Russian]
- Filippova, A. G. (2016). Childhood is the focus of domestic sociological research. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. NI Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, (1), 80–87. [In Russian]
- Tsymbal, E. A. (2017). The spiritual world and identity of the individual in the consumer society. *Filosofiya prava*, (4), 56–62. [In Russian]
- Shaidakova, N. V. (2011). Consumer socialization in domestic and foreign psychological research. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy*, (11), 345–348. [In Russian]
- Baudrillard J. (1993). *Symbolic Exchange and Death*. SAGE Publications. 254 p.

## Информация об авторах

*Вера Валерьевна Дьякова*, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и психологии, Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

[vdvyakova@yandex.ru](mailto:vdvyakova@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3715-1393>

*Екатерина Владимировна Каргаполова*, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

[k474671@list.ru](mailto:k474671@list.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2892-3953>

*Полина Игоревна Петрова*, студентка, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

[petrova4300@gmail.com](mailto:petrova4300@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-0749-2891>

## Information about the authors

*Vera V. Diakova*, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences and Psychology, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

[vdvyakova@yandex.ru](mailto:vdvyakova@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3715-1393>

*Ekaterina V. Kargapolova*, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

[k474671@list.ru](mailto:k474671@list.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2892-3953>

*Polina I. Petrova*, Student, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

[petrova4300@gmail.com](mailto:petrova4300@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-0749-2891>

## Comparative analysis: the relevance of social media networks among Nigerian and Russian youth

Gbenga Olalekan Olowu<sup>✉</sup>, Maria Mikailovna Akulich

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: [gbengahollowu@gmail.com](mailto:gbengahollowu@gmail.com)<sup>✉</sup>

**Abstract.** This article aims to compare the relevance of social media among Nigerian and Russian youths from a networking perspective. The importance of social media and its implications have attracted the attention and research interest of scholars from different countries and fields of knowledge. Nevertheless, among the plethora of sociological research, there is a lack of scholarly work on a comparative analysis of social media's importance for young people in different countries. Therefore, in this study, the research focuses on understanding the similarities and differences of the economic and social life of Nigeria and Russia. The aim is to understand the relevance of social media networks to the youths of the two countries. The study used a sample survey method using questionnaire, 150 copies of which were distributed to Nigerian and Russian youths each. The questionnaire used the English and Russian languages for the corresponding groups of respondents. This study has shown that both Nigerian and Russian youths have much in common in their assessments of the economic and social relevance of social networks for business development, consumer behavior, and human relationship.

**Keywords:** comparative analysis, social media, social network, Nigerian youths, Russian youths

**Citation:** Akulich, M. M., & Olowu, G. O. (2023). Comparative analysis: the relevance of social media among Nigerian and Russian youth. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 20–32. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-20-32>

Submitted Feb. 21, 2023; Reviewed Mar. 3, 2023; Accepted Mar. 12, 2023

## Сравнительный анализ: актуальность социальных сетей среди нигерийской и российской молодежи

Гбенга Олалекан Олову<sup>✉</sup>, Мария Михайловна Акулич

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-mail для переписки: gbengahollowu@gmail.com<sup>✉</sup>

**Аннотация:** Целью статьи является сравнительный анализ актуальности социальных сетей среди нигерийской и российской молодежи с позиций сетевого подхода. В настоящее время человечество в своей повседневной жизни и деятельности в значительной степени зависит от интернета, как от самого быстрого средства связи. Быстро растущее значение социальных сетей и их последствия привлекли внимание и исследовательский интерес ученых из разных стран и областей знаний. Тем не менее среди множества социологических исследований недостаточно научных трудов, где бы проводился сравнительный анализ значимости социальных сетей для молодежи разных стран. В связи с этим исследование направлено на сравнение мнений нигерийской и российской молодежи, позволяющее выявить особенности, сходство и различие в понимании и оценках значения социальных сетей для молодежи России и Нигерии. В исследовании использовался метод выборочного опроса с помощью анкетирования: 150 экземпляров анкеты были распространены среди нигерийской молодежи и еще 150 — среди российской молодежи. При составлении анкеты для нигерийской молодежи использовался английский язык, а для российской молодежи — русский язык. Исследование показало, что и нигерийская, и российская молодежь имеют много общего в оценках экономической значимости социальных сетей для развития предпринимательской деятельности и потребительского поведения, оценках их социальной роли в устройстве личной жизни и культурном развитии молодежи.

**Ключевые слова:** сравнительный анализ, социальные медиа, социальная сеть, нигерийская молодежь, российская молодежь

**Цитирование:** Акулич М. М., Олову Г. О. 2023. Сравнительный анализ: актуальность социальных сетей среди нигерийской и российской молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 20–32. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-20-32>

Поступила 21.02.2023; одобрена 3.03.2023; принята 12.03.2023

## Introduction

The emergence of social media networks further strengthened Marshall McLuhan's position in his perspective of seeing the world as a global village [McLuhan, Fiore, 1967]. Analyzing the importance of communications in the society, researcher R. Williams stated,

“In any complicated society, social realities not only exist; they are formed and interpreted. For any actual people, including the most exposed, direct experience of the society is fragmentary and discontinuous. To get a sense of what is happening, at any given time, we depend on a system of extended communications” [Williams, 2018, p. 34].

The communication system, as it developed, expanded, and acquired the features of extended communication systems.

In historical retrospect, public relations were carried out “from door to door” or “from one to another,” which was a direct kind of communication. Telecommunication helped us to have various other means to exchange messages: “we have to give credit to technology for opening up many new avenues for expanding the comparatively limited communication options we had available in the past.” [Subramanian, 2018, pp. 5–6].

Over time, as technology advanced, the means of communication gradually expanded. Print media came into limelight, and later electronic media. Electronic media came into existence as if nothing more could pass information to society at large in the shortest time. Informative society takes the shape of fast information upon the emergence of social medial networks. Social media has become the most popular channel of sending information to a specific group or random people through different platforms, including Facebook, Instagram<sup>1</sup>, Vkontakte (VK), and Twitter. At first, Facebook was created to connect with and find new friends, but social media seems to be more than just a means of making friends: nowadays, it is rather about making money, gaining popularity, and becoming influential in society through tweets, messages, and podcasts. There are five elements that make up social media: listening, content marketing, engagement, promotion/advertising, and measurement/analysis [Gibbard, 2018].

The question is, how do these elements function in each country? The world may have become a global village, as McLuhan noted, but do we practice the same way or receive the same expectations from social media in different “settlements” of this “global village”? To convincingly analyze the importance of social media in the economic and social life of Nigerian and Russian youths, the following research questions were posed in the study.

1. To what extent are social networks economically relevant for Nigerian/Russian youth?
2. To what extent is social media networks enhance the social value of Nigerian/Russian youth?

The purpose of this study is to compare the impact of social networks on the economic and social life of Nigerian and Russian youths.

---

<sup>1</sup> Facebook and Instagram belong to Meta Platforms, Inc., which is recognized in Russia as an extremist organization and is therefore banned.

## Methods

The survey method was used to achieve the purpose of the article. A total of 300 copies of the questionnaire were distributed, 150 — among the Nigerian youths and 150 — among the Russian youths. Respondents were randomly selected online. There were more Facebook and Instagram users among the Nigerian youth, while VK and Instagram were more popular for Russians. This difference is supported by the data from Statista that these networks are the most popular in each corresponding country. In the 3<sup>rd</sup> quarter of 2021, Facebook is the most popular social network in Nigeria with 91.9% and WhatsApp with 86.4% [Statista, 2022]. VK in Russia was at 76.4% after WhatsApp at 80.9% [Statista, 2023b]. The third most popular social network in the two countries is Instagram: Nigerian users — 77.9%, Russian — 63.7%. Therefore, the study used Facebook and VK as the main source for contacting respondents in the absence of direct contacts. The results of the study were processed using the SPSS program.

## Results and discussion

### The economic relevance of the social media networks among Nigerian and Russian youth

How does social media influence the economy? Jeff Desjardins finds three key aspects that help put this complex relationship [Desjardins, 2017]:

- (1) democratization of information;
- (2) platform economy;
- (3) new ecosystems.

Compared to the traditional media, the advent of social media has helped people to have greater access to getting and giving the information they need and want. This has helped small and midsize enterprises (SMEs) to provide information about their products and services to the public. In addition, this has largely contributed to quickly sending and receiving a lot of feedback that affects the consumer behavior of customers.

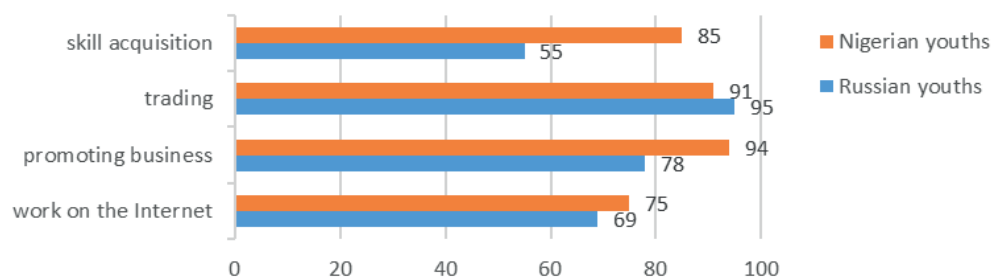
Social networks significantly increase the awareness of network users about the advantages and disadvantages of goods and services. According to Kaplan and Haenlein,

“Historically, companies were able to control the information available about them through strategically placed press announcements and good public relations managers. Today, however, firms have been increasingly relegated to the side-lines as mere observers, having neither the knowledge nor the chance — or, sometimes, even the right — to alter publicly posted comments provided by their customers” [Kaplan, Haenlein, 2010; cited in Papachristou, 2013].

This significantly increases the possibility for the client to obtain more objective information about the quality of goods sold and services provided.

The advantages of social media have not only helped Nigerian and Russian youths to learn about companies through reviews, but they also help them promote their own business and become popular. The latter includes new Internet businesses, such as becoming an influencer or blogger. Blogging has turned from a hobby into a form of employment — self-employment.

Both Nigerian and Russian youths agreed on the importance of social media in entrepreneurial *skill acquisition* either to build on what they already know or gain new knowledge (Fig. 1): 85% of Nigerian respondents agreed that social media is a useful tool for acquiring entrepreneurial skills, while 55% of Russian respondents agreed with the same statement. In a study by Nwolu *et al.*, on the role of social media in developing entrepreneurial skills among Nigerian youths during lockdown 2022, it was found that “71.4% of respondents acquired skills on social media during the lockdown with YouTube, Facebook and Instagram as the main media for these acquisitions” [Nwolu *et al.*, 2021, p. 43].



**Fig. 1.** The economic relevance of social networks by Nigerian and Russian youth

**Рис. 1.** Экономическая значимость социальных сетей согласно нигерийской и российской молодежи

**Source:** compiled by the authors.

**Note:** the provided diagram lists only the % of the participants who have agreed with the researcher's claim. Full data available in Table 1.

**Источник:** составлено авторами.

**Примечание:** на графике указан только процент участников, согласившихся с утверждениями исследователя. Полные данные см. в таблице 1.

**Table 1.** Respondents' opinions on the economic importance of social networks among the Nigerian and Russian youth

**Таблица 1.** Мнения респондентов об экономической значимости социальных сетей среди нигерийской и российской молодежи

	Nigeria			Russia		
	<i>agree</i>	<i>disagree</i>	<i>undecided</i>	<i>agree</i>	<i>disagree</i>	<i>undecided</i>
skill acquisition	85%	9%	6%	55%	22%	22%
trading (buying and selling)	91%	3%	0%	95%	3%	2%
promoting business	94%	3%	3%	78%	10%	10%
work on the Internet	75%	3%	21%	69%	21%	10%

**Source:** compiled by the authors.

**Источник:** составлено авторами.



The situation with *trading (buying and selling)* through social networks in these two countries does not differ significantly. Thus, 95% and 91% of respondents from Russia and Nigeria, correspondingly, agreed that social media helped them in trading. Many people prefer to shop through social networks. Most of these buyers largely rely on the reviews of previous customers. Social media trading helps aspiring entrepreneurs as it is not necessary for a seller to have many items to sell before starting a business. In addition, the lack of a physical store, which is another expense for most beginners, is not necessary either. A payment terminal is enough for clients to pick up their products, which does not put much expenses compared to getting a bigger store or office (e. g., Wildberries and Ozon retail chains have many distribution points in convenient places for their clients in many cities).

The importance of social networks in the aspect of buying and selling is not only for beginners. Large companies have also taken advantage of social media to promote themselves and the idea of selling online. Covid-19 has opened more doors for this, and it has become a reality. Perviy gipermarket mebeli (The First Furniture Hypermarket), Mvideo, and Ozon are good examples in Russia. In addition, there are trading platforms that help individuals sell to both organizations and individuals. For organized individuals: Wildberries in Russia, Konga in Nigeria. For individuals: Avito in Russia and Jiji in Nigeria. All these platforms contributed to the development of online sales and to the financial stability of all participants in the process. “39 mln of Internet users make purchases via social channels — it is 55% of all Russian internet users” [Yandex.Checkout, Data Insight, 2019].

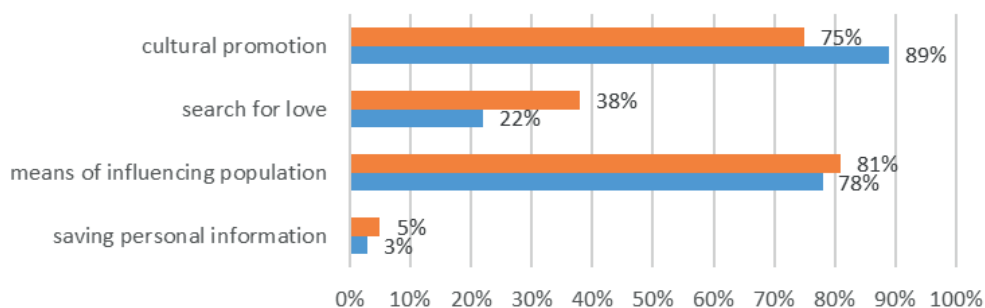
*Promoting business* is made easier using social media. In our study, 94% of Nigerian respondents agreed that social media has been a huge help in promoting a business. 78% of respondents from Russia agreed with the same statement. “From a cost-saving point of view, social media reflects a cost reduction strategy compared with conventional advertisement channels” [Odediran, 2020]. With the help of social media, companies can easily promote themselves at little or no cost. This can be done with the help of influencers who have amassed a lot of followers, viewers, or readers. Advertising is the key to business, so the fact that social media has provided multiple platforms for advertising suggests that social media is one of the keys to growth for any business, small or large.

*Work on the Internet.* Another way to generate income for young people is to work online. The survey found that 75% of Nigerian respondents agree that making money online is more profitable than in a physical office. 69% of respondents from Russia agreed with the same statement. With the advent of social media, there are many opportunities to work online and earn more money than in a physical office, or at an office job at all. YouTubers or content creators are good examples of people who make enough money online while working from home. They do not have to worry about renting an office or thinking about the best furniture for their office. They pay the same electricity bill at home, as they pay when they work from home. It is more profitable with the available small financial resources. Content writers or artists also successfully make money on Fiverr, where they find their customers, do the work, and get paid right from the comfort of their homes.

Meanwhile, the demand and desire of employees to start working or get the opportunity to work remotely has been growing since 2020. This became widespread during the pandemic. Businesses and employees have gained a rich online experience, which has contributed to the growing interest in this form of work. According to FlexJobs' Career Pulse survey (conducted between July and August 2022), employees tend to continue to work remotely or hybrid. 65% of respondents reported wanting to work remotely full-time, and 32% want to have a hybrid work environment. That is a staggering 97% of workers willing to work remotely in some form. What is more, the study has found that "57% of respondents would leave their job if their company wouldn't offer remote work options" [Paulise, 2022]

### The social relevance of the social media networks among Nigerian and Russian youths

Social media is just the online version of social networks in the days before the Internet. The advent of the Internet has only expanded their scope and enabled more people to get involved in circles and networks around the world. In this part of the study, we are interested in how relevant social networks are for Nigerian and Russian youths. Four indicators were used: cultural promotion, the search for love, a means of influencing the population and the saving of personal data. We will review the results received from the respondents and discuss them accordingly.



**Fig. 2.** The social significance of social media among the Nigerian and Russian youth

**Рис. 2.** Социальная значимость социальных сетей среди нигерийской и российской молодежи

**Source:** compiled by the authors.

**Note:** This diagram shows only the % of participants who agreed with the researcher's claim. Full data available in Table 2.

**Источник:** составлено авторами.

**Примечание:** на графике показан только процент участников, согласившихся с утверждением исследователя. Полные данные см. в таблице 2.

**Table 2.** The social relevance of social media among the Nigerian and Russian youths**Таблица 2.** Социальная значимость социальных сетей среди нигерийской и российской молодежи

	Nigeria			Russia		
	agree	disagree	undecided	agree	disagree	undecided
cultural promotion	75%	15%	10%	89%	10%	1%
search for love	38%	34%	28%	22%	33%	44%
means of influencing population	81%	3%	15%	78%	11%	11%
saving personal information	5%	37%	9%	3%	95%	2%

**Source:** compiled by the authors.**Источник:** составлено авторами.

*Cultural promotion:* 89% and 75% of Russian and Nigerian, correspondingly, respondents agreed with the statement that social networks help to promote the culture of their society. The given data show that the assessment of the influence of social networks on the promotion of cultural values, norms, traditions, and samples among Russian youth is somewhat higher than among Nigerian (respectively 89% and 75%).

Social media is a tool for promoting culture or cultural integration on a global level [Hjarvard, 1999; Azhar, 2017]. This is a platform where people from their countries upload content related to their culture, which includes music, dance, poetry, local food recipes, national games and sports, local events, religious, and national events and their celebrations, and many other different activities that exist only in specific countries. People have easy access to the use of social networks, so they get this cultural information without any obstacles from anywhere in the world. This greatly expands the horizons of young people, their knowledge and understanding of the cultures of other people, since culture relates to the existence of society as a whole. Under certain conditions, they contribute to cultural adaptation and integration of the individual into society.

At the same time, social networks are an important and useful tool for a person when it is necessary to learn more about the country in which he intends to visit to rest, study, or work. Tourists, students, businessmen, migrants need such information, and various platforms can help them with that. This is evidenced by Hsu Tiri Zo in the final part of his study on the impact of social media on the process of cultural adjustment, using the example of students receiving a Chinese government scholarship in China:

“social media are the most influential support in this process for international students. Before they arrive in China, the respondents talked that they used some social media to know more about China and its people and also Chinese cultural practices for their daily activities” [Zaw, 2018, p. 87].

*Search for love:* 38% of respondents from Nigeria agreed with the statement “a social media platform is a good place to ‘search for love’” compared to only 22% of respondents from Russia. The relatively low percentage of respondents from the two countries in this area indicates

that both Nigerian and Russian youths do not agree that love can be found on social media. This is not surprising as these two countries are not on the list of leading countries that favour online dating applications. This can be validated by the report on how the global population dates online; penetration rate and revenue of dating apps and platforms in selected countries [Statista, 2023a]. The report in its conclusion provides top 9 countries, including the USA, the UK, France, and Japan. Besides them, Germany, India, China, Brazil, and South Africa are mentioned in the report [Statista, 2023a].

*Means of influencing the population:* 81% of Nigerian respondents agreed with the statement that the social media platform is a channel for influencers and public figures to affect the population. 78% of Russian respondents agreed with the same statement. One of the most trendy and highest paying self-employment jobs online is the influencers, which started as a hobby, but grew to be considered a profession [Marcin, 2018; Norhio, Virkkunen, 2019]. Interestingly, the idea of an individual or a group influencing the population existed in the past. This is a form of power called charismatic authority. Whether the word “influencer” has replaced charismatic authority or not, one thing is for sure: charismatic influencers themselves use the social media platform to get people to follow their ideology and beliefs.

“[Influencer marketing] has been happening for a long time, we have just been thinking about it and defining it differently. Celebrities, athletes, and leaders were the main influencers in their respective fields and brand would partner with these individuals to promote their service offering” [Huffpost, 2017].

So the social media platform is for all social media actors, and influencer ads are really making waves among Nigerian and Russian youths.

*Saving personal information:* Only 5 and 3% of Nigerian and Russian respondents, respectively, agreed that social media platforms are a good place to save personal information. As much as social media have been replacing many traditional platforms, saving personal information or data is not one of them. In fact, information security is the main disadvantage of social networks or the Internet in general. The insecurity associated with the use of the Internet has given rise to various cybersecurity studies. In some social networks, a person’s private information easily falls into the hands of hackers who can use it for their own selfish purposes [Frazier, 2019; Holmes, 2021].

## Conclusion

The conducted comparative study shows the similarities that exist between Nigeria and Russia, despite their differences in the political, economic, and social sectors. The study has shown that Nigerian and Russian youths attach great importance to social networks to build their financial potential, promote their business or acquire new skills. This similarity can be seen in their views on the importance of social networks in the “search for love,” the use of social networks as a means of influence, and the preservation of personal information. The survey has shown that the level of trust in social media networks regarding the preservation of personal data of Russian and Nigerian youths is extremely low. A certain difference was revealed in the assessments of Russian and Nigerian youths when promoting culture through social networks. Thus, we can confirm that social media platforms have a great impact on the social life of Nigerian and Russian youths.

## References

- Azhar, I. (2017) Use of social media to promote national culture worldwide. *Proceedings of the 3<sup>rd</sup> International Research Conference "Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostey, institutov i territoriy"*, Yekaterinburg, April 21–22, in 2 vols. (Vol. 1, pp. 327–329). Retrieved March 19, 2023, from <https://elar.urfu.ru/handle/10995/55543>
- Desjardins, J. (2017). How Does Social Media Influence The Economy? *Forbes*. Retrieved February 7, 2023, from <https://www.forbes.com/sites/quora/2017/08/02/how-does-social-media-influence-the-economy/?sh=5f79666e44d0>
- Frazier, L. (2019). Three reasons you should never save payment information online. *Forbes*. Retrieved from February 19, 2023, from <https://www.forbes.com/sites/lizfrazierpeck/2019/10/24/three-reasons-you-should-never-save-payment-information-online>
- Gibbard, J. (2018). The five key elements of social media. *Advisorpedia*. Retrieved February 21, 2023, from <https://www.advisorpedia.com/advisor-tools/five-key-elements-social-media/>
- Hjarvard, S. (1999). Global media cultures: a research programme on the role of media in cultural globalization. *Nordicom Review*, 20(2), 71–77. Retrieved February 21, 2023, from <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:norden:org:diva-9719>
- Holmes, A. (2021). 533 million Facebook users' phone numbers and personal data have been leaked online. *Business Insider*. Retrieved February 19, 2023, from <https://www.businessinsider.com/stolen-data-of-533-million-facebook-users-leaked-online-2021-4>
- Huffpost. (2017). *What is influencer marketing?* Retrieved February 20, 2023, from [https://www.huffpost.com/entry/what-is-influcner-marketing\\_b\\_10778128](https://www.huffpost.com/entry/what-is-influcner-marketing_b_10778128)
- Kaplan, A. M., & Haenlein, M. (2010). Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media. *Business Horizons*, 53(1), 59–68. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2009.09.003>
- Marcin, M. S. (2018). Social media influencer- A Lifestyle or a profession of the XXIst century? *Proceedings of ISERD International Conference, Auckland, New Zealand, 6<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> August 2017*. Retrieved February 23, 2023, from <https://depot.ceon.pl/handle/123456789/15166>
- McLuhan, M., & Fiore, Q. (1967). *The Medium Is the Message: An Inventory of Effects*. Bantam Books.
- Norhio, E. & Virkkunen, P. (2019). *Becoming a social media influencer: Describing the journey of becoming a successful social media influencer* [Master thesis]. Retrieved February 23, 2023, from <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:hj:diva-44168>
- Nwolu, O. J., Nnabuife, C. C., & Nnabuife, C. O. (2021). The role of social media in enhancing entrepreneurship skill among Nigerian youths: Covid 19 total lockdown and post era. *Unizik Journal of Business*, 4(1), 43–53. <https://doi.org/10.36108/unizikjb/1202.40.0140>
- Odediran, A. (2019). *Social Media Marketing: The Advantage and Disadvantage*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.24502.11849>
- Papachristou, I. A. (2013). *The social media in the economy*. Retrieved February 4, 2023, from <https://www.researchgate.net/publication/273990038>
- Paulise, L. (2022). The 2022 Status of Remote Work and Top Future Predictions. *Forbes*. Retrieved February 21, 2023, from <https://www.forbes.com/sites/lucianapaulise/2022/12/08/the-2022-status-of-remote-work-and-top-future-predictions/>

- Statista. (2022). *Most used social media platforms in Nigeria as of the 3<sup>rd</sup> quarter of 2021*. Retrieved December 5, 2022 from <https://www.statista.com/statistics/1176101/leading-social-media-platforms-nigeria/>
- Statista. (2023a). *How the world date online, penetration rate and revenue of dating apps and platforms in selected countries*. Retrieved February 16, 2023, from <https://www.statista.com/chart/24165/online-dating-penetration-rate-revenue-selected-countries/>
- Statista. (2023b). *Leading social media platforms in Russia in 3<sup>rd</sup> quarter 2022, by penetration rate*. Retrieved January 7, 2023, from <https://www.statista.com/statistics/867549> 5th of Feb, 2023
- Subramanian, K. R. (2018). Technology and transformation in communication *Journal of Advance Research in Electrical & Electronics Engineering*, 5(8), 1–13. <https://doi.org/10.53555/nneee.v5i8.157>
- Williams, R. (2018). *May Day Manifesto 1968*. Verso.
- Yandex.Checkout & Data Insight. (2019). *Social commerce in Russia: Purchases in social networks, in messengers, on ad platforms, and sharing economy websites*. Retrieved February 21, 2023, from [https://media.rbcn.ru/media/reports/social\\_commerce\\_in\\_russia\\_purchases\\_final.pdf](https://media.rbcn.ru/media/reports/social_commerce_in_russia_purchases_final.pdf)
- Zaw, H. T. (2018). The impact of social media on cultural adaptation process: Study on chinese government scholarship students. *Advances in Journalism and Communication*, 6(3). <https://doi.org/10.4236/ajc.2018.63007>

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Azhar I. 2017. Use of social media to promote national culture worldwide // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы III Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 апреля 2017 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. Т. 1. С. 327–329. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/55543> (дата обращения: 19.03.2023).
- Desjardins J. 2017. How is social media influencing economy? // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/quora/2017/08/02/how-does-social-media-influence-the-economy/?sh=5f79666e44d0> (дата обращения: 07.02.2023).
- Frazier L. 2019. Three reasons you should never save payment information online // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/lizfrazierpeck/2019/10/24/three-reasons-you-should-never-save-payment-information-online> (дата обращения: 19.02.2023).
- Gibbard J. 2018. The five key elements of social media // Advisorpedia. URL: <https://www.advisorpedia.com/advisor-tools/five-key-elements-social-media/> (дата обращения: 21.02.2023).
- Hjarvard S. 1999. Global media cultures: a research programme on the role of media in cultural globalization // *Nordicom Review*. Vol. 20. No. 2. Pp. 71–77. URL: <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:norden:org:diva-9719> (дата обращения: 21.02.2023).
- Holmes A. 2021. 533 million Facebook users' phone numbers and personal data have been leaked online // Business Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/stolen-data-of-533-million-facebook-users-leaked-online-2021-4> (дата обращения: 19.02.2023).
- What is influencer marketing? // Huffpost. 2017. URL: [https://www.huffpost.com/entry/what-is-influcner-marketing\\_b\\_10778128](https://www.huffpost.com/entry/what-is-influcner-marketing_b_10778128) (дата обращения: 20.02.2023)

- Kaplan A. M., Haenlein M. 2010. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media // *Business Horizons*. Vol. 53. No. 1. Pp. 59–68. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2009.09.003>
- Marcin. M. S. 2018. Social media influencer — A Lifestyle or a profession of the XXIst century? // *Proceedings of ISERD International Conference, Auckland, New Zealand, 6<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> August 2017*. URL: <https://depot.ceon.pl/handle/123456789/15166> (дата обращения: 23.02.2023).
- McLuhan M., Fiore Q. 1967. *The Medium Is the Message: An Inventory of Effects*. Bantam Books.
- Norhio E., Virkkunen P. 2019. Becoming a social media influencer: Describing the journey of becoming a successful social media influencer: Master Thesis within Business Administration. URL: <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:hj:diva-44168> (дата обращения: 23.02.2023).
- Nwolu O. J., Nnabuiife C. C., Nnabuiife C. O. 2021. The role of social media in enhancing entrepreneurship skill among Nigerian youths: Covid 19 total lockdown and post era. *Unizik Journal of Business*. Vol. 4. No. 1. Pp. 43–53. <https://doi.org/10.36108/unizikjb/1202.40.0140>
- Odediran A. 2020. Social Media Marketing: The Advantage and Disadvantage. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.24502.11849>
- Papachristou I. A. 2013. The social media in the economy. URL: <https://www.researchgate.net/publication/273990038> (дата обращения: 4.02.2023).
- Paulise L. 2022. The 2022 Status of Remote Work and Top Future Predictions // *Forbes*. URL: <https://www.forbes.com/sites/lucianapaulise/2022/12/08/the-2022-status-of-remote-work-and-top-future-predictions/?sh=180f97c13108> (дата обращения: 21.02.2023).
- Statista. 2022. Most used social media platforms in Nigeria as of the 3<sup>rd</sup> quarter of 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/1176101/leading-social-media-platforms-nigeria/> (дата обращения: 5.12.2022).
- Statista. 2023a. How the world date online, penetration rate and revenue of dating apps and platforms in selected countries. URL: <https://www.statista.com/chart/24165/online-dating-penetration-rate-revenue-selected-countries/> (дата обращения: 16.02.2023).
- Statista. 2023b. Leading social media platforms in Russia in 3<sup>rd</sup> quarter 2022, by penetration rate. URL: <https://www.statista.com/statistics/867549> (дата обращения: 7.01.2023).
- Subramanian K. R. 2018. Technology and transformation in communication. *Journal of Advance Research in Electrical & Electronics Engineering*. Vol. 5. No. 8. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.53555/nneee.v5i8.157>
- Williams R. 2018. *May Day Manifesto 1968*. London: Verso. 224 pp.
- Yandex.Checkout, Data Insight. 2019. Social commerce in Russia: Purchases in social networks, in messengers, on ad platforms, and sharing economy websites. URL: [https://media.rbcdn.ru/media/reports/social\\_commerce\\_in\\_russia\\_purchases\\_final.pdf](https://media.rbcdn.ru/media/reports/social_commerce_in_russia_purchases_final.pdf) (дата обращения: 21.02.2023).
- Zaw H. T. 2018. The impact of social media on cultural adaptation process: Study on chinese government scholarship students // *Advances in Journalism and Communication*. Vol. 6. No. 3. <https://doi.org/10.4236/ajc.2018.63007>

## Информация об авторах

*Гбенга Олалекан Олову*, аспирант кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
gbengahollowu@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3286-9862>

*Мария Михайловна Акулич*, доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет Тюмень, Россия  
m.m.akulich@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7112-3639>

## Information about the authors


*Gbenga Olalekan Olowu*, Postgraduate Student, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia  
gbengahollowu@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3286-9862>

*Maria Mikailovna Akulich*, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia  
m.m.akulich@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7112-3639>



## Семья или карьера? Счастье и успешность молодежи через ориентацию на профессиональные и семейные ценности

Галина Зиновьевна Ефимова , Софья Юрьевна Кувалдина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
Контакт для переписки: [g.z.efimova@utmn.ru](mailto:g.z.efimova@utmn.ru) 

**Аннотация.** В статье рассматривается взаимосвязь ориентации молодежи на профессиональные и семейные ценности с субъективным уровнем счастья и успешности. Тема актуальна для обсуждения в контексте современного общества, где все больше молодых людей стремятся к материальному успеху и карьере, но часто не уделяют достаточного внимания отношениям. Эмпирические выводы основаны на результатах авторского социологического исследования, проведенного среди молодежи (14–35 лет). Используемый метод — анкетирование. Результаты показали, что конкретные группы молодых людей, наиболее ярко проявляющие карьерные ориентиры, оказываются менее счастливы, в то время как те, у кого в значительной степени преобладают семейные установки, чувствуют себя успешнее и имеют более высокий субъективный уровень счастья. Однако анализ семейных и профессиональных ценностей респондентов делает распределение молодежи на категории «счастливый»/«несчастливый», «успешный»/«неуспешный» сложным и многогранным, не позволяющим однозначно и полярно разделить данные группы. Изучение ориентаций молодежи на профессиональные и семейные ценности позволяет лучше понять их влияние на уровень счастья, успешности и самореализации молодых людей. Предлагается взгляд на значимость баланса между профессиональной и личной жизнью, через призму самоощущения счастья и успеха, что может способствовать более полной самореализации индивида и повышению его удовлетворенности жизнью. Это может помочь учебным заведениям, департаментам по реализации молодежной политики и департаментам образования в разработке эффективных стратегий поддержки молодежи в их жизненных выборах и развитии, а также в создании условий для более полной самореализации. Изучение ориентации молодежи на профессиональные и семейные ценности может помочь обществу

лучше понимать и реагировать на трансформацию ценностных ориентаций молодежи и принимать соответствующие меры для поддержки их потребностей и интересов.

**Ключевые слова:** молодежь, счастье, успешность, семейные ценности, профессиональные ценности, социология молодежи, социология семьи

**Цитирование:** Ефимова Г. З., Кувалдина С. Ю. 2023. Семья или карьера? Счастье и успешность молодежи через ориентацию на профессиональные и семейные ценности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 33–57. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-33-57>

Поступила 01.05.2023; одобрена 18.05.2023; принята 22.05.2023

## Family or career? Happiness and success of youth through orientation towards professional and family values

Galina Z. Efimova✉, Sofia Yu. Kuvaldina

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: [g.z.efimova@utmn.ru](mailto:g.z.efimova@utmn.ru)✉

**Annotation.** This article explores the connection between young people’s focus on professional and family values and their subjective sense of happiness and success. This subject is pertinent in today’s world, where an increasing number of youths prioritize material accomplishments and careers, often neglecting their personal lives and relationships. The empirical findings are derived from the authors’ sociological study involving young participants (aged 14–35) and utilizing a questionnaire as the research method. The findings indicate that young individuals who exhibit strong career orientations are less happy, while those with predominant family values experience greater success and report higher levels of subjective happiness. However, examining the respondents’ family and professional values reveals a complex and multifaceted distribution among “happy”/“unhappy” and “successful”/“unsuccessful” categories, preventing a clear-cut and polarized classification of these groups. Investigating young people’s focus on professional and family values helps us comprehend their influence on happiness, success, and self-realization. The importance of maintaining a balance between work and personal life is emphasized, as seen through the lens of self-perceived happiness and success, ultimately contributing to more comprehensive

individual self-realization and improved life satisfaction. This knowledge can assist educational institutions, youth policy implementation divisions, and education departments in devising effective strategies to support young people's life choices and growth, as well as in establishing conditions that promote more complete self-realization. Examining young people's orientation towards professional and family values can enable society to better understand and address the changing value orientations of young individuals and implement appropriate measures to support their needs and interests.

**Keywords:** youth, happiness, success, family values, professional values, sociology of youth, sociology of family

**Citation:** Efimova, G. Z., & Kuvaldina, S. Yu. (2023). Family or career? Happiness and success of youth through orientation towards professional and family values. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 33–57. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-33-57>

Submitted May 1, 2023; Reviewed May 18, 2023; Accepted May 22, 2023

## Введение

По официальным статистическим данным на 2020 г. в Российской Федерации на одну женщину приходилось 1,5 рождения [Fertility rate, total...]. Для простого воспроизводства населения необходимо минимум 2,1 рождений [ВШЭ проанализировала уровень рождаемости...]. Это подтверждает прогнозы ученых о тенденции к долгосрочной депопуляции населения. Из-за этого к 2100 г. Россия может занять 20-е место среди всех стран по численности населения [UN Department of Economic..., 2022]. Сейчас Россия занимает 9-е место в этом рейтинге, спустившись с 1953 г. с 4-го места. Лидерами по численности населения остаются Китай и Индия [Китайская Народная Республика...]. Если обратиться к рейтингу стран по уровню рождаемости, в 2020 г. Россия занимала 191-е место из 229 стран, также наблюдается тенденция к понижению в рейтинге: в 2014 г. страна находилась на 168-м месте [Список стран по уровню рождаемости...]. Государствами с рекордными показателями рождаемости с 2014 г. остаются Нигер и Ангола, коэффициент рождаемости в которых более чем в четыре раза превышает российский. Нижние позиции рейтинга также с 2014 г. занимают Япония, Андорра и Монако.

Общемировая тенденция показывает сокращение количества рождений с 5,3 в 1963 г. и 3,3 в 1990 г. до 2,3 в 2020 г., что подтверждает тренд депопуляции населения. Официальные статистические данные о выживаемости детей (в возрасте до пяти лет) демонстрируют колоссальную неоднородность показателя в мире. Так, в странах Африки не выживает 7,7% детей, в то время как в Европе лишь 0,5% [Доклад ООН: показатели выживаемости...].

Несмотря на то, что фертильный возраст женщин приходится на промежуток от 15 до 44 лет, большую долю этой группы составляет молодежь (25–44 года по классификации ВОЗ). При этом все чаще у молодежи можно встретить жизненную стратегию, предполагающую приоритетность достижения профессиональных целей по сравнению с семейными, проявляющуюся в стремлении сначала реализовать себя в карьере, а уже затем зарегистрировать брак и родить детей, имея возможность обеспечивать материальный достаток членам семьи. При обозначенной жизненной стратегии отчетливо прослеживается вытеснение профессиональными, карьерными ценностями семейных. Приоритезация карьеры и желание достигнуть успеха на работе так или иначе вынуждает уделять этой цели определенное количество времени и сил, что может стать причиной последовательного снижения значимости семейных ценностей. Однако взаимосвязь семейных и профессиональных ценностей при этом остается неясной.

Как правило, при выборе жизненной стратегии человек стремится реализовать образ успешной и счастливой жизни. Поэтому можно сказать, что жизненная стратегия, ориентированная на достижение успехов в профессиональной деятельности, является показателем значимости этой сферы жизни для самоощущения как счастливой и успешной личности. При этом актуальным становится вопрос зависимости между выбором жизненной стратегии и таковым самоощущением, т. к. при выбранной стратегии, ориентированной на карьеру, семья, вытесненная профессиональными целями, может входить в частные интерпретации понятий «счастье» и «успешность», что может стать причиной отсутствия самоощущения человека как счастливого и успешного, а значит, как это ни парадоксально, ухудшать качество его жизни.

В современной социологии много исследований посвящено молодежи как социальной группе, отличающейся своей динамичностью, разносторонностью интересов и активной жизненной позицией. Изучая социологию молодежи в XX в., В. Т. Лисовский отмечал активное участие молодежи в формировании общественного мнения, ее динамичность и вовлеченность. «Социализация молодежи не является пассивным отражением действительности, своеобразным зеркалом социальных условий и общественных воздействий» [Лисовский, 1996]. Возрастает количество работ современных исследователей, посвященных исследованию молодежи как социальной группы, системе ценностей молодежи, социальным практикам и жизненным позициям. По мнению многих ученых, сегодня продолжается трансформация института семьи, семейных ценностей, их зависимость от профессионального развития, что находит отражение в изменении отношения молодежи к браку, детям и семейному быту. В постоянно меняющемся под внешними обстоятельствами мире очень сложно сохранить статичными такие концептуально-целостные понятия, как «семья» и «брак». Поэтому для рассмотрения взаимосвязи таких понятий, как семья и карьера, молодежь как социальная группа является наиболее показательной.

**Цель статьи** — выявление и описание зависимости между жизненными стратегиями молодежи, классифицированными на основе преобладания ориентированности на семью или на карьеру, и субъективным ощущением и определением себя как счастливого и успешного человека.

Профессиональные ценности — ориентиры, на основе которых человек выбирает, осваивает и выполняет свою профессиональную деятельность. Семейные ценности — культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия. Можно представить проявление тех или иных жизненных ценностей человека как шкалы с ползунком на плоскости координат, которые параллельны оси абсцисс. При этом отдаление от нулевого значения олицетворяет величину значимости тех или иных ценностей. Такая модель отображает уникальность набора ценностей каждого человека, характеризующаяся величиной проявленности той или иной группы ценностей. Различные комбинации степеней выраженности ценностей составляют индивидуальный жизненно-ориентационный код. Рассматривая ценности как сложную, сформированную множеством факторов структуру, определяющую и регулирующую поведение человека, становится актуальным вопрос о взаимозависимости тех или иных ценностей. А в современной среде, включающей в себя такие компоненты общественного сознания, как стереотипы и стигмы, особенно значимыми кажутся отношения между реализацией понятий «семья» и «карьера», следовательно, и между семейными и профессиональными ценностями.

Обобщая, сформулируем ключевой тезис статьи: необходимость исследования взаимосвязи семейных и профессиональных ценностей, жизненных стратегий и самоощущения человека обуславливается современными социально-культурными трансформациями.

## Обзор литературы

Основной характеристикой ценностной культуры массового сознания россиян, по мнению современных исследователей, является доминирующее значение ценности потребительского общества и прагматические установки жизнеобеспечения [Бойков, 2010].

Американский социолог Э. Кляйненберг в книге «Жизнь соло» рассматривает такой социокультурный феномен, как одиночество. При этом ученый раскрывает его не только через призму социального явления, но и как всеобъемлющий аспект человеческой жизни, приводя примеры положительного влияния одиночества на урбанистику, экологию и историю. «Научившись правильно использовать свое одиночество, человек не только восстанавливает свою энергетику, но и способствует рождению новых идей, которые смогут сделать нашу жизнь лучше» [Кляйненберг, 2014]. В тезисе заключается основная мысль автора, что одиночество способно быть созидательным и счастье зависит не от одиночества или, наоборот, социальной близости, а от способности человека фокусировать силы на индивидуально- и общественно-полезной деятельности.

Приведенное умозаключение способно породить недопонимание: если одиночество можно сделать созидательным, то это безысходность, в которую впал человек, или осознанный выбор, и может ли одиночество быть осознанным выбором? Если рас-

сма­три­вать во­прос че­рез при­зму удо­вле­тво­рен­но­сти жи­з­нью, са­мо­ощу­ще­ния как сча­ст­ливой и ус­пеш­ной лич­но­сти, то оп­ре­де­ля­ет­ся, что мо­ло­дежь (со­ци­аль­ная груп­па) всё ча­ще де­мон­стри­ру­ет ори­ен­ти­ро­ван­ность на ин­ди­ви­ду­а­лизм, ото­д­ви­гая соз­да­ние се­мьи на вто­рой план. По дан­ным со­ци­оло­гичес­кого оп­роса, пред­став­лен­ного в ис­сле­до­ва­нии С. А. Але­ши­ной и Е. В. Конь­ки­ной, ос­нов­ны­ми при­оритетам­и сту­ден­ческой мо­ло­де­жи (2–3 курс) яв­ля­ет­ся ин­ди­ви­ду­аль­ный ком­форт и соб­ствен­ная лич­ность (21%), се­мья за­ни­мает вто­рое место (18%), в то вре­мя как об­ра­зо­ва­ние и карьера на­бра­ли по 8 и 6%, со­от­вет­ствен­но [Але­шина, Конь­кина, 2021].

О смеще­нии цен­ност­ных мо­делей мо­ло­де­жи в сто­рону ин­ди­ви­ду­а­ли­за­ции сви­детель­ствуют и дру­гие ис­сле­до­ва­ния. Так, О. В. Куч­ма­ева вы­явила, что для 41% респон­дентов (мо­сков­ских сту­дентов) наи­бо­лее значим при­оритет до­сти­же­ния ма­тери­аль­ного бла­го­по­лу­чия [Куч­ма­ева, 2019]. В это же вре­мя брак и карьера об­означены как важ­ные со­став­ляю­щие удач­ного бу­ду­щего лишь у 24 и 21%, со­от­вет­ствен­но. Так, в боль­шин­стве слу­чаев мо­ло­дежь не свя­зы­вает свое сча­стье и бла­го­по­лу­чие ни с фор­ми­ро­ва­нием ин­сти­тута се­мьи, ни с по­стро­е­нием карьеры.

Ис­сле­до­ва­тель от­ме­чает, что по срав­не­нию с ана­логич­ными оп­росами, про­ве­ден­ными в на­чале 2000-х гг., со­вре­мен­ная мо­ло­дежь в мень­шей степе­ни за­ци­клена на кар­рье­ре, боль­ше за­ин­те­ре­сована воз­мож­но­стью жи­ть в свое удо­воль­ствие [Куч­ма­ева, 2019]. Среди тех, кто в бу­ду­щем жа­елает соз­дать се­мью, боль­ше по­лови­ны (57%) пла­ни­руют соз­дать ее, чтобы им­еть ря­дом близ­кого че­лове­ка и не чув­ство­вать себя оди­но­ким. Этот факт по­ка­за­телен с точки зре­ния при­оритет­а у со­вре­мен­ной мо­ло­де­жи стра­те­гии ин­ди­ви­ду­а­ли­зма.

Оте­чествен­ными уче­ными мо­ло­дежь так­же рас­сма­три­ва­ет­ся как субъ­ект эконо­мической сфе­ры. О. П. Ша­ма­ева вы­де­ляет три ос­нов­ные стра­те­гии эконо­мического по­ве­де­ния мо­ло­де­жи [Ша­ма­ева, 2009]. Пер­вая (на­иболее по­пу­ляр­ная) стра­те­гия — пра­гма­тического эконо­мического по­ве­де­ния, при­вер­женцы ко­торой вос­при­нимают ра­боту как воз­мож­ность ре­а­ли­за­ции соб­ствен­ных жа­еланий и до­сти­же­ния ма­тери­аль­ного бла­го­по­лу­чия. Вто­рая — без­раз­лич­но-кон­фор­мистская, при ко­торой для че­лове­ка ра­бота и про­фес­си­ональ­ные цен­ности в прин­ци­пе не им­еют значе­ния. Третья — про­фес­си­ональ­но-тру­довая стра­те­гия, по­сле­до­ва­тели ко­торой де­лают кар­рье­ру и ра­боту ча­стью сво­его жи­знен­ного бла­го­по­лу­чия, а про­фес­си­ональ­ные цен­ности ос­но­вой сво­его са­мо­вы­ра­же­ния. Ша­ма­ева до­ка­зы­вает, что для боль­шин­ства мо­ло­дых лю­дей кар­рье­ра и про­фес­си­ональ­ные цен­ности нужны лишь для обес­пе­че­ния лич­ного бла­го­по­лу­чия, в ко­тором они не вхо­дят [Ша­ма­ева, 2009].

Можно де­лать вы­вод, что мо­ло­дежь как со­ци­аль­но-воз­раст­ная груп­па, ее цен­ност­ные си­сте­мы и ус­тановки пред­став­ляют ин­те­рес для изу­че­ния как со­вре­мен­ными ис­сле­до­ва­те­лями, так и уче­ными про­шлого ве­ка. Вы­со­кая ак­ту­аль­ность те­ма­тики оп­ре­де­ля­ет­ся ак­тив­но­стью жи­знен­ных стра­те­гий и ди­на­мич­но­стью со­ци­аль­ного по­ве­де­ния мо­ло­де­жи. Тем не ме­нее в ус­ло­виях транс­фор­ми­ру­юще­гося ми­ра цен­ност­ные ус­тановки пре­тер­пе­ва­ют из­ме­не­ния, что под­твер­жда­ют ра­боты уче­ных, по­свя­щен­ные изу­че­нию се­мей­ных и про­фес­си­ональ­ных цен­ностей мо­ло­де­жи.

В процессе своего социального становления молодежь сталкивается со множеством вызовов, один из которых — выбор между семьей и карьерой. Некоторые молодые люди уделяют больше внимания карьере, считая, что это позволит им достичь успеха и экономически обеспечить свою будущую семью. Другие считают, что на первом месте должна быть семья, а карьера — на втором. В исследовании Н. Е. Браженской демонстрируется, что, несмотря на увеличение значимости карьеры в общей системе ценностей молодежи, она рассматривается, не обособляясь от семейных ценностей [Браженская, 2011]. При этом большинство респондентов-девушек уверены, что способны сочетать успешную карьеру и семью. Однако что позволяет считать, что тот или иной выбор приводит к успеху и самоощущению как счастливого человека?

Исследуя феномен «успех», Е. О. Вичужанин определяет его через способность ставить цели и достигать их в четкий срок с минимальной затратой ресурсов и энергии [Вичужанин, 2016]. При этом успех, по мнению автора, невозможен без активности человека, без правильного подбора средств по достижению цели, без воли, стремления и решительности. Выделяются факторы, ограничивающие успех: несвобода (как внутренняя, так и внешняя), отсутствие ответственности за принятие решений, неприменение творческого подхода, а также те ситуации, когда человек не воспринимается как личность. Так, успешность определяется через связь со становлением личности. Также Е. О. Вичужанин отмечает фокусирование успеха исключительно на материальных ценностях и достижениях как проблему современного общества. Рассмотрение успеха в этом аспекте приводит к тому, что успех становится непрочным, эфемерным, достигнутым нечестным путем, базирующимся на страданиях других людей. Сравнивая восприятие успешности во времена Советского союза и в современности, ученый заявляет об индивидуализации успеха, отсутствии альтруистического вектора у данного понятия. Аналогичные идеи встречаем и в работах других ученых.

Так, в работе Е. В. Караханян отмечается невозможность достижения успешности в той социальной среде, ценностная подложка и само понимание успеха которой противоречат индивидуальным убеждениям человека [Караханян, 2008]. Например, в обществе, где под успехом понимается достижение частных и эгоистичных целей, бесполезной с точки зрения становления успешным человеком оказывается деятельность, направленная на принесение блага обществу, перемещение фокуса с себя на ближнего или на целую группу людей. Определенно, данный вывод является ограничивающим фактором достижения успеха, который доказывает тесную связь успешности и внешнего принятия этой успешности. Так, у успеха есть два критерия, формирующие его в совокупности: внутреннее ощущение человека как успешного и внешнее принятие и подтверждение этой успешности. Поэтому рассмотрение успеха только на основе какого-либо одного фактора не является правильным и отражающим реальное положение дел. На подобных доводах основываются методики измерения уровня счастья и успешности.

Для измерения уровня счастья Фордисом разработана система оценки, основанная на сумме ответов респондентов на два вопроса:

- (1) «В целом насколько счастливым вы себя обычно чувствуете?»;
- (2) «Какую часть времени в процентах вы чувствуете себя счастливым?».

В анкетах социологических исследований чаще используются именно прямые вопросы для составления понимания о самоощущении человека как счастливого, т. к. объем анкеты не позволяет посвятить измерению лишь одного показателя целую группу вопросов. Шкала счастья Фордуса — известный и широко используемый метод измерения уровня счастья. На подобной методике основан индекс счастья фонда «Общественное мнение». Это подтверждает тот факт, что при рассмотрении как успеха, так и счастья внутренний и внешний фактор оказываются облигатными и взаимозависимыми.

Индекс счастья ВЦИОМ основан на анализе ответов на вопрос лишь про внутреннее самоощущение. Опросы ВЦИОМ о счастье гораздо шире и позволяют проследить связь субъективного уровня счастья с развитостью той или иной сферы жизни и удовлетворенностью человека ею [От чего зависит счастье...]. В 2012 г. исследование показало устойчивую тенденцию прямой зависимости семейного благополучия и уровня счастья. В 2022 г. отмечено снижение индекса счастья практически на 10% [Индекс счастья...].

Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера также основывается на субъективном восприятии и самоанализе респондента. Измерения проводятся с помощью пяти вопросов, направленных на самооценку респондентом текущего положения дел в его жизни. По такой шкале удобно судить о соотношении общей оценки своей жизни с субъективным представлением о максимально успешной жизненной ситуации [Diener и др., 1985].

К. Маннгейм, исследуя понятие «успех» разграничивает его с «достижением» [Mannheim, 1952]. Оба этих социокультурных аспекта связаны так или иначе с реализацией, т. е. воплощением в жизнь каких-либо намерений. Однако, по К. Маннгейму, не все достижения можно считать успехом, т. к. достижение — объективация действий и реализации, которые не всегда приносят общественное признание и уважение. При этом ученый рассматривает «успех» как реализацию в области межличностных, социальных взаимоотношений, что важно иметь в виду при исследовании этого понятия в социологическом аспекте.

К. Маннгейм обособляет объективный и субъективный успех. Объективный успех основан на достижении, приносящем пользу социальной группе. Он способен менять жизнь людей в лучшую сторону, трансформировать привычный уклад, вносить инновации. Субъективный успех направлен на достижение индивидом общественного признания, формирование самоощущения и образа успешного человека. И, по мнению ученого, полный успех включает в себя два этих понятия.

Обратимся к исследованиям, направленным на выявление компонента успеха у молодежи. Например, таковыми у подростков стали богатство, профессиональная самореализация и карьера [Кондратьев, 2017]. При этом наблюдается тенденция форсайт-настроений: независимо от текущей жизненной ситуации, все подростки рассматривают успешность как явление, относящееся к будущему и взрослой жизни.

Более ранние исследования (1999–2000 гг.) показывают, что больше половины респондентов — представителей молодежи — связывают жизненный успех с успехом в семейной жизни, а также больше трети приводят дружбу и общение с друзьями в качестве основной компоненты рассматриваемого понятия [Маршак, Рожкова, 2015].



Современное исследование Н. Е. Тихоновой, направленное на изучение факторов жизненного успеха, позволяет утверждать, что основой и маркером успеха россияне считают именно материальное благополучие, т. к. оно способно отражать положение человека в стратификационной системе [Тихонова, 2018]. В работе Л. В. Рожковой рассматривается в качестве одного из основных критериев успеха образование, в том числе высшее образование, которое, выступая в качестве конкурентной силы на рынке труда, является составляющей жизненного и профессионального успеха [Рожкова и др., 2021]. Однако исследование показало, что для молодежи образование не является ключевой ценностью и причиной достижения жизненного успеха.

На основе проведенного анализа исследований можно сделать вывод, что понятие «успех» оказывается сугубо индивидуально интерпретируемым, отражающим сформированные в процессе социализации устои, ценности конкретной личности. При этом отмечаются общие настроения в различных вариациях понимания успеха и успешности, характерные для современного общества.

Аналогичное заключение формируется и по отношению к рассмотрению понятия «счастье». Так, Н. В. Лейфрид подтверждает, что счастье — исключительно субъективный феномен, что не позволяет отобразить общие репертуары его проявления [Лейфрид, 2009]. В отличие от успеха, со счастьем больше связывают именно межличностные и семейные отношения. Исследования зарубежных ученых в неменьшей степени затрагивают проблемы счастья человека [Татаркевич, 1981; Kahneman, 2000; Frey, Stutzer, 2002; McMahon, 2006]. Так, Э. Лиз и С. Трофимчук рассматривают счастье на примере построения динамической модели счастья на основе правила «peak-end rule» [Liz, Trofimchuk, 2023]. Математически выстроенная U-кривая счастья отражает общее поведение счастья на протяжении жизни и при этом не зависит от внешних стимулов.

## Методы

Эмпирическое социологическое исследование проведено авторами статьи в два этапа: апрель 2022 г. (N = 191 чел.) и март 2023 г. (N = 226 чел.). В исследовании приняли участие представители молодежи в возрасте от 14 до 35 лет из разных городов России. Исследовательский метод — анкетный опрос, проведенный на платформе Google Forms. Тип выборки — квотная (с распределением по полу и возрасту). Ошибка выборки не превышает 5%. Для обработки данных и корректировки отклонений по полу и возрасту через процедуру взвешивания переменных, использована лицензионная версия компьютерной программы для статистической обработки данных — SPSS Statistics (лицензионная версия).

## Результаты

### Изучение значимых жизненных ценностей молодежи

Для формирования целостного представления, отражающего реальное положение дел о системе наиболее и наименее значимых жизненных ценностей, респондентам предложено выбрать по три наиболее и наименее важных для них ценностей. Ре-

зультаты представлены в таблицах 1 и 2. Так, для большинства молодежи наиболее значимыми оказались семья (59%), карьера (27%), саморазвитие (36%) и деньги (32%). Обратимся к ответам представителей конкретных возрастных групп: семья как ценность наиболее значима для респондентов старше 31 года (75% респондентов выбрали ее в качестве основной), что в 1,5 раза чаще, чем молодежь до 18 лет (лишь 51%). При этом для респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, семья имеет более высокую ценность (87%), чем для тех, кто не состоит в романтических отношениях (44%). Ценность семьи оказалась одинаково значимой как для мужчин (61%), так и для женщин (59%).

Карьеру как приоритетную ценность выделяет в большей степени молодежь до 18 лет (38%), среди молодежи от 31 года карьеру выбрали лишь 17%. Внутри групп, ранжированных в соответствии с семейным положением, среди не состоящих в романтических отношениях карьера наиболее значима (29%), чем среди тех, кто состоит в зарегистрированных отношениях (21%), но наименее значима по сравнению со встречающейся молодежью, среди которой 32% выбирают карьеру значимой жизненной ценностью. Выявлена тенденция преобладания карьерной ориентированности среди учащихся (32%), по сравнению с работающей молодежью (25%).

Женщины в два раза чаще отмечают деньги приоритетной жизненной ценностью (36%), по сравнению с мужчинами (20%). Данный ответ преобладает и среди молодежи, состоящей в незарегистрированных отношениях (40%), в противовес с не имеющими партнера (31%) и состоящим в официальном браке (30%).

Среди выбравших в качестве значимой ценности саморазвитие преобладает молодежь в возрасте от 25 до 30 лет (42%) и от 18 до 20 лет (42%), в то время как молодые люди от 21 до 24 лет в наименьшей степени выделяют данную ценность важной для себя (30%), так же как и возрастная группа от 31 до 35 лет (30%). При этом менее популярно саморазвитие и среди тех, кто состоит в официальном браке (30%), одновременно с этим данный ответ преобладает у молодежи, находящейся в незарегистрированных отношениях (40%).

Наименее значимыми жизненными ценностями для респондентов (таблица 2) оказались: общественное признание (54%), круг для общения и отдыха (48%) и, с большим отрывом, моральное совершенство (25%) и творчество (20%). Вспоминая К. Маннгейма, который ставил общественное признание ключевым фактором достижения успеха [Mannheim, 1952] и соотнося с полученными нами эмпирическими результатами, становится заметным, что общественное признание у современной молодежи приобрело смысл и трактовку, которые не позволяют рассматривать его как ключевую ценность в достижении успеха.

В это же время для респондентов, не состоящих в отношениях, семья оказалась наименее значимой ценностью в большей степени (18%), чем для состоящих в них. Среди молодежи в возрасте от 31 до 35 лишь 3% отметили семью как наименее значимую ценность, а среди 18–20-летних — 16%.

По отношению к карьере наблюдается обратная ситуация: более старшая молодежь (31–35 лет) чаще отмечала ее наименее значимой (22%), чем несовершеннолетние (10%)

и молодежь в возрасте от 18 до 20 лет (10%). Проявляется градиент приоритетности семьи или карьеры: для одинокой молодежи он смещен в сторону карьеры (14% выбирают ее как наименее значимую в противовес 18% неприоритетности семьи), в то время как для группы респондентов, состоящей в зарегистрированных отношениях, он ярко смещен в противоположную сторону (6% незначимости семьи против 16% незначимости карьеры).

**Таблица 1.** Распределение ответов респондентов на вопрос: «Выберите наиболее значимые для Вас жизненные ценности» (в % к числу опрошенных)

**Table 1.** Distribution of respondents' answers to the question: "Choose the most important life values for you" (% of the number of respondents)

	Пол		Возраст					Семейное положение			
	мужской	женский	до 18 лет	18-20 лет	21-24 лет	25-30 лет	31-35 лет	не состоит в отношениях	встречается	состоит в незарегистр. отношениях	состоит в офици. браке
семья	61	59	51	54	58	67	75	44	67	67	87
карьера	28	27	38	30	25	23	17	29	32	26	21
деньги	20	36	28	39	37	16	31	31	31	40	30
образование	20	18	27	20	16	19	8	21	19	12	16
путешествия	15	15	15	10	14	16	23	17	12	14	16
саморазвитие	35	37	34	42	30	42	30	36	38	40	30
друзья	21	19	24	15	17	33	15	26	13	14	16
самостоятельность, независимость	16	21	20	19	20	21	23	22	14	23	18
моральное совершенство	7	8	13	6	10	2	8	8	8	7	5
профессионализм	16	11	8	9	14	12	22	15	7	8	18
круг общения для отдыха и развлечений	2	3	4	1	1	5	2	2	2	3	5
романтические отношения	7	9	8	13	6	7	3	7	18	10	0
творчество	15	15	10	19	23	11	8	21	8	14	8
общественное признание	9	4	1	3	6	9	8	4	2	6	8
удовольствие	20	16	17	15	23	12	19	17	21	16	13

**Таблица 2.** Распределение ответов респондентов на вопрос: «Выберите наименее значимые для Вас жизненные ценности» (в % к числу опрошенных)**Table 2.** Distribution of respondents' answers to the question: "Choose the least important life values for you" (% of the number of respondents)

	Пол		Возраст					Семейное положение			
	мужской	женский	до 18 лет	18-20 лет	21-24 лет	25-30 лет	31-35 лет	не состоит в отн-ниях	встречается	состоит в незарегистр. отн-ниях	состоит в офици. браке
семья	17	11	13	16	11	14	3	18	5	10	6
карьера	16	13	10	10	14	18	22	14	8	18	16
деньги	10	8	6	8	6	12	11	7	7	10	10
образование	12	6	3	5	11	9	11	5	7	11	10
путешествия	18	15	15	20	11	14	11	16	17	21	10
саморазвитие	3	3	1	4	1	4	3	3	1	6	2
друзья	9	8	11	8	7	7	6	8	8	8	8
самостоятельность, независимость	4	10	10	8	1	11	17	4	11	10	19
моральное совершенство	27	25	14	26	23	33	31	26	21	29	22
профессионализм	4	6	8	6	6	5	2	7	7	4	3
круг общения для отдыха и развлечений	39	51	45	49	48	42	52	45	51	51	49
романтические отношения	19	17	18	15	18	16	23	23	4	16	22
творчество	23	19	23	24	16	21	12	18	32	16	16
общественное признание	50	56	63	61	51	42	42	53	66	55	44
удовольствие	19	10	10	9	10	18	17	12	13	6	16

В целом для большинства молодежи семья является основной жизненной ценностью. Закономерна тенденция возрастания популярности семьи как ценности среди более старшей молодежи и молодежи, состоящей в браке, что объясняется более традиционными взглядами на жизненные установки и ценности. При этом карьера в большем приоритете у молодого поколения, обучающегося в образовательных учреждениях, в отличие от работающего.

Возможно, это следствие неосознанного выбора места работы, установки, при которой работа рассматривается лишь как средство для зарабатывания денег. Соответственно, можно прийти к выводу, что транслируемое молодежью представление о будущей карьере

Счастье и успешность молодежи через ориентацию на профессиональные...

и рабочем месте выше и положительнее, чем это оказывается на самом деле. Также выявлена тенденция популярности карьерной ориентированности и снижению значимости семьи как ценности среди молодежи, не состоящей в романтических отношениях.

### Изучение карьерных и семейных приоритетов молодежи

Следующий блок вопросов направлен на выявление тенденций в отношении расставления приоритетов респондентов в ориентации на семью либо на карьеру. Для этого респондентам предложено из двух полярных позиций выбрать ту, которая наиболее точно отражает их реальное отношение к тому или иному вопросу. Результаты представлены в таблице 3.

**Таблица 3.** Распределение ответов респондентов на вопросы, связанные с приоритизацией семьи или карьеры (в % к числу опрошенных)

**Table 3.** Distribution of respondents' answers to questions related to the prioritization of family or career (in% of the number of respondents)

	Пол		Возраст					Семейное положение				Соц. положение		Итого		
	мужской	женский	до 18 лет	18–20 лет	21–24 лет	25–30 лет	31–35 лет	не состоит в отн-ниях	встречается	состоит в незарегистр. отн-ниях	состоит в офиц. браке	безработные	работающие	по вопросам	по ориент-стям	
ориентированность на семью	Я готов/а тратить всю свою зарплату на семью, иметь общий семейный бюджет	51	32	39	42	34	44	58	32	44	49	74	44	59	43	32
	Я готов/а не работать, заниматься все время семьей (при условии, что супруг/а содержит финансово, а у меня есть возможность уделять время любимому делу)	38	36	35	39	41	33	34	31	46	39	43	37	40	37	
	Первым делом я хочу завести семью (сначала завел/а семью)	17	16	14	12	16	19	27	8	15	24	39	13	19	17	
	Итого по группам	35	28	29	31	30	32	40	24	35	37	52	31	39		

Окончание таблицы 3

Table 3 (end)

	Пол		Возраст					Семейное положение				Соц. положение		Итого		
	мужской	женский	до 18 лет	18–20 лет	21–24 лет	25–30 лет	31–35 лет	не состоит в отн-ниях	встречается	состоит в незарегистр. отн-ниях	состоит в офиц. браке	безработные	работающие	по вопросам	по ориент-стям	
ориентированность на карьеру	Я спокойно могу задержаться на работе	66	53	62	61	53	66	56	73	48	44	54	61	62	60	68
	Свободное время я с удовольствием могу посвятить доделыванию рабочих обязанностей/взять доп. задания	58	48	58	59	47	47	53	64	46	49	44	56	46	54	
	Для меня важно добиваться успеха на работе, расти по карьерной лестнице, быть проф-но лучше коллег	85	75	87	82	85	76	70	85	79	82	72	85	68	81	
	Для меня крайне важно иметь возможность работать	62	64	65	61	59	67	66	70	54	61	57	63	60	63	
	Первым делом хочу устроиться (сначала устроилась/лась) на хорошую работу	83	84	86	88	84	81	73	92	85	76	61	87	81	83	
	Итого по группам	60	65	71	70	66	67	64	77	62	62	58	70	63		

На основе ответов и выбора той или иной полярной позиции, респонденты распределены на две категории: «ориентированные на карьеру» и «ориентированные

на семью». Стоит отметить, что во избежание категоричности ранжирования часть полярных ответов не включена нами в процесс классификации, т. к. транслировала нейтральную позицию. По результатам вопросов данного блока можно сделать вывод, что преобладающее количество респондентов (представителей молодежи) ориентированы на карьеру. Две трети респондентов при выборе одной из двух полярных позиций отдадут предпочтение тем, которые отражают карьерную ориентированность (68%). Треть респондентов отнесены к противоположной категории «ориентированные на семью». Сопоставив полученные результаты с анализом таблицы 1, видим: выбирая в качестве ключевой жизненной ценности семью, при этом в большинстве случаев молодежь проявляет карьерную амбициозность и профессиональную приоритетность. При этом выявленные взаимосвязи возраста и значимости семьи, а также взаимозависимость одиночества и профессионально-ориентированных взглядов сохраняются.

Для определения статистически значимой связи между переменными нами применен корреляционный анализ по Пирсону, т. к. переменные относятся к дихотомической шкале. Значимая (но при этом весьма слабая) корреляционная зависимость обнаружена между переменными внутри блоков «ориентированность на семью» и «ориентированность на карьеру» (таблица 4).

Среди респондентов, ориентированных на работу, преобладает несовершеннолетняя молодежь и в возрасте от 18 до 20 лет, показывая большую заинтересованность в профессиональном росте, чем старшие возрастные группы, которые показывают меньший интерес к карьере и трате свободного времени на нее. Наблюдается тенденция повышенного интереса к профессиональной сфере среди молодежи, не состоящей в романтических отношениях (77%), а пониженного интереса — среди состоящих в браке (58%), что является одним из доказательств гипотезы о низкой приоритетности профессиональных ценностей среди респондентов, ориентированных на семью и семейные ценности. При определении важности для респондента профессионального роста и успеха на работе, младшая молодежь (18–20 лет) проявляет более выраженную амбициозность, чем старшая. Аналогичная тенденция выявлена в отношении неработающих респондентов (85%) в сравнении с имеющими работу (68%). Можно сделать вывод, что с возрастом снижается интерес к карьерным достижениям и профессиональному росту.

Среди респондентов, ориентированных на семью, преобладает старшая молодежь (40%, что почти на 10% больше, по сравнению с респондентами до 31 года) и состоящая в официальном браке (52% против 24% холостой молодежи). В отличие от карьерных ориентиров, значимость семейных возрастает прямо пропорционально возрасту молодежи.

По результатам анализа этого блока вопросов сделаем промежуточные выводы и разделим молодежь, относительно приоритетности карьерных и семейных ценностей, на следующие группы:

- (1) ориентированные на создание семьи, ведение домашнего быта и при этом не заинтересованные в профессиональной деятельности — состоящие в официальном браке / в возрасте от 31 до 35 лет;
- (2) ориентированные на построение карьеры, заинтересованные в развитии профессиональных качеств и при этом не исключающие возможность формирования

и значимость института семьи — несовершеннолетние/не состоящие в романтических отношениях.

**Таблица 4.** Корреляции между переменными иллюстрирующими ориентированность на семью и на карьеру, уровень счастья и успешности (корреляции по Пирсону)

**Table 4.** Correlations between variables illustrating family and career orientation, level of happiness and success (Pearson correlations)

	1	2	3	4	5	6
1	1	0,413**	0,128**	0,79	0,18	0,010
2		1	0,139**	0,022	-0,053	-0,115
3			1	0,004	0,093	-0,052
4				1	0,139**	0,239**
5					1	0,240**
6						1

1. Я спокойно могу задержаться на работе.
2. Свободное время я с удовольствием могу посвятить доделыванию рабочих обязанностей/взять дополнительные задания.
3. Для меня важно добиваться успеха на работе, расти по карьерной лестнице, быть профессионально лучше коллег.
4. Я готов/а тратить всю свою зарплату на семью, иметь общий семейный бюджет.
5. Я готов/а не работать, заниматься все время семьей (при условии, что супруг/а содержит финансово, а у меня есть возможность уделять время любимому делу).
6. Первым делом я хочу завести семью (сначала завел/а семью).

\*\* Коэффициенты корреляции, значимые на уровне 0,01.

\* Коэффициенты корреляции, значимые на уровне 0,05.

1. I can easily stay late at work.
2. I can gladly devote my free time to finishing my work duties/taking on additional tasks.
3. I find it important to achieve success at work, to grow in my career, to be professionally better than my colleagues.
4. I am willing to spend my entire salary on my family, to have a common family budget.
5. I am ready to be unemployed, to engage with my family all the time (on condition that my spouse supports me financially, and I can devote my free time to my favorite occupations).
6. I want to start a family first (already started a family).

\*\* Correlation coefficients significant at 0.01.

\* Correlation coefficients significant at 0.05.

### Изучение взаимосвязи семейных и карьерных ориентиров с самоощущением счастья и успешности

Для формирования эмпирической базы этого блока респондентам предложено оценить субъективное ощущение счастья и успешности, ответив на вопросы «Ощущаете ли Вы себя полностью счастливым человеком?» и «Ощущаете ли Вы себя успешным?».



В нижеприведенных результатах не указаны данные тех респондентов, кто приводил свой вариант ответа на поставленные вопросы.

Не отмечено статистически значимого различия между счастливыми и несчастливыми респондентами по полу (таблица 5): примерно равная доля женщин и мужчин чувствуют себя счастливыми (78 и 73% соответственно). Однако заметна определенная тенденция при сравнении ответов респондентов по возрастным группам. Старшая молодежь (31–35 лет) определяет себя счастливой почти на 20% чаще (91%), чем молодежь в возрасте до 30 лет (70%). Среди субъективно несчастливой молодежи старшая возрастная группа (31–35 лет) показывает наименьший результат — лишь 9% отнесли себя к несчастливым.

Анализ субъективно осознаваемого уровня счастья в зависимости от семейного положения респондента показал, что респонденты, не состоящие в романтических отношениях, демонстрируют субъективно меньший уровень счастья (71%), чем встречающиеся (83%), состоящие в незарегистрированном (81%) и официальном браке (87%).

Соотнеся полученные результаты с результатами в таблице 3, становится заметным, что группы, проявившие наиболее выраженную семейную ориентированность (31–35 лет / состоящие в зарегистрированном браке) также и показывают наибольшие значения в оценке своего самоощущения счастья. Так, респонденты, обладающие более устойчивыми и проявленными семейными ориентирами, чувствуют себя счастливее, чем респонденты с выраженными карьерными установками. Действительно, группы, проявившие профессиональную амбициозность (несовершеннолетние/одинокие) в наименьшей степени ощущают себя счастливыми.

**Таблица 5.** Распределение ответов респондентов на вопросы: «Считаете ли Вы себя счастливым человеком?», «Считаете ли Вы себя успешным человеком?» (в % к числу опрошенных).

**Table 5.** Distribution of respondents' answers to the questions: "Do you consider yourself a happy person?", "Do you consider yourself a successful person?" (% of the number of respondents)

	Пол		Возраст					Семейное положение				
	мужской	женский	до 18 лет	18–20 лет	21–24 лет	25–30 лет	31–35 лет	не состоит в отношениях	встречается	состоит в незарегистр. отношениях	состоит в офици. браке	
Считаю себя счастливым («да» и «скорее да, чем нет»)	73	78	70	80	70	70	91	71	83	81	87	
Считаю себя успешным («да» и «скорее да, чем нет»)	63	60	65	52	57	67	74	56	63	56	78	

Помимо измерения уровня счастья для изучения возможных взаимозависимостей респондентам предложено оценить уровень субъективной успешности. Результаты из таблицы 5 показывают, что разница по полу остается невыраженной. Мужчины и женщины примерно на 60% чувствуют себя успешными. Сравняя этот результат

с показателями счастья, заметно, что хоть закономерность и сохраняется, уровень самоощущения успеха оказывается ниже уровня самоощущения счастья. То есть не все респонденты, кто считает себя счастливым, определяет себя как успешного.

Обратимся к результатам различных возрастных групп. Прямая зависимость между возрастом и ощущением успешности не выявлена. Наименее успешной себя ощущает молодежь от 18 до 20 лет (52%). Это может быть связано с жизненным периодом (поступление в университет), который характеризуется неопределенностью. Во время обучения в университете студенты склонны сомневаться в себе, в правильности выбранного пути. Эти переживания могут отразиться на самооценке и субъективной оценке успешности. Возрастная группа от 31 до 35 лет вновь показывает наибольший результат в сравнении с другими — 74% старшей молодежи чувствует себя успешной, что в среднем на 15% больше результатов младших групп респондентов.

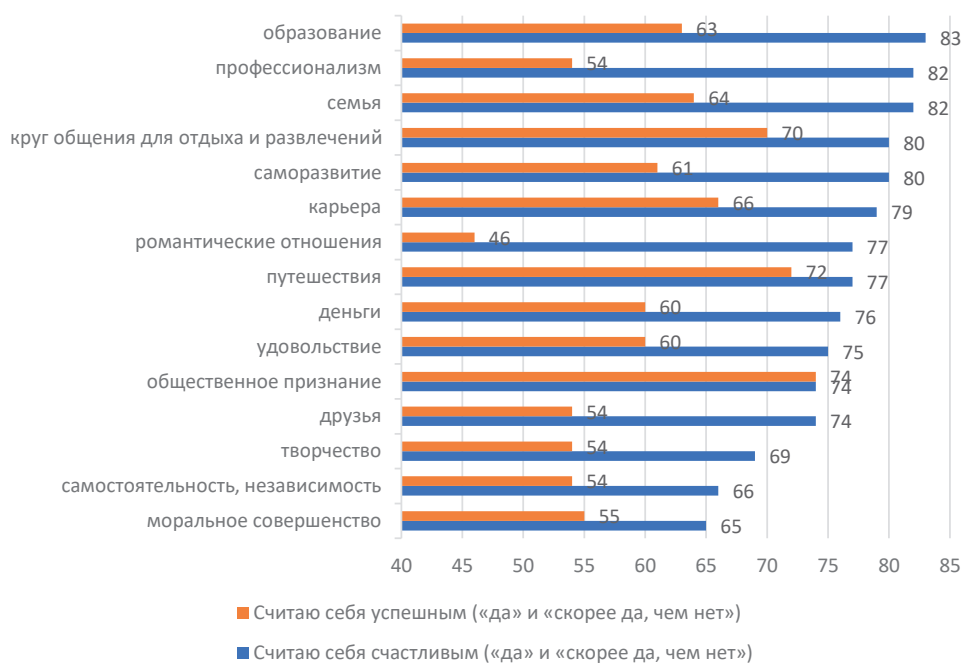
Аналогично с результатами уровня счастья молодежь, заключившая официальный брак, оказывается наиболее успешной по самоощущению (78%). Респонденты, не имеющие романтических отношений, ощущают себя успешными лишь на 56%, что почти на 20% ниже состоящих в браке. То есть сохраняется наблюдаемая ранее закономерность между ориентированностью на семью и самоощущением успешности у группы, проявившей выраженные семейные ориентиры.

Сравнивая результаты, представленные в таблице 5, мы делаем вывод, что молодежь ощущает себя в большей степени счастливой, чем успешной, что делает зависимость этих качеств неоднозначной вследствие ее невыраженности. Однако обозначенные закономерности внутри групп, характерные для результатов оценки уровня счастья, сопоставимы с выделенными закономерностями оценки успешности.

### **Изучение взаимосвязи ключевых ценностей и самоощущения счастья и успешности**

Анализ зависимости жизненных целей и уровня счастья и самоощущения успешности респондентов создает возможность укрепления выявленных выше тенденций о преобладании среди молодежи, ориентированной на семью, счастливых людей. Обратимся к таблице 6 для подтверждения данного положения. Среди респондентов, выбирающих семью в качестве ключевой жизненной ценности, 82% считают себя счастливыми. В сравнении с остальными ценностями, семья также оказывается одним из лидеров по доле молодежи, чувствующей себя счастливой. Респонденты, относящие карьеру к своим главным ценностям, практически не уступают «семьянинам» — 79% таковых опрошенных попадают в группу счастливых. Отметим, что лидерские позиции в этой множественности ответов занимают такие ценности, как образование (83%), профессионализм (82%), саморазвитие (80%) и круг общения для отдыха и развлечения (80%). При этом наблюдается профессионально-ориентированный характер доминирующих по уровню счастья выбравших их респондентов ценностей: профессионализм, образование, саморазвитие — в большинстве случаев неотъемлемые части достижения карьерного успеха. Однако обращение к результатам таблицы 1 показывает, что ни профессионализм, ни образование не занимают в системе ценностей респондентов ключевое место.

Ценностями, демонстрирующими сравнительно невысокий уровень счастья выбравших их респондентов, стали творчество (69%), независимость (66%) и моральное совершенство (65%). Но, сопоставляя полученные результаты с ответами на аналогичный вопрос с фокусом на успешность, эти показатели сложно назвать низкими: среди множественности ответов, относящихся к самоощущению успешности, такие ценности, как друзья (54%), романтические отношения (46%) независимость (54%), профессионализм (54%) и творчество (54%) занимают еще более низкие позиции. Таким образом, стереотипно карьерная ценность — профессионализм — не становится значимой в самоощущении человеком себя как успешного. Наоборот, такие далекие от работы ценности, как возможность путешествовать (72% респондентов, выбравших эту ценность, считают себя успешными), круг общения для отдыха и развлечений (70%) оказываются более ведущими к ощущению успеха. Лидером в этом списке стало общественное признание (74%). Отмеченное лидирующее положение по отношению к успешности возможности путешествовать, круга для общения и развлечений приводит к пониманию, что понятие успеха для современной молодежи все сильнее отдаляется от карьерных установок, профессиональных достижений. Молодежь демонстрирует приоритетную концентрацию на получении удовольствия от жизни, гедонистических настроениях.



**Рис 1.** Распределение ответов респондентов на вопросы: «Считаете ли Вы себя счастливым человеком?», «Считаете ли Вы себя успешным человеком?» в зависимости от приоритетных жизненных ценностей (в % к числу опрошенных)  
 Figure 1. Distribution of respondents' answers to the questions: "Do you consider yourself a happy person?", "Do you consider yourself a successful person?" depending on the priority values of life (% of the number of respondents)

Сравнение данных по уровню счастья и самоощущению успеха подтверждает ранее замеченную тенденцию об относительно низкой популярности чувства успешности у молодежи (рис. 1). В среднем эти два фактора в рамках одной и той же ценности имеют градиент в 10–15% в понижающую сторону по отношению к успешности. Например, респондентов, выбирающих значимой ценностью саморазвитие и причисляющих себя к успешным, на 19% меньше, чем таковых же, но причисляющих себя к счастливым.

Корреляционный анализ показал, что между переменными «Считаю себя успешным человеком» и «Считаю себя счастливым человеком» выявлена слабая связь 0,368\*\* (значимая на уровне 0,01).

## Обсуждение и заключение

Для современной молодежи самореализация становится одним из приоритетов. Сегодня молодые люди сталкиваются с множеством вызовов и трудностей, но при этом они имеют уникальные возможности для достижения успеха и самореализации. Одним из ключевых факторов, которые помогают молодым людям достигать своих целей, являются семейные и профессиональные ценности. Подвергаясь стигматизации, данные группы ценностей часто соотносятся с конкретными образами людей, демонстрирующих полярные, иногда радикальные стороны проявления каждой стороны жизни: «карьеристы» стереотипно представляются одинокими, неудовлетворенными жизнью и менее жизнерадостными, обладающими фиксацией на достижении материального блага и, как правило, не желающими создавать семью. В это же время классические «семьянины» — люди, не обладающие особыми успехами на работе, не проявляющие амбиций в самореализации, но сфокусированные на быте, довольствующиеся тем, что имеют. При этом в современном обществе успех и успешность чаще соотносятся именно с профессиональными достижениями, материальным благополучием и общественным признанием.

Результаты проведенного нами социологического исследования показали отсутствие однозначного и четкого деления респондентов в соответствии с приоритетным выбором семьи или карьеры. Отдельные же категории опрошенных, распределенные на основе ряда признаков, всё же могут приметно выражать ориентированность либо на семью, либо на карьеру. По итогам анализа выявлены две группы:

- (1) ориентированные на семью, к которым отнеслась молодежь либо в возрасте от 31 до 35 лет, либо состоящая в зарегистрированном браке, и
- (2) ориентированные на карьеру, включившая в себя молодежь до 18 лет и/или не состоящую в романтических отношениях.

Изучение субъективных уровней счастья и успешности данных групп демонстрирует, что молодежь из категории ориентированных на семью (1) показывает наибольший уровень счастья и самоощущения успешным, чем молодые люди, отнесенные ко второй группе — ориентированные на карьеру (2).

Двумерный анализ жизненных ценностей молодежи выявил, что карьера для данной социальной группы — целая совокупность значимых в жизни человека ценностей

(например, образование, профессионализм). Вместе с этим наблюдалась тенденция увеличения расхождения понятия «карьера» с понятием «успех», которого сейчас молодые люди способны достичь на основе доминирующих гедонистических и терминальных ценностей. Исследование самоощущения счастья и успешности показало, что и молодежь, выбирающая главной ценностью семью, и респонденты, считающие карьеру значимой для себя сферой жизни, имеют практически одинаковый равномерный субъективный уровень счастья и успеха. Доминирующие позиции профессионально-ориентированных ценностей в вопросе о самосознании себя счастливым, демонстрируют сопоставимость таких категорий, как карьера, работа и счастье, опровергая некоторые проявления стереотипизации.

Выбирая ключевой жизненной ценностью семью, большинство молодежи всё же склонны транслировать ориентированность на карьеру. Что свидетельствует о возможности совместного, взаимосозидательного существования карьерных и семейных настроений в системе ценностных установок человека.

Несмотря на существующую проблему депопуляции населения страны, желание или нежелание молодежи заводить семью не является основным критерием выбора той или иной жизненной стратегии, ведь большинство молодых людей все же склонны считать семью своей главной жизненной ценностью. Следовательно, можно говорить, что основные причины депопуляции, сокращения числа рождений заключены в социально-экономических условиях государств, которые часто в тенденции на экономическое и инновационное развитие склонны транслировать большую значимость успеха, приходящего через карьеру и высокий профессиональный рост, материальные ценности. Поэтому Российская Федерация в современной повестке демонстрирует позитивный пример реализации молодежной политики, создавая особенные возможности для молодых семей. Улучшить текущее положение можно проведением мероприятий, направленных на трансляцию успешного совмещения семейной и профессиональной жизненных стратегий, т. к., судя по результатам исследования, такая кооперация возможна и позволяет учесть при реализации человеком своего потенциала две значимые стороны жизни.

Независимо от того, придется ли человеку выбирать между карьерой и семьей, — нужно помнить о том, что оба этих аспекта жизни важны для счастья и благополучия. Для достижения успеха и счастья в жизни важно находить баланс между ними и уметь уделять каждому из них достаточно времени и внимания.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алешина С. А., Конькина Е. В. 2021. К вопросу о динамике ценностей современной молодежи // Мир образования — образование в мире. № 2 (82). С. 158–161.
- Бойков В. Э. 2010. Социально-политические ценности россиян: содержание и возможности реализации. СОЦИС. № 6. С. 27–35.
- Браженская Н. Е. 2011. Соотношение ориентаций на семью и карьеру у курсантов-девушек в вузе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2 (50). С. 179–183.

- Вичужанин Е. О. 2016. Феномен понятия «успех» в современном российском обществе // Мир науки. Социология, филология, культурология. Том 7. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/11SFK116.pdf> (дата обращения: 28.04.2023)
- ВШЭ проанализировала уровень рождаемости в России. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14184077> (дата обращения: 28.04.2023)
- Доклад ООН: показатели выживаемости матерей и детей никогда не были такими высокими, как сегодня. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/19-09-2019-more-women-and-children-survive-today-than-ever-before-un-report> (дата обращения: 28.04.2023)
- Индекс счастья ВЦИОМ // ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja> (дата обращения: 28.04.2023)
- Караханян Е. В. 2008. Понятие успеха в Российской культуре // Вестник Башкирского университета. Том 13. № 2. С. 362–365.
- Китайская Народная Республика. Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/countries/china> (дата обращения: 28.04.2023)
- Кляйненберг Э. 2014. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн. 284 с.
- Кондратьев М. Д. 2017. Социальные представления об успешности подростков с разным интрагрупповым статусом и разным уровнем интеллектуальной успешности // Социальная психология и общество. Том 8. № 2. С. 116–130. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2017080208>
- Кучмаева О. В. 2019. Семья и карьера: выбор жизненной стратегии московским студенчеством // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Том 5. № 1. С. 82–87.
- Лейфрид Н. В. 2009. Социальные представления о счастье у молодежи // Вестник Омского университета. Серия «Психология». № 1. С. 30–35.
- Лисовский В. Т. 1996. Социология молодежи: учебник / под ред. проф. В. Т. Лисовского. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета. 460 с.
- Маршак А. Л., Рожкова Л. В. 2015. Жизненный успех в представлениях российской молодежи // Социологические исследования. № 8 (376). С. 157–160.
- От чего зависит счастье? // ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-chego-zavisit-schaste> (дата обращения: 28.04.2023)
- Рожкова Л. В., Тугускина Г. Н., Супиков В. Н., Сеидов Ш. Г. 2021. Образование как фактор жизненного и профессионального успеха россиян // Социодинамика. № 10. С. 9–26. <https://www.doi.org/10.25136/2409-7144.2021.10.36629>
- Список стран по уровню рождаемости. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/birth> (дата обращения: 28.04.2023)
- Татаркевич В. 1981. О счастье и совершенстве человека / пер. с польск. М.: Прогресс. 365 с.
- Тихонова Н. Е. 2018. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. Том 9. № 4 (27). С. 11–43. <https://www.doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.536>
- Шамаева О. П. 2009. Молодежь и профессиональная карьера // Содействия профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях. Сборник материалов Всероссийской заочной научно-прак-

- тической конференции, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова. С. 363–370.
- Kahneman D. 2000. Experienced utility and objective happiness: a moment-based approach // Choices, values, and frames / ed. by D. Kahneman, A. Tversky. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511803475.038>
- Diener E., Emmons R. A., Larsen R. J., Griffin S. 1985. The satisfaction with life scale // Journal of Personality Assessment. Vol. 49. Pp. 71–75. [https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901\\_13](https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13)
- Fertility rate, total (births per woman). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN> (дата обращения: 28.04.2023)
- Frey B. S., Stutzer A. 2002. What can economists learn from happiness research? // Journal of Economic Literature. Vol. 40. № 2. Pp. 402–435. <https://www.doi.org/10.1257/002205102320161320>
- Mannheim K. 1952. Essays on the sociology of knowledge / ed. by P. Kecskemeti. Routledge & K. Paul. 272 pp.
- McMahon D. M. 2006. Happiness: a history. New York, NY: Atlantic Monthly Press. 560 pp.
- Liz E., Trofimchuk S. 2023. On a dynamical model of happiness // Mathematical Modelling of Natural Phenomena. Vol. 18. Art. 15. <http://dx.doi.org/10.1051/mmnp/2023008>
- United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022: Summary of Results. UN DESA/POP/2022/TR/NO. 3. [https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022\\_summary\\_of\\_results.pdf](https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf) (дата обращения: 28.04.2023)

## References

- Aleshina, S. A., & Konkina, E. V. (2021). On the issue of the dynamics of the values of modern youth. *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire*, (2), 158–161. [In Russian]
- Boikov, V. E. (2010). Social and political values of Russian citizens: their possible realization. *SOTsIS, Sociological studies*, (6), 27–35. [In Russian]
- Brazhenskaya, N. E. (2011). Correlation of orientations toward family and career concerning female cadets trained at Interior higher educational establishments of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (2), 179–183. [In Russian]
- Vichuzhanin, E. O. (2016). The phenomenon of the concept of “success” in the modern Russian society. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 7(1). Retrieved April 28, 2023 from <https://sfk-mn.ru/PDF/11SFK116.pdf> [In Russian]
- TASS. (n.d.). *HSE analyzed the birth rate in Russia*. Retrieved April 28, 2023 from <https://tass.ru/obschestvo/14184077> [In Russian]
- WHO. (n.d.). *More women and children survive today than ever before — UN report*. Retrieved April 28, 2023 from <https://www.who.int/ru/news/item/19-09-2019-more-women-and-children-survive-today-than-ever-before-un-report> [In Russian]
- VTsIOM. (n.d.). *Happiness index VTsIOM*. Retrieved April 28, 2023 from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja> [In Russian]
- Karakhanyan, E. V. (2008). The Concept of success in the Russian culture. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. (2), 362–365. [In Russian]

- Humanitarian portal. (n.d.). *People's Republic of China*. Retrieved April 28, 2023 from <https://gtmarket.ru/countries/china> [In Russian]
- Klinenberg, E. (2014). *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. Alpina non-fikshn. [In Russian]
- Kondratiev, M. D. (2017). Social concepts about the success of teenagers with different intra-group status and different levels of intellectual success. *Social psychology and society*, 8(2), 116–130. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2017080208> [In Russian]
- Kuchmaeva, O. V. (2019). Family and career: choice of vital strategy by the Moscow students. *Youth and Youth Policy: New Meanings and Realities*, 5(1), 82–87. [In Russian]
- Leyfrid, N. V. (2009). Social representations of happiness in young people. *Vestnik Omskogo universiteta*, (1), 30–35. [In Russian]
- Lisovsky, V. T. (1996). *Sociology of Youth*. Izdatelstvo S.-Peterburgskogo universiteta. [In Russian]
- Marshak, A. L., & Rozhkova, L. V. (2015) Life success in the young people's views in Russia. *Sociological studies*, (8), 157–160. [In Russian]
- VTsIOM. (n.d.). *What does happiness depend on?* Retrieved April 28, 2023 from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-chego-zavisit-schaste> [In Russian]
- Rozhkova, L. V., Tuguskina, G. N., Supikov, V. N., & Seidov, Sh. G. (2021). Education as a factor in the life and professional success of Russians. *Sotsiodinamika*, (10), 9–26. <https://www.doi.org/10.25136/2409-7144.2021.10.36629>
- Nonews. (n.d.). *List of countries by birth rate*. Retrieved April 28, 2023 from <https://nonews.co/directory/lists/countries/birth> [In Russian]
- Tatarkevich, V. (1981). *On Happiness*. Moscow: Progress. [In Russian]
- Tikhonova, N. E. (2018). Life success and social status factors in the minds of Russians. *Vestnik instituta sociologii*, 9(4), 11–43. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.536> [In Russian]
- Shamaeva, O. P. (2009). Youth and professional career. *Proceedings of the All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference "Sodeystviya professionalnomu stanovleniyu lichnosti i trudoustroystvu molodykh spetsialistov v sovremennykh usloviyakh"* (pp. 363–370). [In Russian]
- Kahneman, D. (2000). Experienced utility and objective happiness: A moment-based approach. In D. Kahneman & A. Tversky (Eds.). *Choices, Values, and Frames*. Cambridge University Press, New York. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511803475.038>
- Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49, 71–75. [https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901\\_13](https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13)
- World Bank Open Data. (n.d.). *Fertility rate, total (births per woman)*. Retrieved April 28, 2023 from <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN>
- Frey, B. S., & Stutzer, A. (2002). What can economists learn from happiness research? *Journal of Economic Literature*, 40, 402–435. <https://doi.org/10.1257/jel.40.2.402>
- Mannheim, K. (1952). *Essays on the sociology of knowledge* (P. Kecskemeti, Ed.).
- McMahon, D. M. (2006). *Happiness: A History*. New York, NY: Atlantic Monthly Press.
- Liz, E., & Trofimchuk, S. (2023). On a dynamical model of happiness. *Mathematical Modelling of Natural Phenomena*, 18, art. 15. <http://dx.doi.org/10.1051/mmnp/2023008>
- United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). *World Population Prospects 2022: Summary of Results*. UN DESA/POP/2022/TR/NO. 3. Retrieved April 28, 2023 from [https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022\\_summary\\_of\\_results.pdf](https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf)



## Информация об авторах

*Галина Зиновьевна Ефимова*, кандидат социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
g.z.efimova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4826-2259>

*Софья Юрьевна Кувалдина*, студент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
sofikokuba@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6266-0406>

## Information about the authors

*Galina Z. Efimova*, Cand. Sci. (Soc.), Professor, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia  
g.z.efimova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4826-2259>

*Sofia Yu. Kuvaldina*, Student, University of Tyumen, Tyumen, Russia  
sofikokuba@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6266-0406>

## «Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса «Теория коммуникативной деятельности»<sup>1</sup>

Владимир Александрович Давыденко<sup>1</sup>,  
Елена Владимировна Андрианова<sup>1, 2</sup>✉

<sup>1</sup> Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

<sup>2</sup> Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Контакт для переписки: e.v.andrianova@utmn.ru ✉

**Аннотация.** Более сорока лет назад Юрген Хабермас опубликовал двухтомник «Теория коммуникативного действия» на немецком языке, подводя итоги более двадцати лет размышлений и исследований. Основная идея его интеллектуальных усилий состояла в том, что нерушимый компонент семантической рациональности закреплен в социальной форме коммуникативного действия и в качестве основы использовался для разработки всеобъемлющей социальной теории, защищая ее средствами современной философии языка и науки. В этой книге, как и в других трудах Ю. Хабермаса, пристальное изучение теоретических традиций тесно переплеталось с его систематической аргументацией самых разнообразных научных подходов. Переосмысленные и реинтерпретированные теории Дж. Мида, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и различные версии марксизма обеспечили систему концептуальных координат, в рамках которых Ю. Хабермас исторически признавал новые идеи теории общества и проверял их фактуальными аргументами. Русский перевод книги «Теории коммуникативного действия» ожидался с большим интересом, и каково же было разочарование, когда мы увидели вышедшее издание. Автором перевода А. К. Судаковым был нарушен ключевой смысловой контекст: базовая дефиниция «действия» (термин «handeln») без всяких на то оснований была заменена

---

<sup>1</sup> Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. 880 с. Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2. К критике функционалистского разума.

«Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса...

на дефиницию «деятельность» («tätigkeiten»). В данной статье проанализированы многие вопиющие ошибки и искажения переводов, коверкающих смысловые структуры не только «коммуникативного действия», но и, по сути дела, всей современной социологии.

**Ключевые слова:** «теория коммуникативной деятельности», «теория коммуникативного действия», «теория действия», рациональность действия, социальная рационализация, симулякры перевода

**Цитирование:** Давыденко В. А., Андрианова Е. В. 2023. «Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса «Теория коммуникативной деятельности» // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2. С. 58–82. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-58-82>

Поступила 15.05.2023; одобрена 30.05.2023; принята 02.06.2023

## “Simulacra of translation”: reflections on the publication of Jurgen Habermas’ *Theory of Communicative Activity*<sup>1</sup>

Vladimir A. Davydenko<sup>1</sup>, Elena V. Andrianova<sup>1,2</sup>✉

<sup>1</sup> University of Tyumen, Tyumen, Russia

<sup>2</sup> West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

Corresponding author: [e.v.andrianova@utmn.ru](mailto:e.v.andrianova@utmn.ru) ✉

**Abstract.** More than forty years ago, J. Habermas published his two-volume *Theory of Communicative Action* in German, encapsulating over twenty years of reflection and research. The core concept of his intellectual pursuits was that the indestructible element of semantic rationality is rooted in the social form of communicative action, which served as the foundation for a comprehensive social theory, safeguarded through modern philosophy of language and science. In this book, as in his other works, J. Habermas intertwines an in-depth examination of theoretical traditions with his systematic argumentation, encompassing a wide range of scientific approaches. Reinterpreted theories from G. Mead, M. Weber, E. Durkheim,

---

<sup>1</sup> Habermas, J. (2022). *Theory of Communicative Action: Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society; Vol. 2. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason* (A. K. Sudakov, Trans.). Ves mir. [In Russian]

T. Parsons, and various versions of Marxism provided a system of conceptual coordinates within which J. Habermas recognized new ideas in social theory and tested those using factual arguments. After the book's publication, it garnered significant attention from the scientific community, which was remarkable considering the challenges it posed to readers. The initial published responses reflected its thematic complexity and ideological richness; the most common criticism, often expressed with the irony of a "hopelessly idealistic enterprise", was later refuted after deeper discussions. This criticism has persisted and is now supplemented with new arguments, which are countered by other counterarguments. *Theory of Communicative Action* has been translated into English, and it is hardly an exaggeration to say that it has become the focal point of international discussions about social science theory. Few authors possess the argumentative skill, intellectual history knowledge, thematic breadth, and desire to diagnose the modern world required to address a variety of areas and answer pertinent questions. Those who do not participate in today's debates or have nothing to say about this influential social theorist effectively exclude themselves from being considered serious connoisseurs. The Russian edition of J. Habermas's *Theory of Communicative Action*, translated by A. K. Sudakov and published by "Ves mir" in 2022, was highly anticipated. However, disappointment soon followed when readers discovered the released version. Although the book's table of contents appears to align with the English translation by T. McCarthy (praised by both the global sociological community and J. Habermas himself), a closer examination of the Russian text reveals that it primarily consists of "simulacra" (semblances) of the original translation. According to J. Baudrillard's precise definition of "simulacrum," this means it is merely an "imitation of the non-existent" and gives the impression of something that isn't truly there. The primary issue is that translator A. K. Sudakov disrupted the key semantic context by replacing the fundamental term действие ("handeln," or "action" in the English translation) with the unrelated term деятельность ("tätigkeiten," "activity"). From a modern sociological theory perspective, using the term коммуникативная деятельность (communicative activity) instead of коммуникативное действие (communicative action) is a significant violation of the logical progression and development of initial premises. Habermas formulated his concept of "communicative action" based on T. Parsons' approach to defining "action" as a singular social act, while the category of "activity" is rooted in an extremely broad definition of "human activity". This article examines numerous glaring errors and distortions in the translations that not only affect the semantic structures of "communicative action" but also the entirety of modern sociology. As a result, the review is titled "Simulacra of Translation" to highlight these issues through various examples of factual "reinterpretations" of the book's key meanings and concepts.

**Keywords:** theory of communicative activity, theory of communicative action, theory of action, rationality of action, social rationalization, translation simulacra

**Citation:** Davydenko, V. A., & Andrianova E. V. (2023). “Simulacra of translation”: reflections on the publication of Jurgen Habermas’ Theory of Communicative Activity *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 58–82. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-58-82>

Submitted May 15, 2023; Reviewed May 30, 2023; Accepted Jun. 2, 2023

## Введение

После своего выхода в свет книга Юргена Хабермаса «Теория коммуникативного действия» привлекла к себе сильное внимание научной общественности, что, учитывая трудности, которые она предоставляла читателю, было поразительно. Уже первые опубликованные отклики отражали всю ее тематическую сложность и идейное богатство; наиболее распространенная критика, обычно высказанная с иронией «безнадежно идеалистического предприятия», после более глубокого ее обсуждения позже опровергалась. Эта критика до сих пор не ослабевает, добавляется новыми аргументами, которые разбивалась другими контраргументами. Данная книга переведена на английский язык [Habermas, 1984; Habermas, 1985], и вряд ли будет преувеличением сказать, что она стала центром международных дискуссий о теории социальных наук. Мало найдется авторов, которые по аргументации и знанию интеллектуальной истории, тематической широте и стремлению к диагностике современного мира способны сводить воедино самые различные области и отвечать на актуальные вопросы.

Тем большее разочарование было от прочтения книги «Теория коммуникативной деятельности», вышедшей в издательстве «Весь мир» в переводе А. К. Судакова под редактурой М. М. Беляева. Ранее в этом издательстве (с тем же редактором) вышла другая работа Ю. Хабермаса, «Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества», тоже подвергнувшаяся критике научного сообщества [Юдин, 2017].

По структуре оглавление книги вроде бы совпадает с вариантами английского перевода Томаса Маккарти («отличными» — как по оценке представителей мировой социологической общественности, так и самого Ю. Хабермаса) [Habermas, 1984], но, если внимательно погружаешься в якобы «эквиваленты» русских текстов, то возникает острое ощущение, что там — в основном «симулякры» (видимости) перевода. А если исходить из точного определения дефиниции симулякра Жана Бодрийяра, то это просто — «имитация несуществующего», и «делание вида того, что имеешь то, чего нет на самом деле» [Бодрийяр, 2013].

Самые главные неточности наблюдаются в переводе ключевых понятий. Английский термин «action», применяемый в немецко-английских переводах, обозначает «действие», а не «деятельность», в то время как русский аналог последнего термина переводится как «activity», но не как «action». С точки зрения современной социологической теории использование термина «коммуникативной деятельности» вместо

«коммуникативного действия» есть грубое нарушение всей логики движения и развертывания исходных предпосылок: свой концепт «коммуникативного действия» Ю. Хабермас развивал на базе подхода Т. Парсонса в отношении к дефиниции «действия» как единичного социального акта, в то время как категория «деятельность» основывается на предельно широкой дефиниции «активности человека». Всё это дало повод назвать нашу статью как «Симулякры перевода», показать их на очень многих примерах фактуальных «переиначиваний» ключевых смыслов и значений рецензируемой книги.

Предваряя наш критический анализ русского перевода книги Ю. Хабермаса [Хабермас, 2022], сразу сделаем заявление, что перевод ее названия и многих фрагментов неадекватен.

Во-первых, автором перевода с немецкого языка нарушен ключевой смысловой контекст: немецкий термин «*handeln*», выступающий аналогом дефиниции «действия», без всяких на то обоснований заменен дефиницией «деятельности», которая переводится на немецкий язык как «*tätigkeiten*».

Во-вторых, английский термин «*action*», который используется во всех немецко-английских переводах, обозначает в переводе «действие», а не «деятельность», в то время как русский аналог последнего термина переводится как «*activity*», но не как «*action*».

В-третьих, надо понимать, что имеется жесткий социолого-философский контекст работ Ю. Хабермаса, который сложился как в мировой [Honneth, Joas, 1991], так и в отечественной [Головин, 2019] науке, и нельзя игнорировать академические и исследовательские традиции гуманитарного и социального дискурсов. На русском языке вышло более двадцати переводов Хабермаса.

Наша статья построена следующим способом: сначала мы проводим анализ ключевых идей и работ Ю. Хабермаса, англоязычных версий немецко-английских переводов, которые были обговорены и согласованы с автором и опубликованы в весьма уважаемых мировых издательствах. Далее на основании выявленных «сухих остатков» смыслов и значений сравниваем с теми компонентами «симулякров перевода» «Теории коммуникативной деятельности», которые исполнил А. К. Судаков.

Обращаясь к мощным интеллектуальным пластам анализа и критики книги Ю. Хабермаса «Теории коммуникативного действия» (например: [Honneth, Joas, 1991]), многие ученые оценили его попытку обосновать новый теоретический взгляд на коммуникативную рациональность в специфически формально-прагматических и феноменологических терминах интерсубъективности в целом как «проблематичную», хотя и «достойную уважения». При этом акценты делались во многом не только на философской, но и на чисто психологической и лингвистической риторике. Однако в этой статье мы хотели бы в большей степени остановиться на социологической стилистике рецензируемой книги Ю. Хабермаса в русском переводе, поскольку именно такой акцент в наибольшей степени отвечает той научной специальности, которую поддерживает журнал «Вестник ТюмГУ».

Особо обратим внимание, что переводчик книги «На пути к рациональному обществу» (Toward a Rational Society: Student Protest, Science, and Politics) Джереми Шапиро специально подчеркнул, что важно показать возможный уровень искажений (*noise level*)

перевода, для чего он привел глоссарий с терминологическими сравнениями значений слов немецкого и английского языка, где возможен спорный перевод [Habermas, 1971]. Эта книга примечательна и тем, что в ней была представлена одна из первых конструктивных попыток применить критическую теорию к теории рациональности, исследовать современность того далекого времени на основе идеи коммуникативного действия, включая анализ студенческого протестного движения, его институциональные цели, властные, авторитарные, технократические и бюрократические структуры. В 1960-е гг., которые как «современность» исследовал Ю. Хабермас в присущем для него философско-социологическом стиле, улучшились условия и качество жизни людей благодаря послевоенному росту. Появилось новое поколение молодежи с альтернативными взглядами на жизнь; при этом число студентов выросло, они были недовольны плохими условиями учебы, что резко усилило их общественную активность. По справедливому замечанию Н. А. Головина, для Хабермаса опыт студенческих выступлений

«состоял в том, что высокий уровень жизни и размывание классового сознания привели к кризису идентичности общества, который не мог быть теоретически описан в экономических понятиях эксплуатации и отчуждения, что требовало пересмотра оснований критической теории франкфуртской школы <...> практическая задача теории коммуникативного действия — решить проблему субъекта истории — осталась открытой в критической теории общества после „революционных“ выступлений студентов 1968 г.» [Головин, 2019, с. 18].

Сочувствуя требованию студентов о более демократическом участии и надеясь, что их активность таит в себе высокий потенциал для позитивных социальных преобразований, Ю. Хабермас, однако, без всяких колебаний критиковал все их воинственные аспекты как самообманчивые и пагубные:

«Трудно адекватно оценить порядок величины этого протестного движения. С одной стороны, самооценка главных героев, студентов, кажется мне беспочвенной. Студенты — это не класс, они даже не авангард класса и уж точно не ведут революционную борьбу. Ввиду результатов акционизма я считаю этот самообман (*self-delusion*) в большом стиле пагубным (*pernicious*). С другой стороны, я бы не отказался от широкой исторической перспективы. Есть несколько признаков, указывающих на то, что база, на которой рождается Новая Чувствительность (*New Sensibility*) и рвение практического разума (*zeal of practical reason*) (включая их ужасающие деформации), расширяется, и что потенциал молодежного движения растет. Если этот потенциал не сдержит себя, он приведет к саморазрушению (*self destructively*), и если мы, старшее поколение, неотреагируем без понимания, то он может стать движущей силой долгосрочного процесса трансформации, который не предотвратит даже предсказуемые катастрофы в международном масштабе и не сделает возможной определенную меру эмансипации внутри страны. Не знать этого нельзя, и мы можем с определенной осторожностью управлять этим процессом» [Habermas, 1971, с. 48; здесь и далее пер. наш — В. А., Е. В.].

Для социологии имело значение то, что Хабермас впервые стал различать два «способа действия» (*mode of action*): работу или труд (*work*) и взаимодействие или интеракцию (*interaction*), которые соответствуют непреходящим интересам человеческого рода (*human race*). Социологическая прагматика этого основополагающего различия состоит в том, что «конфликты должны быть разрешены, интересы осознаны, интерпретации найдены

как посредством действия (*action*), так и посредством транзакции (*transaction*), структурированной обычным языком» [Habermas, 1971, с. 56]. Из этой своей ментальной конструкции он сделал достаточно конструктивные философско-логические выводы в том, что к «работе» (*work*) как первому способу действия относятся средства, основанные на рациональном выборе эффективных приемов, дающих реальные результаты как инструментального (*instrumental*) и стратегического (*strategic*) действия (*action*); ко второму способу действия относятся средства, сопряженные с «коммуникативным действием» (*communicative action*) и «взаимодействием» (*interaction*), когда акторы координируют свое поведение на основе «согласованных норм» (*agreed norms*). Под «работой» (*work*), определяемой в духе Макса Вебера в терминах «целерационально-рациональных действий» (*purposive-rational actions*), Юрген Хабермас понимал «либо инструментальное действие, либо рациональный выбор, либо их сочетание, регулируемых техническими правилами, основанными на эмпирическом знании», и «коммуникативное действие» означает поэтому «символическое взаимодействие», регулируемое обязательными консенсуальными нормами (*binding consensual norms*), которые «определяют взаимные ожидания в отношении поведения и которые должны быть поняты и признаны, по крайней мере, двумя акторами (действующими субъектами)» [Habermas, 1971, с. 91–92].

Он сделал главное различие в идентификации «работы» (*work*) и «коммуникативного действия» (*communicative action*) как двух типов действия, основанных на рациональном выборе, в параметрах инструментального (*instrumental*) и стратегического (*strategic*) действия в первом случае; и «взаимодействия» (*interaction*) во втором случае, в параметрах интеракций (*interaction*), или взаимодействий, понимаемых как формы сотрудничества, координации, связи, взаимосвязи, взаимовлияния, согласования, общения, коммуникации. Термин «поле интерсубъективности» (*field of intersubjectivity*) стал аналогом дефиниции коллективного сознания в духе социологии Эмиля Дюркгейма с той лишь существенной разницей, что, как любое философское понятие, оно обладало как признаками всеобщности и абстрактности, но одновременно указывало на многие конкретные свойства и возможные события, позволяющее разным людям из различных социальных слоев взаимодействовать друг с другом, общаться и функционировать в условиях плюрализма статусных групп и интересов.

В терминах Альфреда Шютца и интерпретации Скотта Аппелроут и Лауры Десфор базовое понятие «интерсубъективность» (толкуемое как общедоступность, межличностность) относится не столько к тому факту, что мы живем в том же эмпирическом или материальном мире, что и другие, и что мы разделяем один и тот же эмпирический или материальный мир с другими; это относится сколько к тому факту, что мы разделяем одно и то же сознание.

Интерсубъективность — это «то, что вы знаете, что я знаю, что вы знаете» (*that you know that I know that you know*), которое позволяет людям из различных социальных слоев взаимодействовать друг с другом и функционировать в одном поле этого сознания [Appelrouth, Desfor, 2021, с. 1124]. Подчеркнем, что Ю. Хабермас в своей критике бюрократии, технократии и управления экспертами, полагаясь на базовые основы критической философии Франкфуртской школы, выявил новый тип рациональности —



«Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса...

коммуникативную рациональность и представил ее полное теоретическое описание, предвосхищающую категории теории действия в его поздних работах.

В «Логике социальных наук» [Habermas, 1988a] приведены веские основания для признания принятия плюралистического подхода, который автор расценил как «практический подход» (*practical approach*) Так же, как и при классификации способов исследования, связанных с утверждением разных интересов, конституирующих знание, он установил, что любая методология, теория или метод имеет свою «относительную легитимность». Наиболее плодотворным подходом к общественно-научному познанию должно стать сопоставление наибольшего количества методов, подходов и теорий друг с другом:

«... аппарат общих теорий нельзя применять к обществу так же, как к объективированным природным процессам. Более сложные из социальных подходов нельзя без ущерба свести к платформе общей науки о поведении. Социальные науки, хотя и более враждебные, чем мирное сосуществование, должны выдерживать напряжение расходящихся подходов под одной крышей» [Habermas, 1988a, с. 3].

Задавая вопрос: «Как возможны общие теории социального действия?» — Хабермас на него сам и отвечает:

«Общие теории позволяют нам выводить предположения об эмпирических закономерностях в форме гипотез, служащих цели объяснения. Закономерности социального действия обладают свойством быть понятными (*understandable*). Социальное действие относится к классу преднамеренных действий, которые мы постигаем, реконструируя их значение. Социальные факты могут быть поняты (*understood*) в терминах мотиваций. Оптимальная понимаемость (*intelligibility*) социального поведения в данных условиях, конечно, сама по себе не является доказательством гипотезы о том, что закономерная связь действительно существует. Такая гипотеза также должна оказаться верной независимо от правдоподобности интерпретации с точки зрения мотивации. Таким образом, логическая взаимосвязь понимания и объяснения может быть сведена к общей взаимосвязи между гипотезой и эмпирическим подтверждением. Только тогда, когда полученное в результате предположение о закономерности поведения, возникающей при данных обстоятельствах, было эмпирически обосновано, мы можем сказать, что наше понимание мотивации привело к объяснению социального действия» [Habermas, 1988a, с. 11].

«Основные понятия социологической теории должны быть применимы ко всем обществам. С помощью таких понятий мы должны были бы быть в состоянии сформулировать предложения, которые верны для людей в силу того факта, что они были членами социальных групп везде и во все времена. Чтобы достичь такой полноты, эти понятия должны на соответствующем уровне абстракции охватывать весь спектр человеческого опыта в обществе, а не выделять какую-то доминирующую черту этого опыта и, таким образом, оставлять некоторый остаток в стороне... Этому ключевому условию должны удовлетворять пары понятий, знакомые по более ранним теориям: статус и контракт (договор), *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, механическая и органическая солидарность, неформальные и формальные группы, первичные и вторичные отношения, культура и цивилизация, традиционная и бюрократическая власть, сельская местность и городское сообщество, священные и светские ассоциации, военное и индустриальное общество, статус и класс» [Habermas, 1988a, с. 39].

Проясняя ответ на вопрос о том, «как вообще возможны общие теории социального действия» (*how general theories of social action are possible*) — Хабермас на него отвечает таким образом:

«Зачатки теорий, касающихся эмпирической однородности социального действия, можно найти во всех социально-научных дисциплинах: в экономике, социологии, культурной антропологии, социальной психологии, и даже в политологии, поскольку она использует теоретические подходы смежных дисциплин ... в каждом случае эти дисциплины конструируют общие теории в определенных рамках: либо это теории чистого выбора, либо они сформулированы в рамках теории действия, либо они являются частью общей науки о поведении» [Habermas, 1988a, с. 39].

Тем самым уже в считающихся «ранних работах» Юрген Хабермас выделил устойчивые черты всеобъемлющей модели коммуникативного действия, а не деятельности, имеющие ясные и четкие операционализации и верификации в конкретных форматах, видах и признаках своих эмпирических проявлений.

Специфика «*Theory of Communicative Action*», ее англоязычного варианта [Habermas, 1984, 1985], сопряжена с тем, что концепция Хабермаса опиралась на новые для того времени постановки задач философии из-за их связи как с социальными науками, так и с ключевыми идеями классиков социологии и представителей неомарксистской критической теории.

Переводчик с немецкого языка на английский Т. Маккарти книги «*Theorie des kommunikativen Handelns*» («Теория коммуникативного действия») — «*The Theory of Communicative Action*» — в предисловии к изданию отметил, что Ю. Хабермаса называют в определенном смысле «последним великим рационалистом» (the last great rationalist), каковым он и является [Habermas, 1984]. Его рационализм, однако, имеет важные отличия, состоящие в том, что он стремился включить центральные идеи критики рационализма в хорошей диалектической манере, и его «Теория коммуникативного действия», опубликованная в двух томах в 1981 г., представляет собой кульминацию его усилий. Хабермас говорит нам, что эта книга преследовала три взаимосвязанные цели: 1) разработать концепцию рациональности, которая больше не была бы привязана к субъективистским и индивидуалистическим предпосылкам современной философии и социальной теории и не ограничена ими; 2) построить двуединый подход — уровневую концепцию общества, интегрирующей «жизненный мир» и «системные» парадигмы; 3) и набросать на этом фоне критическую теорию современности, которая анализирует и объясняет ее патологии таким образом, чтобы предполагать перенаправление, а не отказ от проекта Просвещения.

Одно общее замечание о подходе Хабермаса: он развивает эти темы посредством несколько необычного сочетания теоретических построений с историческими реконструкциями идей классических социальных теоретиков [Habermas, 1984]. Говоря о качестве перевода, важно подчеркнуть, что Т. Маккарти при подготовке перевода с немецкого на английский язык отмечал, что его очень успокоила готовность автора ознакомиться с первым черновиком и предложить любые изменения, которые он сочтет необходимыми. Читателям сообщалось то, что, хотя эти изменения были внесены, чтобы точнее передать его смысл или сделать перевод более читабельным, они часто привели к незначительным отклонениям от оригинального текста. Таким образом, в таких случаях соответствие между немецкой и английской версиями не совсем соответствует переводу [Habermas, 1985, с. v].

«Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса...

Авторы этой статьи специально заострили внимание на том, как конструктивно работали немецкие переводчики в тесном сотрудничестве с автором книги, чего не наблюдается в случае с русским переводом с немецкого А. К. Судакова. К переводу имеется ряд претензий, которые сводятся к тому, что российскому читателю представлен весьма сильно искаженный текст Ю. Хабермаса. Ниже предложено несколько сравнительных примеров подобного рода абберраций.

## В чём слабые места русского перевода классической работы Ю. Хабермаса на русский язык?

Пройдемся по ключевым смыслам русского переводного текста книги Ю. Хабермаса «Теория коммуникативной деятельности», изданной в 2022 г. издательством «Весь мир», сравнивая с английским аналогом. Первое, что сразу бросается в глаза — неверный перевод термина «*Handelns*» — «*action*» как «деятельность» несмотря на то, что название 1-го тома переведено правильно, как «Рациональность действия», но не как «Рациональность деятельности». Однако поиск по книге и арифметический подсчет фиксирует 1075 упоминаний слова «деятельность». Посмотрим, с чем связаны эти упоминания, и сравним с немецко-английским оригиналом.

Неточности в переводе начались сразу же — с предисловия к 3-му изданию. Читаем перевод А. К. Судакова:

«Это обстоятельство побудило меня к допущению, что такие простые императивы следует трактовать как перлокуции (I, 341–342). Но в таком случае иллокуционерные акты, к числу которых, без сомнения, относятся императивы, должно быть возможно включить в контексты стратегической деятельности, а это должно было бы подвести к парадоксальному выводу: при выполнении таких императивов говорящий должен был бы тогда иметь возможность действовать в одном и том же отношении одновременно с ориентацией на взаимопонимание и с ориентацией на успех. В своем ответе Шею я наметил тот путь, придерживаясь которого, я хотел бы справиться с этой трудностью.

Следуя предложению Клауса Шюллера, я дополняю перечень Содержания обстоятельным обзором, что должно помочь читателям ориентироваться в работе. Той же цели служат и вышедшие за это время в свет „Предварительные работы и дополнения к теории коммуникативной деятельности“» [Хабермас, 2022, с. 17–18].

Читаем точный перевод этого абзаца А. Б. Рахманова, который он сделал 16 лет назад:

«Это обстоятельство побудило меня предположить, что такие простые императивы должны рассматриваться тем же способом, что и перлокутивные акты (*Perlokutionen*) (т. I, с. 439). Но тогда иллокутивные акты, к которым, без сомнения, принадлежат императивы, должны были бы быть охвачены связями стратегического действия, и это должно было бы привести к парадоксальному последствию: при исполнении таких императивов: говорящий должен был в одном и том же отношении быть в состоянии действовать с ориентацией на согласие и с ориентацией на успех. В своем ответе Скайе я наметил путь, на котором я надеялся преодолеть эту трудность. Следуя предложению Клауса Шюллера, я дополнил указатель содержания подробным обзором, который должен облегчить читателям ориентацию. Этой же цели служат вышедшие тем временем „Наброски и дополнения к теории коммуникативного действия“» [Хабермас, 2007а, с. 91–92].

Сравнивая оба текста, видим сознательную и очевидную подмену понятия «действия» на «деятельность». Аналогично искажаются эти дефиниции и в предисловиях к другим изданиям. Третий раздел 1-й главы переведен так: «3. Отношения деятельности к миру и аспекты ее рациональности в четырех социологических понятиях действия» [Хабермас, 2020]. В английском переводе Т. Маккарти читаем: «3. Relations to the World and Aspects of Rationality in Four Sociological Concepts of Action» [Habermas, 1984, с. 75] — или: «3. Отношение к миру и аспекты рациональности в четырех социологических концепциях действия». И при чем тут «Отношения деятельности», если стоит просто «Отношения», и без всякой на то какой-то «деятельности»? В начале третьего параграфа 1-й главы Ю. Хабермас поясняет свою мотивацию написания:

«The concept of communicative rationality that emerged from our provisional analysis of the use of the linguistic expression „rational“ and from our review of the anthropological debate concerning the status of the modern understanding of the world is in need of a more precise explication. I shall pursue this task only indirectly, by way of a formal-pragmatic clarification of the concept of communicative *action*, and only within the limits of a systematic look at certain positions in the *history of social theory*» [Habermas, 1984, с. 75],

что можно так перевести на русский язык как

«Концепция коммуникативной рациональности, возникшая в результате нашего предварительного анализа употребления лингвистического выражения «рациональный» и обзора антропологических дебатов о статусе современного понимания мира, нуждается в более точном разъяснении. Я буду заниматься этой задачей лишь косвенно, путем формально-прагматического прояснения концепции коммуникативного действия, и только в рамках систематического рассмотрения определенных позиций в истории социальной теории».

А. К. Судаков дает совсем иной перевод:

«Понятие коммуникативной рациональности, полученное нами из предварительного анализа использования языкового выражения „рациональный“, а также из дискуссии антропологов о месте современного миропонимания, нуждается в более точной экспликации. Эту задачу я буду решать лишь косвенно, а именно — путем формально-прагматического прояснения понятия коммуникативной деятельности, это я также буду делать только в границах систематического обзора теоретических позиций, имевших место в истории науки» [Хабермас, 2022, с. 98].

Сравнение этих трех фрагментов наводит нас на мысли о том, что в представленном переводе мы видим искаженное восприятие текста Ю. Хабермаса, идущее от утраты социокультурной и теоретической релевантности переводчика: мы видим явную подмену понятий: «истории социальной теории» (*history of social theory*) с «историей науки». Они находятся в совершенно различных предметных полях, потому что в термин «наука» входят также и естественные науки, в то время как Хабермас настаивает на истории социальной теории. Всё это может показаться «мелочью», но это такая «мелочь», которая передеформирует также значение термина «действие» против термина «деятельность».

Поясним нашу позицию. Хабермас употреблял термин «деятельность» (*activity*) с системной точки зрения как сочетание видов действий (*combination of activities*) на ос-

нове разделения труда (basis of a division of labor) и способность социальной системы к адаптации. То есть категория «деятельность» берется с точки зрения совокупности действий (sets of actions). Это соответствует методологии движения понятий от единичного действия (single action) к совокупности действий (sets of actions) [Habermas, 1985, с. 160].

Независимо от того, начинаем ли мы с Мида, с основных понятий социального взаимодействия (from basic concepts of social interaction) или с Дюркгейма, с основных понятий коллективной репрезентации (basic concepts of collective representation) — в любом случае общество (society) понимается с точки зрения действующих субъектов (perspective of acting subjects) как жизненный мир социальной группы (lifeworld of a social group). Напротив, с точки зрения стороннего наблюдателя общество может быть представлено только как система действий (system of actions), где каждое действие (action) имеет функциональное значение (functional significance) в соответствии с его вкладом в поддержание системы (according to its contribution to the maintenance of the system) [Habermas, 1985, с. 117].

«Когда мы рассматриваем взаимодействие общества с его социальной и природной средой (society's interchanges with its social and natural environments) с системной точки зрения (from the system perspective), мы отказываемся от теоретико-действующей предпосылки о том, что сочетание видов действий (combination of activities) на основе разделения труда (basis of a division of labor), повышающее способность социальной системы к адаптации и достижению целей, должно быть задумано всеми или некоторыми участниками. То, что с точки зрения участников выглядит как разделение труда, обусловленное задачами, с точки зрения системы представляет собой увеличение социальной сложности. Адаптивная способность системы действия (action system) измеряется только тем, какой совокупный эффект действий (aggregate effects of actions) способствует поддержанию системы в данной среде; не имеет значения, можно ли проследить объективную целесообразность последствий действия (action consequences) до целей вовлеченных субъектов (purposes of the subjects involved), или нет [Habermas, 1985, с. 160].

С точки зрения современной социологической теории, употребление термина «коммуникативной деятельности» вместо «коммуникативного действия» есть грубое нарушение всей логики движения и развертывания исходных предпосылок Ю. Хабермаса: свой концепт «коммуникативного действия» он развивал на фундаментальной базе подхода Т. Парсонса в отношении к дефиниции «действия» как единичного социального акта, в то время как категория «деятельность» основывается на предельно широкой дефиниции «активности человека». Здесь мы видим элементарное нарушение принципа взаимосвязи «единичного — особенного — всеобщего» как категорий философии и диалектики, как отражающие взаимозависимости и взаимопереходы явлений объективного мира от единичного к всеобщему. В реальном мире единичное обуславливается наличием у материального объекта только ему присущих свойств, которые позволяют отличать его от других объектов. Единичное есть определенность качества внутри самого объекта, тождественная бытию определенность, или его однородность с вещами того же качества. В таком контексте дефиницию «действия» можно сравнить с активностью единичного «актора».

В нашей версии понимание проблемы различения «действия» и «деятельности» заключается в том, что теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса покоится на единичном акте действия и потому не может именоваться коммуникативной деятельностью, которая, если она и есть, должна включать в себя множество единичных актов. В этом заключается вся знаково-смысловая структура ее построения. Ниже мы представляем конкретные подтверждения именно такого объяснения теории коммуникативного действия.

### **Почему теория «действия», а не теория «деятельности»?**

Чтобы предельно точно ответить на этот вопрос, с методологической точки зрения нужно поднимать все первоисточники и предтечи, с которых это начиналось. Как утверждал Ю. Хабермас и в предисловии к «Теории коммуникативного действия» и в более ранних трудах, эта новая его парадигма стала направлять большую часть его работ в его стремлении раскрыть те базовые предпосылки, которые были обнаружены им еще в «Логике социальных наук» 1967 г. А именно нужно:

«... исследовать три проблемы. Во-первых, возникает вопрос, должны ли теории, допущения которых направлены на объяснение намеренного действия, исходить из максимумов действия, или же мы можем отказаться от этого нормативного подхода в пользу анализа контекстов действия. Это приводит к дальнейшему вопросу о том, обязательно ли эмпирически-аналитическая процедура требует сведения преднамеренного действия к поведению, основанному на стимуле-реакции (*stimulus-response*). Однако, как будет продемонстрировано далее, если нередуцирующие теории социального действия должны отказаться от элементаристской структуры теорий науки о поведении в пользу функционализма, то мы должны рассмотреть вопрос, при каких условиях социально-научные исследования систем могут выйти за рамки предписывающего знания и внести вклад в эмпирический анализ социальных контекстов. Последний вопрос снова поднимает проблему границ общих теорий социального действия» [Habermas, 1988a, с. 43–44].

Суть этого заявления Хабермаса сводится к тому, что он отталкивается от «эмпирически-аналитических процедур» (*empirical-analytical procedures*), т. е. от единичного эмпирического социального акта, и стремится свести его к «поведению» (*behavior*), к «нередуцирующим теориям» (*nonreductive theories*), и далее анализ социальных контекстов (*analysis of social contexts*) с обратным возвратом к эмпирике единичного акта. И он объясняет в разных статьях и книгах [Хабермас, 1993, 2001, 2003, 2005, 2007б, 2008, 2010, 2011, 2017; Habermas, 1988б, 1990а, б, 1995а, б], для чего он преследует знаменитые взаимосвязанные цели: теория рациональности; разработка уровневой теории общества, интегрирующей жизненный мир и системные парадигмы.

Особенность подхода Хабермаса состояла в том, что он развивал эти темы посредством сочетания теоретических построений в контексте исторических реконструкций идей классических социальных теоретиков, таких как Карл Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Джордж Мид, Т. Парсонс, Теодор Адорно, Дьердь Лукач, Макс Хоркхаймер, с целью найти их позитивные вклады и внести в теорию коммуникативного действия все эти моменты, и иметь возможность критиковать «исторические реконструкции», пре-

одолевая их недостатки и размышляя вместе с ними так, чтобы выйти также и за их пределы [Habermas, 1984].

В то время как здесь ставится акцент на нормативности и защищаются универсалистские амбиции сущего, имманентные философской традиции, это делается в парадигмальных рамках единичного, включающих определенные виды конкретных эмпирических социальных исследований, с которыми философия должна взаимодействовать. Такая исходная постановка целей и задач разработки новой социальной теории предполагает предпосылки действия, но никак не парадигму деятельности.

В свете вышесказанного становится вообще непонятной дальнейшая логика перевода терминов *действия* и *деятельности* переводчиком. Раскрывая «теории третьего мира у Поппера», он вместе с Хабермасом стал полемизировать «с основным эмпирическим положением, согласно которому субъект непосредственно противостоит миру, получает из него свои впечатления благодаря чувственным восприятиям и воздействует на состояния в нем при помощи действий» [Хабермас, 2022, с. 99]. Так как же правильно: действий или деятельности? В английском переводе — только «*action*», во всех трех вариациях — концепций телеологического (teleological), нормативно регулируемого (normatively regulated) и драматургического (dramaturgical) типов действия с точки зрения отношений актора и мира; и на этой основе как их реконструкций позволяет ввести понятие коммуникативного действия (communicative action) [Habermas, 1984]. Хабермас объяснил,

«почему Поппер понимает свое учение об объективном разуме как критическое расширение эмпирической концепции, при этом вводит как объективный, так и субъективный разум как „миры“, т. е. как особые совокупности сущностей (special totalities of entities)» [Habermas, 1984, с. 77].

Этот фрагмент в русском переводе А. К. Судакова звучит в несколько иной интерпретации, зато он помогает лучше понять ментальную направленность его перевода:

«почему этот проблемный контекст позволяет Попперу понимать свое учение об объективном духе как некое расширение эмпирического концепта, а также почему он вводит и объективный дух, и субъективный дух как „миры“, т. е. как специфические совокупности сущностей (Entitäten)» [Хабермас, 2022, с. 100].

В данном случае обосновывается концепт «жизненных миров», обусловленный неким «проблемным контекстом», который, в свою очередь, «непосредственно противостоит миру, получает из него свои впечатления благодаря чувственным восприятиям и воздействует на состояния в нем при помощи действий» [Хабермас, 2022, с. 99].

Далее А. К. Судаков говорит о «телеологической модели действия», которая «расширяется до стратегической модели, если в расчет актора на успех его действия может входить ожидание решений по крайней мере еще одного целенаправленно действующего актора. Эту модель действия нередко толкуют в утилитаристском смысле; в таком случае предполагают, что актер выбирает и калькулирует средства и цели с точки зрения максимально возможной пользы или ожиданий пользы. Эта модель действия лежит в основе подходов в духе теории решения и теории игр в экономике, социологии и социальной психологии» [Хабермас, 2022, с. 107].

И в этом же абзаце он толкует о «понятии нормативно регулируемой деятельности», которое «относится не к поведению принципиально одинокого актора, который преднаходит (*vorfindet*) в своей окружающей среде других акторов, а к членам социальной группы, ориентирующим свою деятельность на общие им ценности» [Хабермас, 2022, с. 107].

Этот же фрагмент в английском тексте звучит так:

«The teleological model of action is expanded to a strategic model when there can enter into the agent's calculation of success the anticipation of decisions on the part of at least one additional goal-directed actor. This model is often interpreted in utilitarian terms; the actor is supposed to choose and calculate means and ends from the standpoint of maximizing utility or expectations of utility. It is this model of action that lies behind decision-theoretic and game-theoretic approaches in economics, sociology, and social psychology. The concept of normatively regulated action does not refer to the behavior of basically solitary actors who come upon other actors in their environment, but to members of a social group who orient their action to common values» [Habermas, 1984, с. 85].

Наш перевод такой:

«Телеологическая модель действия расширяется до стратегической модели, когда в расчет успеха агента может входить предвосхищение решений со стороны хотя бы одного дополнительного целенаправленного актора. Эта модель часто интерпретируется в утилитарных терминах; предполагается, что актор выбирает и рассчитывает средства и цели с точки зрения максимизации полезности или ожиданий полезности. Именно эта модель действия лежит в основе подходов, основанных на теории принятия решений и теории игр, в экономике, социологии и социальной психологии. Понятие нормативно регламентированного действия относится не к поведению принципиально одиночных акторов, столкнувшихся с другими акторами в своем окружении, а к членам социальной группы, ориентирующим свое действие на общие ценности».

Ни о каких видах «деятельности» здесь речь вообще не идет — только о видах действий.

Читая далее текст А. К. Судакова, можно отметить хаос и путаницу в переводе понятий.

«Понятие драматургической деятельности в первую очередь относится не к одинокому актору, не к члену социальной группы, а к участникам интеракции, составляющим друг для друга публику, перед глазами которой они позиционируют себя. В драматургической деятельности ее участники пользуются этим обстоятельством и управляют своей интеракцией с помощью регулирования обоюдного доступа к собственной субъективности каждого из них» [Хабермас, 2022, с. 140].

Английский перевод для сравнения:

«Each agent can monitor public access to the system of his own intentions, thoughts, attitudes, desires, feelings, and the like, to which only he has privileged access. In dramaturgical *action*, participants make use of this and steer their interactions through regulating mutual access to their own subjectivities» [Habermas, 1984, с. 87].

Наш перевод:

«Каждый агент может контролировать публичный доступ к системе своих собственных намерений, мыслей, установок, желаний, чувств и т. п., к которым только он имеет



«Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса...

*привилегированный доступ. В драматургическом действии участники используют это и управляют своими взаимодействиями, регулируя взаимный доступ к своим собственным субъективностям».*

Текст А. К. Судакова:

«... понятие коммуникативной деятельности относится к интеракции по меньшей мере двух субъектов, способных говорить и действовать, вступающих (будь то вербальными или экстравербальными средствами) в интерперсональное отношение. Акторы ищут взаимопонимания насчет поведенческой ситуации, чтобы по взаимному согласию скоординировать свои планы действий, а тем самым и свои действия. Ключевое понятие интерпретации относится в первую очередь к выработке определений ситуации, способных достигнуть консенсуса. В этой модели действия, как мы увидим, особенно важное значение получает язык» [Хабермас, 2022, с. 141].

Английский перевод:

«... the concept of communicative action refers to the interaction of at least two subjects capable of speech and action who establish interpersonal relations (whether by verbal or by extraverbal means). The actors seek to reach an understanding about the action situation and their plans of action in order to coordinate their actions by way of agreement. The central concept of interpretation refers in the first instance to negotiating definitions of the situation which admit of consensus. As we shall see, language is given a prominent place in this model» [Habermas, 1984, с. 87].

Наш перевод:

«... понятие коммуникативного действия относится к взаимодействию по крайней мере двух субъектов, способных к речи и действию, которые устанавливают межличностные отношения (будь то вербальными или экстравербальными средствами). Акторы стремятся достичь взаимопонимания, взаимного понимания ситуации действий и своих планов действий, чтобы путем соглашения координировать свои действия. Центральная концепция интерпретации относится в первую очередь к согласованию определений ситуации, допускающих консенсус. Как мы увидим, в этой модели языку отводится видное место».

Продолжая приводить здесь тексты в переводе А. К. Судакова, мы опять видим хаос и неразбериху в ключевых понятиях:

«Телеологическое понятие действия было плодотворно применено основоположниками неоклассики вначале для экономической теории избирательных действий, а Нойман и Моргенштерн — для теории стратегических игр. Понятие нормативно регулируемой деятельности получило парадигмальное значение для образования социологических теорий благодаря Дюркгейму и Парсонсу, понятие драматургической деятельности — благодаря Гофману, понятие коммуникативной деятельности — благодаря Миду и позднее Гарфинкелю» [Хабермас, 2022, с. 109].

Английский перевод:

«The teleological concept of action was first rendered fruitful for an economic theory of choice by the founders of neoclassical economics, and then for a theory of strategic games by von Neumann and Morgenstern. The concept of normatively regulated action gained paradigmatic

significance for theory formation in the social sciences through Durkheim and Parsons, that of dramaturgical action through Goffman, that of communicative action through Mead and later Garfinkel» [Habermas, 1984, с. 86].

Наш перевод:

«Телеологическая концепция *действия* впервые была плодотворна для экономической теории выбора основателями неоклассической экономической теории, а затем фон Нейманом и Моргенштерном для теории стратегических игр. Понятие нормативно регламентированного *действия* приобрело парадигматическое значение для формирования теорий социальных наук через Дюркгейма и Парсонса, понятие драматургического *действия* — благодаря Гоффману, коммуникативного *действия* — благодаря Миду и позже Гарфинкелю».

Обращаясь к понятию «коммуникативной деятельности», в переводе А. К. Судачкова отмечается, что «в игру вступает еще одна предпосылка некоей языковой коммуникативной среды (*sprachliche Medium*), в которой отражаются отношения актора к миру как таковые» [Habermas, 1984, с. 118].

Этот момент имеет очень важное значение для нашей критики самого названия русского перевода книги Ю. Хабермаса как «Теория коммуникативной деятельности», потому что, по определению, речевой акт вовсе не является формой «коммуникативной деятельности». Речевой акт — это стандартный формат единичного «коммуникативного действия», в то время как дефиниция «деятельности» означает в целом активность человека или организации. Поэтому перевод названия книги Хабермаса как «Теория коммуникативной деятельности» в принципе неверный.

Обратим еще раз внимание на то, что в двухтомнике «Теория коммуникативного действия» Хабермас анализирует исходные единичные (а не «всеобщие») форматы речевого акта и главная его задача — выявить степень того, когда достигается взаимное понимание, т. е. когда слушающий занимает «утвердительную позицию» (*affirmative position*) по отношению к утверждению говорящего [Habermas, 1984].

Исходя из того, что с социально-научной точки зрения язык и речь являются средством координации действий, Хабермас хотел переосмыслить и реконструировать «перформативную установку» (*performative setting*) в своей теории. Фундаментальная форма координации посредством языка требует от говорящих занимать практическую позицию, ориентированную на «достижение понимания» (*achieving understanding*), которое во всеобщем плане он рассматривал как «врожденную цель» (*innate purpose*) языка, как «неотъемлемый телос» (*inherent telos*) речи. Когда акторы обращаются друг к другу с таким практическим отношением, то они участвуют в том, что Хабермас называл «коммуникативным действием» (*communicative action*), которое он отличал от «стратегических форм» (*strategic forms*) социального действия. Дефиниция «коммуникативное действие» является изначально согласованной формой социальной координации, в которой акторы «мобилизуют потенциал рациональности» (*mobilize the potential of rationality*), данный с помощью обыденного языка и его «телоса» на рационально мотивированное согласие [Habermas, 1998]. Рациональность глубоко «встроена» (*embedded*) или «вмонтирована» через обыденный язык в любые согласованные формы социальной координации.

Для более полного обоснования своей концепции коммуникативного действия Хабермас указал на тот социальный механизм, который позволял сделать возможным рационально мотивированное соглашение. С этой целью он привел доводы в пользу «особой трактовки значения» (particular account of utterance meaning) высказывания как основанной на общепринятых «условиях приемлемости» (acceptability conditions). Хабермас использовал прагматический подход, анализируя и усиливая условия «иллокутивного успеха» (illocutionary success) речевого акта.

Отметим, что, хотя в контексте социальной теории «иллокутивный» (illocutionary) — сравнительно новый термин, в лингвистике он означает прагматическую (практическую) цель высказывания, будь то заявление, приказ, обещание; они предназначены для выражения конкретной «иллокутивной функции», например: «это пойдет» — соглашайся, «берегись»! — угроза, перебежешься, «ты сам это переживешь!» — отказ [Кустова, 2012].

По Хабермасу,

«с помощью этой модели действия мы предполагаем, что участники взаимодействия теперь могут мобилизовать потенциал рациональности, который ... содержится в трех отношениях актора к миру, специально для совместно преследуемой цели достижения понимания. Если оставить в стороне сформированность используемых символических выражений, то актер, ориентированный на понимание в этом смысле, должен выдвигать своим высказыванием по крайней мере три притязания на достоверность: что сделанное утверждение истинно (что экзистенциальные предпосылки пропозиционального содержания действительно выполняются); что речевой акт правилен по отношению к существующему нормативному контексту (что нормативный контекст, которому он должен удовлетворять, сам легитимен); и явное намерение говорящего подразумевается в том виде, в каком оно выражено» [Habermas, 1984, с. 99].

С помощью этих принципов Хабермас связывал значение речевых актов с практикой обоснования: речевые акты по своей сути включают утверждения, нуждающиеся в обосновании, утверждения, открытые как для критики, так и для оправдания. В повседневной речи и в большей части наших действий говорящие молчаливо обязуются объяснять и оправдывать себя, если это вдруг станет необходимым.

Таким образом, чтобы понять, что человек делает, совершая речевой акт, он должен иметь некоторое представление о соответствующей реакции, которая оправдала бы его речевой акт, если бы ему было предложено это сделать. Поступая именно таким образом, т. е., когда слушатель занимает «утвердительную позицию», он предполагает, что утверждения в речевом акте могут быть подкреплены вескими причинами (даже если он о них не просил).

### **Почему в «Теории коммуникативной деятельности» отрицается концепция валидности?**

Оказалось, что мы не можем сравнить дефиниции «валидности» с дефинициями русского перевода [Хабермас, 2022, с. 8–42], потому что «валидность» упоминается там всего два раза. В то время как в англоязычной версии только 1-го тома «validity» встречается 476 раз. «Валидность» (validity) по Хабермасу включает в себя понятие правильности,

аналогичное идее истины (*idea of truth*). В этом контексте «утверждение о достоверности» (*validity claim*) идентифицируется именно как прямой перевод немецкого термина «*Geltungsanspruch*» (претензия к действию).

Важно подчеркнуть, что теория коммуникативного действия Хабермаса основывается на его принципиальной идее о том, что социальный порядок зависит в конечном счете от креативной способности акторов признавать intersубъективную обоснованность (*intersubjective validity*) разных многих требований, от которых зависит социальное сотрудничество. Чтобы обосновать многомерную систему утверждений о такой достоверности — или социологической валидности — надо дополнить семантический анализ прагматическим анализом самых разнообразных видов аргументированного дискурса — самых разнообразных «логик аргументации», с помощью которых каждый тип может быть intersубъективно обоснован как особое единство людей, обладающих общностью установок, воззрений, совместного опыта представлений и восприятия определенного типа [Хабермас, 2022, с. 8–42].

Конкретная разновидность утверждения о достоверности считается отличной от других только в случае, если можно установить, что его дискурсивное обоснование включает в себя черты, отличающие его от других вариантов обоснования. Таким образом, дискурсивный анализ валидности Хабермаса выявляет важные различия в аргументативных требованиях, которые предъявляются к различным типам обоснованных утверждений независимо от того, удастся его прагматической теории значения или нет внедриться в социальную науку.

Теория дискурса призывает к прагматическому анализу аргументации как социальной практики. Такой анализ направлен на реконструкцию нормативных предпосылок, которые структурируют дискурс компетентных оппонентов (*competent arguers*). Чтобы добраться до этих предпосылок, нельзя просто описать аргументацию в том виде, в каком она возникает эмпирически. Как было обосновано в «Теории коммуникативного действия», нужно принять перформативную позицию участника и сформулировать общие, часто негласные, неписанные, неявные, «молчаливые» (*tacit*) идеалы и правила, которые обеспечивают саму основу для того, чтобы считать одни аргументы лучшими, чем другие.

Риторический уровень (*rhetorical level*) он рассматривал в терминах высоко идеализированных свойств коммуникации, которые он представил как условия «идеальной речевой ситуации» (*ideal speech situation*) в контексте «универсальной прагматики» [Habermas, 2014]. Этот способ высказывания предполагал идеальное условие, которому должны соответствовать реальные дискурсы или хотя бы, по крайней мере, приблизительно удовлетворять основным смыслам и содержаниям. В этом моменте Хабермас внес идею риторически адекватного процесса как набора неизбежных, но противоречащих фактам «прагматических предпосылок» (*pragmatic presuppositions*), которые участники дискуссии должны сделать, если они захотят рассматривать фактическое выполнение диалектических процедур.

Анализируя общество в контексте истины, Хабермас развил концепт дискурсивного опровержения фактических претензий на достоверность (*discursive redemption of factual claims to validity*) и тем самым разработал операциональные аргументы для условий, которые противоречат действительности, они «контрфактуальны» (*counterfactual*) в смысле,

что реальные дискурсы редко могут реализовать и никогда не могут подтвердить эмпирически полное включение (полную инклюзивность — *full inclusion*), а также отсутствие какого-либо принуждения (*non-coercion*) и равенство (*equality*). [Habermas, 2014].

В то же самое время все эти идеализирующие предпосылки оказывают действенное оперативное влияние на реальный дискурс: можно считать результаты разумными (как согласованные, так и несогласованные) только в случае, если тщательное изучение процесса не обнаружит явных исключений, подавления тех или иных аргументов, манипуляций, самообмана. Прагматические идеализации функционируют в этом смысле как «стандарты для самокорректирующегося процесса обучения» (*standards for a self-correcting learning process*) [Habermas, 2008].

Однако при этом надо понимать, что «пространство ответственного суждения» (*space of responsible judgment*) по-прежнему остается идеализацией, которая не может быть сведена к какому-либо наблюдаемому реальному поведению.

## Выводы

Для современной социологической науки имеют большое значение те утверждения об истине (не лжи), правде и правильности, которые должны поддаваться аргументированному обоснованию в собственном смысле этого слова с помощью и посредством того, что Хабермас называл «строгими рассуждениями», «сильными» и «строгими» дискурсами (*strict discourses*). Когда он проанализировал дискурсы, связанные с двумя типами валидности по признакам морали и фактуальных событий, то у них оказалось много общего. С точки зрения современной социологии имеет значение именно то, что Хабермас прагматически разъяснил значение точного представления с позиции значения для повседневной практики и дискурса. В той самой мере, в какой мы принимаем «пропозициональные содержания» (*propositional contents*) как бесспорно истинные в нашем ежедневном практическом взаимодействии с реальностью, так мы действуем уверенно на основе хорошо подкрепленных убеждений об объектах в мире. Он обсуждал разные теории рациональности, и предложил свои собственные типы рациональности: эпистемическую, практическую и интерсубъективную. Рациональность для Хабермаса заключается не только в обладании конкретными знаниями, но и в том, «как говорящие и действующие субъекты приобретают и используют знания» [Habermas, 1984, с. 107].

«Прагматичной» будет каждая из этих точек зрения, поскольку она обладает отличительными чертами, которые делают их толкователей компетентными и знающими агентами. Хабермасовская реконструкция всегда пытается артикулировать инвариантные структуры коммуникации и поэтому квалифицируется как «формальная прагматика». Хабермас излагает критическую социальную теорию хотя и плюралистическим, но также и реально объединяющим образом. Он амбициозно заявляет:

«критическая социальная теория не относится к устоявшимся направлениям исследований в качестве конкурента; начиная с самой концепции подъема современных обществ, критическая социальная теория пытается объяснить конкретные ограничения и относительные права этих подходов» [Habermas, 1985, с. 376].

## Заключение

Подводя предварительные итоги анализа ключевых моментов теории коммуникативного действия Хабермаса по англоязычным источникам, важно подчеркнуть, что по мере того, как он понимал свою главную задачу по раскрытию этой теории, он должен был критическую социальную теорию убедительно утвердить, как особую форму знания, во многом за счет методологической критики царствовавших тогда позитивистской философии науки, социологии позитивизма и герменевтики.

Юрген Хабермас, разрабатывая свою теорию коммуникативного действия, опирался не только на теорию действия Т. Парсонса, но и, пожалуй, еще в большей степени на три составляющих знание типа интереса:

- (1) «технический интерес»,
- (2) «антропологически глубоко укоренившийся интерес»,
- (3) интерес, интерпретирующий культурно-герменевтические науки, которые, в свою очередь, также опираются на глубоко укоренившийся «практический интерес» с целями обеспечения и расширения возможностей взаимопонимания и самопонимания себя и самой жизни.

Все эти разные типы интереса структурируют способы исследования и производства знаний в «эмпирически-аналитических» науках, т. е. в естественных науках и типах социальных наук, которые нацелены на проверяемые общие объяснения. Эти интересы и соответствующие им формы наук предполагают и формулируют способы ориентированного на действие межличностного понимания, которые действуют в рамках социокультурных форм жизни и грамматики обычного языка. Человеческие сообщества, согласно Ю. Хабермасу, нацелены на понимание культуры «нормативно-аналитических» предпосылок социальных наук.

Есть смешанные типы соответствующих наук, которые, как, например, теории рационального выбора даже философии и социологии опираются, на формальное моделирование. Выделяя в особый ряд герменевтические науки социальной теории, они, по справедливому мнению Хабермаса, приносят методическую дисциплину в особенности повседневного взаимодействия и в этом смысле находятся на одном уровне с эмпирически-аналитическими науками, которые, в свою очередь, возводят повседневное инструментальное действие к экспериментальному методу. Делая явными эти первые два когнитивных интереса, он пытался выйти за рамки позитивистских представлений о естественных и социальных науках. В его объяснениях часто игнорируется та роль, которую глубоко укоренившиеся человеческие интересы играют в формировании возможных объектов исследования.

## Список источников

- Бодрийяр Ж. 2013. Симулякры и симуляция: Перевод с французского и вступительная статья О. А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист. 204 с.
- Головин Н. А. 2019. Юрген Хабермас о силе социальной коммуникации: к 90-летию немецкого социолога // Социологические исследования. № 6. С. 15–25. <https://doi.org/10.31857/S013216250005478-8>

- Кустова Г. И. 2012. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захваты-вающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., Языки славянской культуры. С. 349–366. URL: [https://ruslang.ru/doc/melchuk\\_festschrift2012/Kustova.pdf](https://ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Kustova.pdf)
- Хабермас Ю. 1993. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. № 2. С. 123–136.
- Хабермас Ю. 2001. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С. Шачина, Д. Складнева; под ред. Б. Маркова. СПб.: Наука. 377 с.
- Хабермас Ю. 2003. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М. М. Беляева, К. В. Костина, Е. Л. Петренко, И. В. Розанова, Г. М. Северской. М.: Весь Мир. 416 с.
- Хабермас Ю. 2005. Модерн — незавершенный проект // Хабермас Ю. (ред.). Политические работы. М.: Праксис. С. 7–31.
- Хабермас Ю. 2007а. Теория коммуникативного действия (предисловия к 1 и 3 изданиям) / пер. А. Б. Рахманова // Вопросы социальной теории. Т. 1. № 1. С. 85–92.
- Хабермас Ю. 2007б. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Праксис. 208 с.
- Хабермас Ю. 2008. Проблематика понимания смысла в социальных науках / пер. Т. Тягуновой. Социологическое обозрение. Т. 7. № 3. С. 3–32.
- Хабермас Ю. 2010. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай. М.: Праксис ВЦИОМ.
- Хабермас Ю. 2011. Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратов. М.: Весь Мир. 336 с.
- Хабермас Ю. 2017. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества: с предисловием к переизданию 1990 года / пер. В. И. Иванова. М.: Весь Мир. 344 с.
- Хабермас Ю. 2022. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. Москва: Весь Мир. 880 с. Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2. К критике функционалистского разума.
- Юдин Г. Б. 2017. Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества (2016) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. I. № 1. С. 123–133. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2017-I-1-123-133>
- Applerouth S., Desfor L. 2021. Classical and Contemporary Sociological Theory. Northridge: SAGE. California State University. 1716 pp.
- d'Entrèves M. P., Benhabib S. (Eds.). 1997. Habermas and the Unfinished Project of Modernity: Critical Essays on the Philosophical Discourse of Modernity. MIT Press. 315 pp.
- Habermas J. 1971. Toward a Rational Society: Student Protest, Science, and Politics / transl. by J. Shapiro. Beacon Press. 142 pp.
- Habermas J. 1984. The Theory of Communicative Action / transl. by T. McCarthy. Beacon Press. 465 pp. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society.
- Habermas J. 1985. The theory of Communicative Action / transl. by T. McCarthy. Beacon Press. 457 pp. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason.
- Habermas J. 1988a. On the Logic of the Social Sciences / transl. by S. W. Nichol森. Cambridge, MA: MIT Press. 220 pp.

- Habermas J. 1988b. *Theory and Practice* / transl. by J. Viertel. Beacon Press. 320 pp.
- Habermas J. 1990a. *On the Logic of the Social Sciences (Studies in Contemporary German Social Thought)* / transl. by S. W. Nicholsen, J. A. Stark. MIT Press. 220 pp.
- Habermas J. 1990b. *The Philosophical Discourse of Modernity*. MIT Press. 450 pp.
- Habermas J. 1995a. *Theorie des kommunikativen Handelns: Bd. 1. Handlungsrationality und gesellschaftliche Rationalisierung*. [Taschenbuchausg.] Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 533 pp.
- Habermas J. 1995b. *Theorie des kommunikativen Handelns: Bd. 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. [Taschenbuchausg.] Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 632 pp.
- Habermas J. 1996. *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy* / transl. by W. Rehg. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. 676 pp.
- Habermas J. 1998. *On the pragmatics of communication* / M. Cooke (ed.) Cambridge, MA: MIT Press. 464 pp.
- Habermas J. 2008. *Between Naturalism and Religion*. Polity Press. 361 pp.
- Habermas J. 2014. *On the Pragmatics of Social Interaction*. Polity Press. 216 pp.
- Honneth A., Joas H. (eds.). 1991. *Communicative Action: Essays on Jürgen Habermas's The Theory of Communicative Action* / transl. by J. Gaines, D. L. Jones. 1st edition. MIT Press. 311 pp.

## References

- Baudrillard, J. (2013). *Simulacra and Simulation* (O. A. Pechenkina, Trans., Foreword). Tul'skiy poligrafist. [In Russian]
- Golovin, N. A. (2020). Jürgen Habermas on the power of social communication: on the 90th anniversary of the German sociologist. *Sociological Research*, (6), 15–25. <https://doi.org/10.31857/S013216250005478-8> [In Russian]
- Kustova, G. I. (2012). About illocutionary phraseology. In *Meanings, Texts and Other Exciting Stories. Collection of Articles in Honor of the 80th Anniversary of I. A. Melchuk* (pp. 349–366). *Yazyki slavyanskoy kultury*. [https://ruslang.ru/doc/melchuk\\_festschrift2012/Kustova.pdf](https://ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Kustova.pdf) [In Russian]
- Habermas, J. (1993). Relations between the system and the life world in the conditions of late capitalism. *THESIS*, 1(2), 123–136. [In Russian]
- Habermas, J. (2001). *Moral Consciousness and Communicative Action*. (S. Shachin & D. Sklyadnev, Trans.; B. Markov, Ed.). Nauka. [In Russian]
- Habermas, J. (2003). *Philosophical Discourse on Modernity*. (M. M. Belyaeva, K. V. Kostina, E. L. Petrenko, I. V. Rozanova, G. M. Seversky, Trans.). Ves mir. [In Russian]
- Habermas, J. (2005). Modern — Unfinished Project. In J. Habermas (Ed.). *Political Works* (pp. 7–31). Praxis. [In Russian]
- Habermas, J. (2007). Theory of communicative action (prefaces to the 1<sup>st</sup> and 3<sup>rd</sup> editions) (A. B. Rakhmanov, Trans.). *Questions of Social Theory*, 1(1), 85–92. [In Russian]
- Habermas, J. (2007). *Technology and Science as an "Ideology"* (M. L. Khorkova, Trans.). Praxis. [In Russian]



- Habermas, J. (2008). The problems of understanding meaning in the social sciences (T. Tyagunova, Trans.). *Sociological Review*, 7(3), 3–32. [In Russian]
- Habermas, J. (2010). *The Problem of Legitimation of Late Capitalism*. (L. V. Voropai, Trans.). Praxis VTSIOM. [In Russian]
- Habermas, J. (2011). *Between Naturalism and Religion. Philosophical Articles*. (M. B. Skuratov, Trans.). Ves mir. [In Russian]
- Habermas, J. (2017). *Structural Change of the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society: with a Preface to the 1990 reprint*. Translated by V. I. Ivanov. M.: Ves mir. [In Russian]
- Habermas, J. (2022). *Theory of Communicative Activity: Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society; Vol. 2. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason* (A. K. Sudakov, Trans.). Ves mir. [In Russian]
- Yudin, G. B. (2017). [Book Review: Habermas, J. 2016. *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*, trans. by V. Ivanov. Ed. by M. Belyaev. Moscow: Ves' mir. Philosophy]. *Journal of the Higher School of Economics*, 1(1), 123–133. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2017-I-1-123-133> [In Russian]
- Applerouth, S., & Desfor, L. (2021). *Classical and Contemporary Sociological Theory*. SAGE. California State University, Northridge.
- d'Entrèves, M. P., & Benhabib, S. (Eds.). (1997). *Habermas and the Unfinished Project of Modernity: Critical Essays on The Philosophical Discourse of Modernity*. MIT Press.
- Habermas, J. (1971). *Toward a Rational Society: Student Protest, Science, and Politics* (J. Shapiro, Trans.). Beacon Press.
- Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society* (T. McCarthy, Trans.). Beacon Press.
- Habermas, J. (1985). *The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist* (T. McCarthy, Trans.). Beacon Press.
- Habermas, J. (1988). *On the Logic of the Social Sciences* (S. W. Nichol森 & J. A. Stark, Trans.). Cambridge, MA: MIT Press.
- Habermas, J. (1988). *Theory and Practice* (J. Viertel, Trans.). Beacon Press.
- Habermas, J. (1990). *On the Logic of the Social Sciences (Studies in Contemporary German Social Thought)* (S. W. Nichol森 & J. A. Stark, Trans.). MIT Press.
- Habermas, J. (1990). *The Philosophical Discourse of Modernity*. MIT Press.
- Habermas, J. (1995). *Theorie des kommunikativen Handelns: Bd. 1. Handlungsrationality und gesellschaftliche Rationalisierung*. [Taschenbuchausg] Aufl. Suhrkamp.
- Habermas, J. (1995). *Theorie des kommunikativen Handelns: Bd. 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. [Taschenbuchausg] Aufl. Suhrkamp.
- Habermas, J. (1996). *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy* (W. Rehg, Trans.). MIT Press.
- Habermas, J. (1998). *On the Pragmatics of Communication* (M. Cooke, Ed.). MIT Press.
- Habermas, J. (2008). *Between Naturalism and Religion*. Polity Press.
- Habermas, J. (2014). *On the Pragmatics of Social Interaction*. Polity Press.
- Honneth, A., & Joas, H. (eds.). 1991. *Communicative Action: Essays on Jürgen Habermas's The Theory of Communicative Action* (J. Gaines & D. L. Jones, Trans.; 1st Ed.). MIT Press.

## Информация об авторах

*Владимир Александрович Давыденко*, доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

e-mail: [v.a.davydenko@utmn.ru](mailto:v.a.davydenko@utmn.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8389-4254>

*Елена Владимировна Андрианова*, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Тюмень, Россия

e.v.andrianova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-9206>

## Information about the authors

*Vladimir A. Davydenko*, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Research Center, University of Tyumen, Tyumen, Russia

[v.a.davydenko@utmn.ru](mailto:v.a.davydenko@utmn.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8389-4254>

*Elena V. Andrianova*, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Head of Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen; Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

[e.v.andrianova@utmn.ru](mailto:e.v.andrianova@utmn.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7769-9206>

# Территориальное общественное самоуправление в России как национальная модель общественного участия в осуществлении публично-властных полномочий

Ирина Вячеславовна Гордеева

Министерство юстиции Кировской области, Киров, Россия  
Контакт для связи: [gordeeva\\_iv@edu.surgu.ru](mailto:gordeeva_iv@edu.surgu.ru)

**Аннотация.** Территориальное общественное самоуправление (ТОС) относится к числу тех институтов российского права, которые возникли в процессе трансформации социалистического государственного права в современное конституционное и муниципальное право. Однако он не был принят национальным правом значительной части государств-республик бывшего СССР, использовавших иные формы институционализации локальных сообществ. Юридическая природа ТОС по сей день является предметом споров и в российской юридической науке. В статье предложен новый подход к описанию юридически значимых свойств ТОС в России через их сравнение с подобными или смежными институтами иных национальных правовых систем: территориальным самоуправлением, общественными советами в муниципальных образованиях, иными национальными моделями ТОС (Республика Беларусь). Это позволило разграничить родовые и видовые характеристики ТОС и сделать обоснованный вывод о национальных (видовых) особенностях ТОС в России. Своеобразие авторского подхода заключается в разграничении свойств публичной и общественной власти, форм прямой демократии и форм общественного участия. Автором предложены возможные пути развития ТОС в РФ и соответствующие им направления совершенствования законодательства, коррелирующие с юридической природой ТОС и его особенностями в России, в частности, определение порядка участия ТОС в разработке и реализации документов муниципального стратегического планирования.

**Ключевые слова:** территориальное общественное самоуправление, ТОС, местное самоуправление, территориальный коллектив, община, демократия соучастия, консультативная демократия, территориальное самоуправление, общественный совет, гражданское жюри

**Цитирование:** Гордеева И. В. 2023. Территориальное общественное самоуправление в России как национальная модель общественного участия в осуществлении публично-властных полномочий // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 83–108. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-83-108>

Поступила 14.03.2023; одобрена 15.05.2023; принята 30.05.2023

## **Territorial self-government in Russia as a national model of public participation in the exercise of public authority**

**Irina V. Gordeeva**

Ministry of Justice of the Kirov Region, Kirov, Russian Federation  
Corresponding author: [gordeeva\\_iv@edu.surgu.ru](mailto:gordeeva_iv@edu.surgu.ru)

**Abstract.** Territorial self-government (TSG) is one of those institutions of Russian law that emerged in the process of transformation of socialist state law into contemporary constitutional and municipal law. However, it was not accepted by the national laws of a significant part of the former USSR states-republics, which used other forms of institutionalization of local communities. The legal nature of TSG is still a subject of controversy in Russian legal science. This article proposes a new approach to the description of legally significant properties of TSG in Russia through their comparison with similar or related institutions of other national legal systems: territorial self-government, public councils in municipalities, other national models of TSG (Republic of Belarus). This helped to distinguish between generic and specific characteristics of TSG and to draw a reasonable conclusion about the national (specific) features of TSG in Russia. The author pays special attention to differentiating the properties of public and citizens' power, forms of direct democracy and forms of public participation. The author suggests possible ways of TSG development in Russia and the corresponding directions for improving legislation that correlate with the legal nature of TSG and its features, in particular, determining the procedure for TSG participation in the development and implementation of municipal strategic planning documents.

**Keywords:** territorial self-government, TSG, local self-government, territorial collective, community, participatory democracy, consultative democracy, territorial self-government, community council, civil jury

**Citation:** Gordeeva I. V. (2023). Territorial self-government in Russia as a national model of public participation in the exercise of public authority. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 83–108. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-83-108>

Submitted Mar. 14, 2023; Reviewed May 15, 2023; Accepted May 30, 2023

## Введение

Территориальное общественное самоуправление (ТОС) в Российской Федерации является наиболее распространенной и результативной формой самоорганизации граждан в целях реализации собственных инициатив на локальной территории (территории непосредственного проживания в пределах муниципального образования). В качестве национального института публичного права ТОС развивается на протяжении четырех десятилетий; вместе с тем, российская модификация ТОС не получила широкого распространения в образованных на территории бывшего СССР государствах. О ТОС упоминают законы Кыргызстана и Туркменистана, но в этих государствах сложилась иная организация местной власти, сочетающая местную государственную власть (области, районы, города) и местное самоуправление (городские и сельские поселения). В силу этого ТОС рассматривается как составная часть местного самоуправления, а не как форма общественного участия в нем. Так, статья 115 Конституции Туркменистана относит к системе местного самоуправления Генгеши (представительные органы муниципальных образований) и органы территориального общественного самоуправления [Türkmenistanyň Konstitusiyasy]. В Беларуси (как и в России) ТОС зародилось на рубеже 1980–1990-х гг., но траектории развития этого правового института в двух государствах заметно различаются. В Казахстане ТОС стало формироваться позже, к концу первого десятилетия XXI в.; оно получило юридическую форму «советов самоуправления», близких по характеристикам не к российскому ТОС, а к общественным советам, структурно связанным с органами местного самоуправления [Пшенко, 2014]. Многообразие национальных интерпретаций ТОС на постсоюзном пространстве дополняется не прекращающейся дискуссией о природе ТОС в российской юридической науке.

Реформирование муниципального законодательства в ходе реализации конституционной реформы 2020 г., укрупнение муниципальных образований, развитие юридической урбанографии, необходимость правового обеспечения комплексного развития территорий требуют новой интерпретации функций этого института в системе публично-властных отношений. Однако методологических предпосылок для решения этой задачи пока нет, поскольку в доктрине публичного права не разграничены родовые (обязательные) и видовые (отражающие специфику национальных модификаций, т. е. факультативные) признаки ТОС.

Содержание уже состоявшихся дискуссий и конституционная практика сопредельных государств указывают на столкновение двух интерпретаций юридической природы ТОС. Согласно первому подходу ТОС трактуется как способ осуществления публичной власти (местного самоуправления), согласно второму — как способ самоорганизации инициативной общественности, решающей преимущественно общественные и частные задачи за счет установленных форм влияния на процесс принятия публично-властных решений [Еллинек, 1913]. Эта альтернатива указывает на смежные для ТОС институты публичного права: территориальное (в т. ч. местное) самоуправление, с одной стороны, и общественные советы в муниципальных образованиях, — с другой. ТОС, занимая промежуточное положение, имеет некоторое сходство как с территориальным самоуправлением, так и с общественными советами как инструментами муниципальной делиберативной демократии. Целью исследования является выявление комплекса таких юридических признаков, которые устойчиво характеризуют ТОС в качестве промежуточного (гибридного) института права, а также их дальнейшее разделение на обязательные (родовые) и факультативные (видовые) признаки. В этом случае своеобразие российской национальной модели ТОС можно будет раскрыть через факультативные признаки ТОС как формы общественного участия в осуществлении публично-властных полномочий

## Методы

Предметом исследования стали юридические признаки (особенности) ТОС как института общественного участия в осуществлении местного самоуправления (далее также: общественное участие), объектом исследования — законодательство и правоприменительная практика в сфере местного самоуправления (МСУ), территориального самоуправления, общественного участия в осуществлении местного самоуправления в целом и ТОС, в частности, в таких государствах, как Беларусь, Великобритания, Канада, Польша, Россия, США, ФРГ, Франция, Чехия. В качестве методов исследования были использованы специальные методы юридической науки: формально-догматический, сравнительно-правовой, историко-правовой, метод правового моделирования и юридической герменевтики.

Сравнительный анализ институтов участия населения (граждан) в осуществлении публично-властных полномочий проведен с использованием таких критериев сравнения, как: природа осуществляемой власти (публичная, общественная, частно-корпоративная); порядок участие граждан в осуществлении местного самоуправления, иного территориального самоуправления; характер взаимодействия граждан с органами публичной власти; степень самостоятельности местного территориального коллектива (общины); особенности институционализации территориальных сообществ как субъектов права. В качестве теоретической основы исследования использована классификация видов социальной власти В. Е. Чиркина (публичная, общественная, частно-корпоративная, личная) [Чиркин, 2009]; а также классификация субъективных публичных прав Г. Еллинека, включающая права участия (*status activus*) в качестве самостоятельной группы прав [Еллинек, 1913]. Содержание этого права в условиях современных государств описал В. Е. Четвернин:

«Status activus образуют права на участие в формировании и осуществлении государственной власти и местного самоуправления, на участие в публичной жизни как индивидуально, так и совместно с другими, а также право на самозащиту: свобода выражения мнений и убеждений; свобода информации и средств массовой информации; право на объединение, включая право создавать профессиональные и конфессиональные союзы; право граждан на проведение публичных мероприятий, свобода собраний и манифестаций; избирательные права граждан; право на референдум; право петиций; право на местное самоуправление; право на самозащиту и пресечение правонарушений; необходимая оборона» [Четвернин, 2009, с. 180].

Особо отметим, что право на МСУ отнесено этим автором именно к правам участия.

## Результаты и обсуждение

Мнение о гибридной природе ТОС, сочетающего признаки публичной власти и института гражданского общества, разделяется многими российскими авторами [Раздьяконова, 2011; Безвиконная, 2017; Заливанский, 2017]. Но объектами сравнительного анализа чаще становятся только ТОС и институты делиберативной демократии. Например, в исследовании М. А. Кокотовой проведено сравнение юридических признаков российских ТОС и советов кварталов (граждан) во Франции [Кокотова, 2020]. Автором выделены такие несовпадения юридических характеристик, как разный состав участников (во Франции это не только жители локальных территорий, но и те, кто систематически на них присутствуют, например, работают или учатся), разный порядок создания (во Франции создание советов кварталов обязательно, они формируются в пределах однотипных территорий и на основе типовых хартий, в то время как в России создание ТОС — это решение граждан, проживающих на различных территориях в пределах территории муниципального образования, отраженное «именным» уставом ТОС) и др. При сравнении ТОС и местного самоуправления исследователи, как правило, также указывают на их различия. Так, О. Ю. Пшенко полагает, что ТОС (в отличие от местного самоуправления) — общественная, а не публичная власть, оно инициативно и самодеятельно, в то время как местное самоуправление обязательно, а вопросы местного значения и полномочия органов местного самоуправления заведомо определены [Пшенко, 2014]. Очевидно, перечень различий можно было бы продолжить, но, в целом, они обусловлены исходным тезисом, различной юридической природой публичной и общественной власти. Нам же представляется принципиально важным начать анализ с выявления общего юридического фундамента всех трех институтов, а именно, республиканских начал современных государств (Г. Еллинек полагал, что такие начала присущи всем государствам с системой публичного представительства [Филиппова, 2009]). Только это делает возможным дальнейшее сравнение территориального самоуправления, общественных советов как инструментов делиберативной муниципальной демократии и ТОС.

Атрибутивным признаком республиканской формы правления является конституирование права гражданина на участие в управлении делами государства (ч. 1 ст. 1, чч. 1 и 5 ст. 32, ст. 33 Конституции РФ). Status activus (права участия) реализуются

на всех уровнях организации публичной власти, в т. ч. и на уровне МСУ (национальные конституции характеризуют этот уровень как «местное государственное управление»; «местное управление»; «местное самоуправление»); при этом и само право на МСУ, как отмечалось выше, можно отнести к праву участия. Не вызывает споров то обстоятельство, что наиболее активно население (граждане) могут быть вовлечены именно в осуществление тех публично-властных отношений, которые им наиболее «близки», т. е. — в осуществление полномочий местной публичной власти. Российская Конституция определяет этот уровень как «местное самоуправление» (статьи 12, 130–133 Конституции РФ). Обновленные положения Конституции РФ говорят о вхождении органов местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной власти в РФ, что обеспечивает их взаимодействие «для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» (ч. 3 ст. 132). Принципиальное значение, однако, имеет вопрос о том субъекте, которому принадлежит право их решения. Территориальное (в т. ч. местное) самоуправление, общественные советы локальных территорий и ТОС — это разные варианты реализации *status activus* в современном государстве. Рассмотрим их более подробно.

### **Государства континентальной Европы: территориальное самоуправление как форма публичного властвования**

Юридическая природа территориального самоуправления и особенности его организации в унитарных государствах Европы рассмотрены на примере Чехии и Польши, федеративных государств — на примере ФРГ.

Становление территориального самоуправления в Чешской Республике происходило в связи с проведением реформы местного самоуправления и, аналогично РФ, этот новый путь развития начинается в 1990 г. путем принятия 18 июля 1990 г. Федеральной Ассамблеей Чешской и Словацкой Федеративной Республикой Конституционного закона № 294/1990, который изменил и дополнил Конституционный закон № 100/1960, Конституцию Чехословацкой социалистической республики и Конституционный закон № 143/1968 [Pospisil, Lebedzik, 2017, с. 32].

Конституционное право Чешской республики трактует территориальное самоуправление как реализацию права участия (*status activus*). Самоуправление понимается как управление государственными делами, которое осуществляется органами публичной власти, отличными от государственных [Pospisil, Lebedzik, 2017, с. 32]. В силу этого центральной категорией конституционного и муниципального права является категория «территориальная самоуправляющаяся единица» (ТСЕ). Под ТСЕ понимаются «объединения граждан, которые имеют право на самоуправление» [Конституция Чешской Республики, ст. 100].

Автономия ТСЕ рассматривается как одна из основных характеристик политико-территориального устройства государства. Содержание общей нормы раскрыто в седьмой главе Конституции, которая называется «Территориальное самоуправление». Согласно ее положениям, Республика разделена «на общины, которые являются



основными территориальными самоуправляющимися единицами» [Конституция Чешской Республики]. Общины входят в состав земель или областей, которые также имеют статус ТСЕ, но более высокого уровня. Каждая ТСЕ формирует орган публичного представительства. Компетенция этих органов разграничена национальным законом.

ТСЕ обладают всеми признаками публичного территориального образования: издают собственные правовые акты, действующие на территории ТСЕ, самостоятельно формируют и исполняют бюджет ТСЕ, распоряжаются ее имуществом и т. д. Вмешательство государства в дела ТСЕ ограничено законом, при этом органы ТСЕ имеют право на обращение с конституционной жалобой в Конституционный Суд Республики, если посчитают такое вмешательство противоречащим Конституции (ч. 1 ст. 89 Конституции) [Pospisil, Lebiezdzik, 2017, с. 37–38]. Таким образом, публичное право современной Чехии продолжает традиции французского понимания общины (местного территориального коллектива) как субъекта местного публичного, но негосударственного управления. Ее характеризуют: собственная территория и население; наличие органа публичного представительства; самостоятельное осуществление властных полномочий в пределах, установленных государством [Филиппова, 2011]. Конституционная категория «территориальное самоуправление» характеризует единство двух уровней публичной власти, местного и регионального. Это возможно, поскольку и община, и земля (область) в равной мере обладают юридическими свойствами территориального коллектива. Понятие ТСЕ аналогично понятию «публично-территориальное образование» в российском конституционном праве.

Ожидаемо, что типичной проблемой развития территориального самоуправления в этом государстве является распределение и перераспределение полномочий: П. Пospisil и М. Лебиздзик подчеркивают, что в правовом регулировании территориального самоуправления в современной Чешской Республике отчетливо прослеживаются две основные тенденции:

- 1) усилия общин и областей по расширению перечня их собственных полномочий за счет ранее переданных полномочий от государственного управления и
- 2) усилия государства по расширению или, по крайней мере, сохранению этих полномочий и своего влияния на территориальное самоуправление [Pospisil, Lebiezdzik, 2017, с. 38].

С учетом определенных нами критериев можно сделать следующие выводы: на территории Чешской Республики территориальное самоуправление представляет собой систему двухуровневой негосударственной публичной власти (местной и областной), в которой органы территориального самоуправления наделены публичными правами и полномочиями (включая полномочия в сфере публичных финансов), правами юридического лица, имеющего собственное имущество; они вправе издавать правовые акты, действующие на определенной территории (общины или области). Институт территориального самоуправления в Чехии является комплексным правовым институтом, объединяющим МСУ и областное самоуправление.

Аналогичный подход к пониманию территориального самоуправления сложился и в конституционном праве Польши. В разделе I Конституции Республики Польша, посвященному устройству Республики, утверждается, что

«совокупность жителей единиц основного территориального деления образует в силу права самоуправляющиеся сообщества. Территориальное самоуправление осуществляет публичную власть. Принадлежащую ему в рамках законов существенную часть публичных задач самоуправление выполняет от собственного имени и под собственную ответственность» [Конституция Республики Польша, ст. 16].

Публичными в конституции признаны те задачи, которые служат «удовлетворению потребностей самоуправляющегося сообщества».

Согласно оговорке ст. 163 Конституции, в перечень таких задач не могут быть включены задачи иных органов власти. При этом, как отмечает П. Н. Марков, в него попало порядка трех десятков задач, в т. ч. задачи благоустройства территорий, всех видов коммуникаций, общественного транспорта, экологической и противопожарной безопасности; задачи образования, просвещения, социальной, медицинской и даже юридической помощи [Марков, 2013]. Указанные публичные задачи территориальное самоуправление выполняет через формируемые представительные и исполнительные органы, выборы и порядок проведения в которые определяется законом. Согласно ч. 2 ст. 166 Конституции Польши, в исключительных случаях территориальному самоуправлению могут быть переданы и государственные задачи. Кроме того, ст. 94 Конституции наделяет органы территориального самоуправления правотворческими полномочиями.

Основной единицей территориального самоуправления в этом государстве также является община (*gmina*). Она обладает достаточно высоким уровнем финансовой автономии, определяя ставки местных налогов и сборов в границах, заданных законом; община формирует и исполняет свой бюджет; владеет и распоряжается своим имуществом. Она также наделена правами юридического лица, и в таком качестве может быть участником судебных процессов. Общий надзор за территориальным самоуправлением осуществляют Председатель Совета Министров и воеводы, а финансовый контроль — региональные контрольно-счетные органы (счетные палаты) [Марков, 2013]. Самостоятельность общины в решении ее собственных публичных задач может быть защищена в суде.

Описанное «территориальное самоуправление» также не является общественным. Община и в Чехии, и в Польше, по совокупности своих юридических характеристик, является аналогом муниципального образования в России, при этом некоторые характеристики общин могут быть перенесены и на региональное публично-территориальное образование (область) этих унитарных государств. Территориальное самоуправление — это местное самоуправление, дополненное аналогичным по своей природе областным самоуправлением.

Такое понимание территориального самоуправления не чуждо российскому конституционному праву. В начале XX в. российским конституционалистом Ф. Ф. Кокошкиным описывалась похожая модель децентрализации государственной власти. С точки зрения этого автора публичная власть — это субъективное право территориальной корпорации (территориального коллектива), реализуемое как форме государствен-

ной, так и в форме негосударственной публичной власти (власть автономных областей и местная власть) [Кокошкин, 2004, с. 161]. Он особо подчеркивал, что областная автономия — это

«распространение на область законодательства основного принципа местного самоуправления, в силу которого местные дела должны решаться местными выборными людьми. Областная автономия и местное самоуправление суть явления одного и того же порядка; между ними нельзя провести резкой принципиальной границы» [Кокошкин, 2014].

Несколько более сложным является вопрос относительно территориального самоуправления в Германии. Среди российских исследователей нет единства мнений в отношении природы общин в землях Германии. Так, С. А. Панышева и Е. И. Рябина отмечают, что они схожи с российскими ТОС [Панышева, Рябина, 2015, с. 2]. Противоположной позиции придерживается Э. Маркварт, который относит общины не к форме участия населения в МСУ, а к виду муниципального образования (а органы общины — к органам МСУ). Аргументируя свой вывод, автор ссылается на положения Основного закона ФРГ:

«Общинам должно быть гарантировано право регулировать в рамках закона под свою ответственность все дела местного сообщества. Объединения общин в рамках установленной законами компетенции и в соответствии с законами также обладают правом самоуправления. Обеспечение самоуправления включает обеспечение основ для финансовой самостоятельности; к этим основам относятся налоговые поступления, соответствующие экономическому развитию общин, обладающих правом установления ставки налога» [Маркварт, 2011, с. 25]. Общины могут иметь как обязательные, так и добровольные задачи, а также могут в некоторых случаях решать задачи, порученные государством. В последнем случае у государства возникают финансовые обязательства перед общинами [Маркварт, 2011, с. 26–27]. Таким образом, более убедительна позиция Э. Маркварта: речь идет именно о местном самоуправлении общин и районов, и об органах МСУ.

Итак, территориальное самоуправление в его различных национальных воплощениях характеризуется комплексом устойчиво повторяющихся признаков, в совокупности указывающих на публичную природу власти, осуществляемой таким самоуправлением. И, вместе с тем, территориальное самоуправление — это реализованное право участия в решении тех задач, которые (при иных условиях) должно было бы решать государство. Понять этот парадокс мешает упрощенное представление о субъекте *status activus* как исключительно о физическом лице (гражданине); если же признать, что субъектом права является также территориальный коллектив (территориальная корпорация), тождество власти и права перестает удивлять. Качество одного (единого) субъекта права территориальное сообщество получает за счет органа публичного представительства, это и объясняет публичную природу реализуемой власти.

Таким образом, территориальное самоуправление — это право территориального коллектива участвовать в управлении делами государства, реализуемое преимущественно в форме представительной демократии (орган публичного представительства в этом случае — обязательное условие реализации права). Формы прямой демократии включены в систему властвования как дополнительные, второстепенные.

## Общественные советы в муниципальных образованиях как форма участия населения в управлении делами публично-территориальных образований

Развитие новых форм демократии<sup>1</sup> начиналось в конце прошедшего столетия именно в системе местной власти. Одной из востребованных форм общественного влияния на решения органов местного самоуправления стали общественные советы<sup>2</sup>. Э. Р. Чернова описала такие структуры в Шотландии (автономии в составе Великобритании) и США. Она сравнила российскую модель ТОС с Общинными советами, создание которых предусмотрено законом в целях выяснения мнения населения на территории конкретного публично-территориального образования, а также для его взаимодействия с местными властями. Общинные советы имеют собственные источники финансирования, но также могут получать субсидии из местных бюджетов [Чернова, 2018, с. 179].

«Общественные советы города Глазго (community councils) представляют собой добровольно формируемые органы, которые существуют в рамках закона и которым предоставлены законные права на общественные консультации. Общая цель общественных советов заключается в установлении, координации и выражении более широких взглядов всего сообщества в рамках его согласованных границ. Они могут дополнять функции местной власти, но не являются частью местного самоуправления» [Федотов, 2019, с. 367].

Например, в округе Клакманнаншир Шотландии предусмотрено существование (в соответствии со схемой создания общественных советов) девяти Общественных советов. Членом Общественного совета может быть гражданин в возрасте не моложе 16 лет, обладающим активным избирательным правом, не являющийся недееспособным и имеющий постоянно место жительства на данной территории. Заседания Общественных советов являются открытыми, а протоколы и повестки заседаний должны быть доступными для общественности [What Is a Community Council?].

В США формой самоорганизации граждан являются районные ассоциации, которым могут передаваться определенные инвестиции для улучшения ситуации в конкретном микрорайоне [О стратегическом планировании..., с. 2].

Интересные исследования в области форм общественного участия в МСУ проведены А. А. Ларичевым. Одной из таких форм являются общественные советы в Канаде. Появление общественных советов как формы общественного участия А. А. Ларичев связывает с процессом укрупнения муниципалитетов. В качестве примера он приводит историю Торонто, который был сформирован в 1998 г. путем слияния старых муниципальных

<sup>1</sup> Демократии соучастия (партиципаторной демократии) и консультативной демократии (делиберативной демократии).

<sup>2</sup> Термин «общественный совет» используется в этой статье в качестве обобщающего для характеристики различных структурированных форм общественного участия, отличающихся от некоммерческих, неправительственных организаций и общественных объединений. В муниципальном образовании может быть создан общественный совет муниципального образования, общественный совет при органе местного самоуправления, общественный совет локальной территории в составе муниципального образования.

образований. На его территории были созданы Общинные советы (community councils), действующие на территориях упраздненных муниципалитетов. Они обеспечивают взаимодействия органов МСУ с населением и участвуют в решении некоторых локальных вопросов (§ 27-129, 27-152 Муниципального кодекса г. Торонто). Но такие общественные советы не являются аналогом ТОС [Ларичев, 2016, с. 18].

В. Н. Руденко рассматривает общественные советы как форму делиберативной демократии, используемую для выработки рекомендаций органам власти [Руденко, 2007, с. 116]. Он отмечает, что такие советы являются гибридными (публично-общественными, государственно-общественными) органами и действуют, преимущественно, «при управляющих субъектах, либо в силу специального закона, либо на основании решений соответствующих органов или должностных лиц» [Руденко, 2007, с. 117].

Довольно близкой к общинным советам формой самоорганизации граждан в отдельных зарубежных государствах являются гражданские жюри —

«экспертные органы, создаваемые субъектами гражданского общества и представляющие собой консультационные коллегии, формируемые из граждан — непрофессиональных присяжных, уполномоченных рассмотреть какой-либо общественно важный вопрос» [Руденко, 2007, с. 118].

А. И. Черкасов констатирует, что они имеют репрезентативный состав и интенсивно работают в течение относительно короткого периода времени, вырабатывая вариант решения местной проблемы во взаимодействии с местными чиновниками и экспертами [Черкасов, 2018, с. 205].

Таким образом, можно утверждать, что общинные советы, гражданские жюри и иные формы муниципальной консультативной демократии по своим характеристикам близки к ТОС, они также являются гибридными, сочетая признаки публичной и общественной власти. И ТОС, и формы консультативной демократии представляют собой различные способы структурирования совместных действий жителей, направленных не на формирование, прекращение деятельности или замещение полномочий органов власти, а на изменение (улучшение) порядка их деятельности.

Но и отождествление юридических характеристик ТОС и общественных советов было бы не корректно. Принципиальное значение имеют два различия. Во-первых, право принять решение о создании общественного совета, как правило, не принадлежит гражданам (у них есть только право участия в его формировании) [Филиппова, 2017, с. 106]. Иногда граждане даже не могут инициировать такое решение: так, создание советов кварталов в городах Франции обязательно, советы при главах муниципальных образований с участием представителей коренных малочисленных народов в России создаются по инициативе органов МСУ (советы могут быть созданы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности) и т. д. Такой подход логичен для института консультативной демократии: в конце концов, речь идет об общественных консультациях для принятия оптимального публично-властного решения. Общественный совет выполняет функцию коллективного эксперта. В противоположность этому ТОС не может быть создан без инициативы и решения населения (граж-

дан), он служит реализации собственных инициатив, а не оптимальному осуществлению полномочий органа местного самоуправления.

Во-вторых, что особенно важно, обязательным требованием к формированию общественных советов является требование их репрезентативности. Общественный совет должен быть достаточно точной копией территориального сообщества. Это требование остается неизменным и для неспециализированных общественных советов (общественных палат) и для специализированных. При существующем многообразии способов формирования общественных советов (жребий, избрание, самовыдвижение и конкурс, назначение, делегирование, присутствие, сочетание этих способов), а также при их разном составе с точки зрения соотношения представителей гражданского общества и представителей органов власти, преобладает подход публичного (государственного) участия в общественном совете, при том, что представителей гражданского общества — больше [Жадобина и др., 2019, с. 58]. И именно к участникам от общественности адресованы специальные требования закона или иного нормативного правового акта, обеспечивающие в целом репрезентативный состав совета. Как отмечает М. А. Кокотова, в хартиях советов кварталов городов Франции предусмотрены такие механизмы формирования советов, которые обеспечивают равное представительство мужчин и женщин; также равным количеством в совете квартала должны быть представлены, с одной стороны, местные жители, а с другой — члены местных ассоциаций (любых объединений, действующих на территории квартала) и не проживающие, но постоянно/систематически присутствующие граждане (студенты, владельцы собственности и т. д.) [Кокотова, 2020, с. 61]. Гражданские жюри формируются путем случайной выборки, но отбор осуществляется так, чтобы пропорционально были представлены основные социальные группы [French, Laver, 2009]. Можно сказать, что общественный совет — это юридически конструируемая копия территориального коллектива, «мини-народ», который и рассматривается как субъект права участия.

Для ТОС, объединяющего всех жителей локальной территории, дополнительные меры обеспечения репрезентативности лишены смысла. Собственно, в силу указанных различий ТОС не относят к институтам делиберативной демократии, в то время как общественные советы — относят [Белоусов и др., 2008, с. 249].

Итак, общественные советы, формируемые в муниципальном образовании — это форма непрямой демократии, при которой право участия предоставлено юридически конструируемой «копии» территориального коллектива. Природа этой формы общественного участия определяется основной функцией — общественным консультированием органов местного самоуправления («делиберативная демократия»). Общественные советы способствуют реализации территориальным коллективом его права участия в управлении делами государства. Но для жителей муниципального образования и их объединений, которых также можно рассматривать как субъектов *status activus*, общественные советы — форма участия в осуществлении местного самоуправления (т. е. в управлении делами муниципального образования).

В сравнении с территориальным самоуправлением и общественными советами, ТОС заметно меньше включен в систему публично-властных отношений. Инициативы граждан по вопросам местного значения могут быть обусловлены как общественным, так и частным интересом. По существу, это ассоциация соседей, цели деятельности которой близки целям деятельности товариществ собственников жилья, товариществ собственников недвижимости, садово-огородническим товариществам и т. п., но в исключительных случаях, имеющих общественный и даже публичный резонанс. В России примерами деятельности ТОС, имеющей публичное значение, являются практики их участия в инициативном бюджетировании [Филиппова, 2019, с. 105] и стратегическом планировании [Нарутто, 2023, с. 95, 98, 124]. «Публичность» ТОС обусловлена их территориальностью, из которой следует нетипичное для общественных объединений ограничение: запрет участия в определенном ТОС для неограниченного круга лиц, не входящих в конкретное соседское сообщество (локальный территориальный ценз). Получая статус юридического лица, ТОС регистрируется в организационно-правовой форме некоммерческой организации.

Таким образом, «гибридность» ТОС (в отличие от общественных советов как института делиберативной муниципальной демократии) предполагает сочетание частно-корпоративной, общественной и публичной власти при явном приоритете первого компонента. Именно этим обстоятельством обусловлены предложения многих экспертов об исключении ТОС из перечня видов общественных организаций [Чеботарев, 2019, с. 21]. Субъектом права участия в данном случае является локальное (соседское) сообщество, что также отличает ТОС от других исследуемых институтов.

Наибольшую сложность представляет вопрос о соотношении ТОС с формами демократии. По мнению ряда авторов, которое мы в целом разделяем, ТОС не является в полной мере институтом соучастия (институтом «партиципаторной демократии»), но наиболее близок к нему по своим юридическим характеристикам. Для того, чтобы стать таковым, «необходимо предусмотреть возможность обязательного участия органов территориального общественного самоуправления в процессе принятия решений органами местного самоуправления по определенным вопросам» [Кожевников и др., 2020, с. 229]. Пока такие изменения в правовом положении ТОС не состоялись, полагает О. А. Кожевников с соавторами, его логично относить к институту обсуждения, т. е. к институтам не прямой, а представительной демократии. Если же обратить внимание на содержание публичных прав ТОС, предусмотренных законодательством РФ (правотворческая инициатива, инициатива проекта), можно заметить некоторое сходство ТОС с институтами гражданского лоббизма [Васюткин, 2022].

Соответственно, ТОС — это право локального (соседского) сообщества участвовать в управлении делами муниципального образования, реализуемое в форме партиципаторной демократии или в форме гражданского лоббизма.

Результаты сравнения институтов территориального (в т. ч. местного) самоуправления, общественных советов в муниципальном образовании и ТОС можно отразить следующей схемой (таблица 1).

**Таблица 1.** Институты реализации права участия в управлении делами государства, муниципального образования

**Table 1.** Institutions for exercising the right to participate in the management of state and municipal affairs

Институты	Субъект права участия	Вид реализуемой социальной власти	Форма демократии
территориальное самоуправление	территориальный коллектив	публичная	представительная, прямая
общественный совет в муниципальном образовании	юридически конструируемый территориальный коллектив	общественная и публичная	делиберативная
территориальное общественное самоуправление	локальное (соседское) сообщество	частно-корпоративная, общественная, публичная	партиципаторная

### Территориальное общественное самоуправление в России и Беларуси: национальные вариации ТОС

Сравнение моделей ТОС требует учесть вектор изменений института в России и Беларуси. Как справедливо отметила И. Н. Шеина, можно выделить три этапа в трансформации нормативного правового регулирования ТОС в России. Если на первом этапе (1991–1995 гг.) ТОС было включено в систему местного самоуправления, ему могли быть делегированы полномочия органов МСУ, что предполагало финансирование расходов из средств местного бюджета. На третьем, современном этапе (с 2003 г.) ТОС не входит в систему МСУ [Шеина, 2020], соответственно, полномочия органов МСУ ему не передаются. Понимание ТОС как формы публичного властвования постепенно сменилось пониманием ТОС как формы общественного влияния на местную публичную власть [Филиппова, 2015, с. 97]. ТОС в Республике Беларусь не претерпели такой трансформации, законодательство этого государства в значительной мере сохраняет изначальные подходы к определению правовой природы ТОС как элемента МСУ.

Становление института приходится на 1980-е гг., что объединяет не только российскую и белорусскую модели ТОС, но и аналогичные институты в Киргизской Республике и Туркменистане, отчасти в Казахстане. ТОС «возникло на базе органов общественной самодеятельности (уличных, домовых и т. д. комитетов)» [Жадобина и др., 2019, с. 50]. Согласно ст. 2 Закона СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-I «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР»: «органы территориального общественного самоуправления входят в систему органов местного самоуправления» [Об общих началах..., ст. 2]. Ст. 21 Закона указывала на «возможность формирования собственных финансовых ресурсов территориального общественного самоуправления, как за счет добровольных взносов, так и за счет доходов от созданных предприятий и проводимых мероприятий»; также органы ТОС могли получать эти ресурсы от местных Советов народных депутатов.



Расхождение в национальных моделях ТОС наметилось уже к середине 1990-х гг. Федеральным законом от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее: 154-ФЗ) ТОС было признано «самоорганизацией граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования», формой общественного участия в осуществлении МСУ [Филиппова, 2019, с. 97]. Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее: 131-ФЗ) был расширен состав территорий, на которых может быть создано ТОС: теперь это возможно не только на части территории муниципального образования, но и на межселенной территории населенных пунктов (либо их частей). Также была определена организационно-правовая форма, в которой может быть зарегистрировано ТОС (некоммерческая организация), установлен порядок избрания органов ТОС, порядок определения границ территорий, на которых осуществляется ТОС, формы его осуществления (непосредственно населением, посредством конференции и собрания граждан, и посредством создания органов ТОС), исключительные права собрания и конференций граждан, определены момент учреждения ТОС, содержание устава ТОС и компетенция органов ТОС.

В отличие от российской Конституции, Конституции Республики Беларусь непосредственно упоминает о ТОС, однако рассматривает это как элемент в единой системе местной власти, включающей и местное управление, и местное самоуправление. Согласно положениям ст. 117 Конституции этого государства,

«местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах» [Конституция Республики Беларусь, ст. 117].

По смыслу этих положений, ТОС — форма властвования, а не локальной самоорганизации населения.

В соответствии с ч. 1, 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», местное самоуправление осуществляется через «местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, местные собрания, местные референдумы, инициативы граждан по принятию решений Советов, участие граждан в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определенные ими цели и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах» [О местном управлении..., ч. 1, 2 ст. 1].

Обращает на себя внимание разграничение органов ТОС и инициатив граждан, влияющих на решения местных представительных органов. При этом под ТОС понимается

«деятельность граждан на добровольной основе по месту их жительства на части территории административно-территориальной единицы (территории микрорайонов, жилищных комплексов, кварталов, улиц, дворов, агрогородков, поселков, деревень и др.) в целях решения вопросов местного значения непосредственно или через органы ТОС. Основной целью ТОС является развитие и осуществление на соответствующей территории инициатив граждан по вопросам местного значения» [О местном управлении..., ст. 25, 26].

Логика законодателя, видимо, обусловлена тем, что ТОС рассматривается и как институт прямой демократии (непосредственное осуществление инициатив граждан), и как институт представительной демократии (осуществление инициатив граждан через органы ТОС). Не случайно ТОС занимает пограничное место в перечне форм местного управления и местного самоуправления (между органами МСУ и институтами прямой демократии).

Закон предусматривает создание как единоличного (староста), так и коллегиального органа ТОС. Коллегиальный орган ТОС может иметь статус юридического лица или существовать без этого статуса. В этом случае ТОС создается на основании Положения, утвержденного местным собранием на основе примерного положения, утвержденного Советом областного уровня. Органы ТОС подотчетны местному собранию и соответствующему Совету, который осуществляет координацию деятельности органов ТОС. Закон также содержит положения, предусматривающие порядок регистрации органов ТОС в распорядительном и исполнительном органе власти, порядок деятельности органов ТОС (заседания проводятся не реже 1 раза в полугодие) и т. д. Как отмечает Г. Г. Куневич, органы ТОС финансируются в т. ч. за счет ресурсов, переданных органами МСУ [Куневич, 2012, с. 13]. Таким образом, можно сделать вывод, что органы ТОС в Республике Беларусь встроены в систему местной публичной власти, ей подконтрольны и подотчетны, порядок деятельности органов ТОС детально регламентирован.

Сравнивая две национальные модели ТОС, следует признать, что принципиальное отличие заключается в том месте, которое отведено ТОС в системе публичной власти, в характере самой осуществляемой им власти. Модель Беларуси (равно как и Кыргызстана, Туркменистана, Казахстана) предполагает формирование органов местной государственной власти на уровне районов. Органы ТОС включены в систему органов МСУ, так как подотчетны местным Советам. Но они также подотчетны местным собраниям. Сочетание таких положений в законодательстве возможно только в том случае, если одно из них является правовой фикцией, фактически не реализуется. Можно предположить, что ТОС в этой системе является не только формой институционализации локальной гражданской самодеятельности, но и формой публичного контроля за ней. Такая («советская») модель ТОС является не исключением, а, скорее, правилом в государствах — республиках бывшего СССР (если они вообще сохраняют этот институт). Особенности российской модели ТОС, которую можно условно определить, как «постсоветскую», отражают значительно более развитые начала республиканской организации государства.

В Беларуси ТОС — элемент публичной власти, способ ее влияния на гражданское общество (к слову, разграничение местной государственной власти и местного самоуправления здесь также весьма условно, отсюда соотношение местной власти с административно-территориальной единицей, а не с муниципальным образованием). Это гибридный институт, которому законодатель приписывает и свойства прямой, и свойства представительной демократии. В России ТОС — способ самоорганизации локальных (соседских) сообществ и влияния на МСУ в формах гражданского лоббизма и партиципаторной демократии. Интегрированность ТОС в систему публичной (фактически —

государственной) власти в Беларуси сделали не актуальными для этого государства такие формы развития ТОС как образование их региональных и общенациональных ассоциаций. В России развитие ассоциаций ТОС было стимулировано возможностью регистрации ТОС в организационно-правовой форме некоммерческой организации, а на современном этапе развития формирование и деятельность ассоциаций ТОС стало одним из его главных векторов.

В этой связи основными юридическими признаками, характеризующими национальную модель ТОС в России можно считать признание субъектом права участия локальное (соседское) сообщество, осуществление им гибридной власти, в наибольшей степени — частно-корпоративной, в наименьшей — публичной; участие ТОС в осуществлении местного самоуправления в формах гражданского лоббизма и партиципаторной демократии; обусловленное этим наличие у ТОС публичных прав и отсутствие формально-закрепленных обязанностей; возможность предоставления ТОС статуса юридического лица в организационно-правовой форме некоммерческой организации, формирование ассоциаций ТОС в субъектах РФ и Общенациональной ассоциации ТОС.

### **Перспективы развития ТОС в России**

Развитие института ТОС в России продолжается, что отражается в планируемых изменениях законодательства. В российский парламент внесен законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее по тексту — Законопроект) закрепляющий, что местное самоуправление осуществляется гражданами непосредственно через формы прямого волеизъявления, а также через органы местного самоуправления [Об общих принципах...]. Согласно ч. 4 ст. 1 Законопроекта, органы МСУ включены в единую систему публичной власти в Российской Федерации. Глава 5 Законопроекта посвящена непосредственному осуществлению населением МСУ и участию населения в осуществлении МСУ. Как и действующий 131-ФЗ, Законопроект предусматривает в качестве одной из форм гражданской активности ТОС. Однако предлагаемое регулирование ТОС значительно отличается от ныне существующего.

Во-первых, законопроект предусматривает самоорганизацию граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования, в то время как действующий 131-ФЗ легализует такую возможность не только на части территории муниципального образования, но и на части межселенной территории. Это изменение можно объяснить переходом к «одноуровневой» системе местного самоуправления.

Во-вторых, объем публичных прав ТОС и полномочий органов ТОС в Законопроекте уже, чем в действующем 131-ФЗ. Так, законопроект предусматривает право ТОС на осуществление инициатив посредством осуществления хозяйственной деятельности по благоустройству территории или иной деятельности, направленной на удовлетворение социально-бытовых потребностей. В то время как действующее законодательство гарантирует возможность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения в целом. В самом деле, ТОС реализуют много иных проектов, связанных с бла-

гоустройством территории очень опосредованно: сохранение и восстановление природных ландшафтов (восстановление дамбы ТОС Александровское Смоленской области) [Лучшие практики ТОС...]; обеспечение противопожарной безопасности (Республика Татарстан, Воронежская область, Республика Карелия); дорожная деятельность (республика Карелия); строительство линий освещения (ТОС «Два берега», Вяртсильское городское поселение, Сортавальский район, Республика Карелия) [В единстве сила...]; строительство водопровода (ТОС «Кулацкий хутор», Харлусское сельское поселение, Питкярантский район, Республика Карелия) [В единстве сила...]. Всё это многообразие, видимо, предполагается включить в абстрактную формулу законопроекта. Но это может стать причиной споров о правомерности инициативных проектов ТОС.

В-третьих, Законопроект усложняет процедуру проведения конференций граждан; порядок ее проведения регулируется нормативным правовым актом, принятым представительным органом муниципального образования. Конференция считается правомочной, если в ней принимают участие не менее двух третей избранных на собраниях граждан делегатов, представляющих не менее одной трети жителей.

В-четвертых, предполагается сокращение перечня полномочий органов ТОС. В Законопроекте из этого перечня исключено полномочие представления интересов населения, проживающего на соответствующей территории.

В-пятых, ТОС отнесено к формам непосредственного осуществления местного самоуправления (к формам прямой муниципальной демократии), а не к формам общественного участия в осуществлении МСУ (пп. 4 п. 1 ст. 41 Законопроекта). Это радикально меняет уже устоявшиеся в российском конституционном и муниципальном праве подходы и к понятию ТОС. Может показаться, что предложенный вариант возвращает российское муниципальное законодательство к состоянию начала 1990-х гг., когда не было сформулировано строгих юридических критериев разграничения непосредственного осуществления МСУ, с одной стороны, и участия в нем — с другой. Однако это не так, судя по структуре анализируемой статьи: ее второй пункт говорит как раз о формах общественного участия. Более логичным представляется другой вариант объяснения этой возможной новеллы. Как уже было сказано, ТОС — это форма демократии соучастия, предполагающая вовлечение участников ТОС в осуществление отдельных полномочий местного самоуправления. Поскольку Конституция РФ упоминает только о формах прямой и представительной демократии, а новые формы демократии, строго говоря, не могут быть отнесены ни к той, ни к другой, авторы Законопроекта посчитали возможным объединить формы прямой демократии и демократии соучастия.

Но, как уже говорилось ранее, наделение ТОС свойствами партиципаторной демократии предполагает обязательное участие ТОС в принятии решений органов МСУ по определенному кругу вопросов. И это еще предстоит сделать. Например, его можно включить в число субъектов муниципального стратегического планирования. Как отмечает Л. А. Тхабисимова, во многих субъектах РФ ТОС включено в систему взаимодействия с органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления и «активно привлекается к участию в планировании и к решению

муниципальных стратегических задач» [Нарутто, 2023]. Е. С. Шугрина предлагает синхронизировать проекты, инициируемые ТОС, с документами муниципального стратегического планирования [Стратегическое планирование...]. Пока что у ТОС есть только возможность участия в обсуждении планов стратегического развития муниципальных образований, при условии, что рамочные положения 172-ФЗ [О стратегическом планировании...] конкретизированы муниципальными нормативными правовыми актами, регулирующими такое участие.

Итак, эффективная реализация российской национальной модели ТОС, на наш взгляд, требует обеспечения следующих условий:

- 1) гарантий реализации публичных прав ТОС и полномочий их органов;
- 2) определения основных форм взаимодействия ТОС, его органов и органов МСУ;
- 3) определения механизма соучастия ТОС в осуществлении отдельных полномочий органов МСУ, в т. ч.
- 4) соучастия в разработке и реализации документов стратегического планирования, если объектом такого планирования выступают муниципальные образования либо развитие местного самоуправления в субъекте РФ.

## Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сказать, что институт ТОС в России характеризуется уникальными юридическими свойствами даже в сравнении с подобными институтами некоторых государств-республик бывшего СССР. Глубокие трансформации, которые претерпело ТОС в российском муниципальном праве, позволяют говорить о нем не как о рудименте перехода от социалистического государственного права к постсоветскому, а как о новой форме реализации *status activus*, дополняющей две другие формы реализации этого права: «традиционное» право на территориальное, в т. ч. местное, самоуправление и право на общественное участие в осуществлении местного самоуправления, которое возникло в современных государствах относительно недавно в контексте развития делиберативной демократии.

Территориальное самоуправление, в контексте представлений о республиканских основах государственности, — это право территориального коллектива участвовать в управлении делами государства, реализуемое преимущественно в форме представительной демократии. Общественные советы, формируемые в муниципальном образовании, — форма непрямой демократии, при которой право участия предоставлено юридически конструируемой «копии» территориального коллектива. Природа этой формы общественного участия определяется основной функцией — общественным консультированием органов местного самоуправления. Общественные советы способствуют реализации территориальным коллективом его права участия в управлении делами государства. Но для жителей муниципального образования и их объединений, которых также можно рассматривать как субъектов *status activus*, общественные советы — форма участия в осуществлении местного самоуправления (т. е. в управлении делами муниципального образования).

ТОС в его российском варианте — это право локального (соседского) сообщества участвовать в управлении делами муниципального образования, реализуемое в форме, близкой к партиципаторной демократии, или в форме гражданского лоббизма. Ответственные советы и ТОС реализуют гибридные формы социальной власти. В первом случае можно говорить о сочетании признаков общественной и публичной власти, во втором — о сочетании частно-корпоративной, общественной и публичной власти при преобладании признаков первой. В этой связи представляется логичным исключение ТОС из перечня видов общественных организаций.

Основными юридическими признаками, характеризующими национальную модель ТОС в России, можно считать признание субъектом права участия локальное (соседское) сообщество; участие ТОС в осуществлении местного самоуправления в формах гражданского лоббизма и формах, близких к партиципаторной демократии; обусловленное этим наличие у ТОС публичных прав и отсутствие формально-закрепленных публичных обязанностей; возможность предоставления ТОС статуса юридического лица в организационно-правовой форме некоммерческой организации, формирование ассоциаций ТОС в субъектах РФ и Общенациональной ассоциации ТОС.

Эффективная реализация российской национальной модели ТОС требует законодательного определения механизма соучастия ТОС в осуществлении отдельных полномочий органов МСУ, в т. ч. соучастия в разработке и реализации документов стратегического планирования, если объектом такого планирования выступают муниципальные образования либо развитие местного самоуправления в субъекте РФ.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Безвиконная Е. В. 2017. Муниципальная власть как фактор социально-политического взаимодействия с территориальным общественным самоуправлением (на материалах практик городских округов) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. № 3. С. 435–444.
- Белоусов А. Б., Дидикин А. Б., Доманов О. А. и др. 2008. Интеллектуальные трансформации. Новые теоретические парадигмы / Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург: Уральское отделение РАН. 329 с.
- В единстве сила и результат // Carelinформ. 2021. 6 декабря. URL: <https://krl.ranepa.ru/news/ТОС2021-1.0-print.pdf> (дата обращения 11.05.2022).
- Васюткин Н. Е. 2022. Гражданское лобби: политико-правовой аспект // Современное развитие регионов России: политические, социальные и экономические аспекты: Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня рождения профессора Э. Д. Дагбаева, Улан-Удэ, 9 ноября 2021 г. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. С. 46–50. <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1682-6-46-50>
- Еллинек Г. 1913. Система субъективных публичных прав / пер. со 2-го нем. изд. под ред. прив.-доц. Моск. ун-та А. А. Рождественского. Санкт-Петербург; Москва: Освобождение. Вып. 1. 26 с
- Жадобина Н. Н., Куприянова Е. В., Филиппова Н. А. 2019. Участие граждан в осуществлении публичной власти. Сургут: Издательский центр СурГУ. 80 с.

- Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В. 2017. Территориальное общественное самоуправление как институт взаимодействия муниципальной власти и населения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. № 24 (273). С. 36–46.
- Кожевников О. А., Остапович И. Ю., Нечкин А. В. 2020. Современное состояние институтов прямой демократии в России: понятие, классификация и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. № 456. С. 225–233. <https://doi.org/10.17223/15617793/456/27>
- Кокотова М. А. 2020. Определение состава участников территориального общественного самоуправления в России и советов граждан, советов кварталов во Франции // Российское право: образование, практика, наука. № 5. С. 58–66.
- Кокошкин Ф. Ф. 2004. Лекции по общему государственному праву. М.: Гарант, 312 с.
- Кокошкин Ф. Ф. 2014. Областная автономия и единство России. Санкт-Петербург: Лань, 14 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/50384> (дата обращения: 24.05.2023).
- Конституция Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения 27.05.2023).
- Конституция Республики Польши. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf> (дата обращения 27.08.2022).
- Конституция Чешской Республики. URL: <https://www.psp.cz/en/docs/laws/constitution.html> (дата обращения 27.08.2022).
- Куневич Г. Г. 2012. Территориальное общественное самоуправление в Беларуси. Минск: Право и экономика. 108 с.
- Ларичев А. А. 2016. Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участие граждан в его осуществлении: опыт Канады // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 5. С. 14–20.
- Лучшие практики территориального общественного самоуправления в Смоленской области в 2018–2020 годах. URL: <https://dvp.admin-smolensk.ru/files/198/luchshie-praktiki-territorialnogo-obschestvennogo-samoupravleniya-smolenskoj-oblasti-2018-2020.pdf> (дата обращения 11.05.2022).
- Маркварт Э. 2011. Организация местного самоуправления в Германии и применимость немецкого опыта к российским реалиям // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Том 4. № 2. С. 25–36.
- Марков П. Н. 2013. Система территориального общественного самоуправления в европейских странах // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 4 (130). С. 212–221.
- Нарутто С. В. (отв. ред.). 2023. Планирование развития современного городского пространства: проблемы и тенденции: монография. М.: РГ Пресс. 296 с.
- Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР: Закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 267.
- Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публично власти: законопроект № 40361-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения 25.10.2022).

- О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон от 4 января 2010 г. № 108-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000108> (дата обращения 19.11.2022).
- О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.
- Паньшева С. А., Рябинина Е. И. 2015. Опыт осуществления территориального общественного самоуправления в зарубежных // Вестник Нижегородского института управления. № 1 (34). С. 19–21.
- Пшенко О. Ю. 2014. Формы местного самоуправления в зарубежных странах (на примере республики Казахстан) // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 6. № 5. С. 191–194.
- Раздьяконова Е. В. 2011. Институционализация ТОС в системе местного самоуправления // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. Том 7. № 1. С. 177–180.
- Руденко В. Н. 2007. Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // Сравнительное Конституционное Обозрение. № 4 (61). С. 116–124.
- Стратегическое планирование на муниципальном уровне: эффективные практики, проблемы и пути их решения: выступления участников круглого стола // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2020. № 2.
- Федотов С. А. 2019. Зарубежный опыт организации деятельности органов территориального общественного самоуправления // Актуальные вопросы права, экономики и управления. С. 367–369.
- Филиппова Н. А. 2009. Публичное представительство интересов как республиканский принцип: теория гражданского участия в осуществлении государственной власти Г. Елинека // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. № 9. С. 481–500.
- Филиппова Н. А. 2011. Территориальный коллектив как субъект конституционного права // Конституционное и муниципальное право. № 6. С. 10–14.
- Филиппова Н. А. 2015. Территориальное общественное самоуправление: полномочия или гражданские инициативы? // Вестник Сургутского государственного университета. № 1 (7). С. 96–100.
- Филиппова Н. А. 2017. Консультативные формы гражданского участия в осуществлении государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. № 1. С. 102–108.
- Филиппова Н. А. 2019. Инициативное бюджетирование как форма участия населения в осуществлении местного самоуправления: региональные стратегии // Вестник Сургутского государственного университета. № 2 (24). С. 102–109.
- Чеботарев Г. Н. 2019. Роль общественных палат в согласовании общественно значимых интересов граждан, некоммерческих организаций, органов публичной власти // Конституционализация общественного участия граждан в управлении делами государства: материалы Международной науч.-практ. конф., г. Тюмень, 19–20 октября 2018 г. Тюмень: ТюмГУ-Press. 336 с.
- Черкасов А. И. 2018. Прямая и партисипационная демократия как средство волеизъявления населения в процесс принятия решений на местном уровне // Труды Института государства и права РАН. Том 3. № 2. С. 190–215.



- Чернова Э. Р. 2018. Институт территориального общественного самоуправления в России и за рубежом // Актуальные вопросы местного самоуправления в Российской Федерации: Сборник научных статей по итогам I Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню местного самоуправления, Стерлитамак, 26–27 апреля 2018 г. / отв. ред. Р. М. Усманова. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. С. 178–183.
- Четвернин В. А. 2009. Либертарно-юридическая интерпретация прав человека // Философия права в России: история и современность. Материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. М.: Норма. С. 173–189.
- Чиркин В. Е. 2009. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. № 7 (151). С. 3–13.
- Шейна И. Н. 2020. Содержание понятия «территориального общественного самоуправления: исторические аспекты // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. № 3. С. 18–22.
- French D., Laver M. 2009. Participation Bias, Durable Opinion Shifts and Sabotage through Withdrawal in Citizens' Juries // *Political Studies*. Vol. 57. No. 2. Pp. 422–450. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2009.00785.x>
- Pospisil P., Lebedzik M. 2017. Some of the theoretical basic of local self-government in the Czech Republic // *Law and Economics Review*. № 8 (1). С. 31–46. <http://doi.org/10.1515/danb-2017-0003>
- Türkmenistanyň Konstitusiyasy // Türkmenistanyň Mejlisiniň Maglumatlary. 2016 ý. № 3 131-nji madda.
- What Is a Community Council? // Clackmannanshire Council. URL <https://www.clacks.gov.uk/document/5583.pdf> (дата обращения: 31.08.2022).

## References

- Bezvikonnaya, E. V. (2017). power as a factor of socio-political interaction with territorial public self-government (on the materials of practices of urban districts). *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*, (3), 435–444. [In Russian]
- Belousov, A. B., Didikin, A. B., & Domanov, O. A. et al. (2008). *Intellectual Transformations. New Theoretical Paradigms*. Ekaterinburg: Ural Branch of Russian Academy of Sciences. [In Russian]
- Carelinform. (2021). *In the Unity of Power and Result*. December 6. Retrieved May 11, 2022 from <https://krl.ranepa.ru/news/TOS2021-1.0-print.pdf> [In Russian]
- Vasjutkin, N. E. (2022). Civil lobby: political and legal aspect. *Proceedings of the All-Russian Research Conference on the 60<sup>th</sup> Anniversary of E. D. DAgbaev "Sovremennoe razvitie regionov Rossii: politicheskie, social'nye i jekonomicheskie aspekty"*, Russia, 46–50. <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1682-6-46-50> [In Russian]
- Jellinek, G. (1913). *System der subjektiven öffentlichen Rechte* (A. A. Rozhdestvenskiy, Trans.; 2<sup>nd</sup> ed., Vol. 1). Osvobozhdenie. [In Russian]
- Zhadobina, N. N., Kupriyanova, E. V., & Filippova, N. A. (2019). *Participation of Citizens in the Implementation of Public Authority*. Izdatelskiy tsentr SurGU. [In Russian]
- Zalivansky, B. V., & Samokhvalova, E. B. (2017). Territorial Self-Government as an Institution of Interaction between Municipal Power and Population. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*, (24), 36–46. [In Russian]

- Kozhevnikov, O. A., Ostapovich, I. Yu., & Nechkin, A. V. 2020. The Current State of Direct Democracy Institutions in Russia: The Concept, Classification, and Development Prospects. *Tomsk State University Journal*, (456), 225–233. <https://doi.org/10.17223/15617793/456/27> [In Russian]
- Kokotova, M. A. (2020). Determination of participants of territorial public self-government in Russia and councils of citizens, councils of neighborhoods in France. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, (5), 58–66. [In Russian]
- Kokoshkin, F. F. (2004). *Lectures on the General State Law*. Garant. [In Russian]
- Kokoshkin, F. F. (2014). *Autonomy Field and the Unity of Russia*. Lan. Retrieved May 24, 2023 from <https://e.lanbook.com/book/50384> [In Russian]
- Constitution of the Republic of Belarus. Retrieved May 27, 2023 from <https://pravo.by/pravo-vaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> [In Russian]
- The Constitution of the Republic of Poland. Retrieved August 27, 2022 from <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf> [In Russian]
- The Constitution of the Czech Republic. Retrieved August 27, 2022 from <https://www.psp.cz/en/docs/laws/constitution.html> [In Russian]
- Kunevich, G. G. (2012). *Territorial Self-Government in Belarus*. Pravo i ekonomika. [In Russian]
- Larichev, A. A. (2016). Forms of direct implementation by the population of local self-government and citizen participation in its implementation: the Canadian experience. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, (5), 14–20. [In Russian]
- Smolensk Oblast Department of Internal Policy. (n.d.). Best practices of territorial public self-government in Smolensk Oblast in 2018-2020. Retrieved May 11, 2022. <https://dvp.admin-smolensk.ru/files/198/luchshie-praktiki-territorialnogo-obschestvennogo-samoupravleniya-smolenskoj-oblasti-2018-2020.pdf> [In Russian]
- Markwart, E. (2011). The organization of the local government in germany and adapting the German experience to the Russian reality. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 4(2), 25–36. [In Russian]
- Markov, P. N. (2013). The system of territorial self-government in European countries. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija*, (4), 212–221. [In Russian]
- Narutto, S. V. (Ed.). 2023. *Planning the Development of Modern Urban Space: Problems and Trends*. RG Press. [In Russian]
- On the General Principles of Local Self-Government and Local Economy in the USSR, USSR, No. 1417-I (1990). *Vedomosti SND SSSR i VS SSSR*, (16), art. 267. [In Russian]
- On the General Principles of Local Self-Government Organization in the Unified System of Public Power, Russia, No. 40361-8 (n.d.). Retrieved Jun. 21, 2023 from <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> [In Russian]
- On local governance and self-governance in the Republic of Belarus, Belarus, No. 108-Z (2010). Retrieved Jun. 21, 2023 from <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000108> [In Russian]
- On Strategic Planning in the Russian Federation, RF, No. 172-FZ (2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (26), part I, art. 3378. [In Russian]
- Panyshva, S. A., & Ryabinina, E. I. (2015). Experience of territorial self-government in foreign countries. *Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravlenija*, (1), 19–21. [In Russian]

- Pshenko, O. Yu. (2014). Forms of local self-government in foreign countries (the case of the Republic of Kazakhstan). *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl*, 6(5), 191–194. [In Russian]
- Razdyakonova, E. V. (2011). Institutionalization of TSG in the system of local self-government. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo*, 7(1), 177–180. [In Russian]
- Rudenko, V. N. (2007). Advisory public councils in the system of deliberative democracy. *Sravnitel'noe Konstitucionnoe Obozrenie*, (4), 116–124. [In Russian]
- RF Federal Assembly Federation Council. (n.d.). Strategic planning at the municipal level: effective practices, problems and solutions: speeches of participants of the round table. *Municipal'noe imushhestvo: jekonomika, pravo, upravlenie*, (2). [In Russian]
- Fedotov, S. A. (2019). Foreign experience in organizing the activities of territorial public self-government. *Aktual'nye voprosy prava, jekonomiki i upravlenija*, 367–369. [In Russian]
- Filippova, N. A. (2009). Public representation of interests as a republican principle: G. Jellinek's theory of civil participation in the implementation of state power. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, (9), 481–500. [In Russian]
- Filippova, N. A. (2011). Territorial collective as a subject of constitutional law. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, (6), 10–14. [In Russian]
- Filippova, N. A. (2015). Territorial public self-government: powers or civil initiatives? *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo universiteta*, (1), 96–100. [In Russian]
- Filippova, N. A. (2017). Consultative forms of civil participation in the implementation of state power of the subjects of the Russian Federation. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo universiteta*, (1), 102–108. [In Russian]
- Filippova, N. A. (2019). Initiative budgeting as a form of public participation in the implementation of local government: regional strategies. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 102–109. [In Russian]
- Chebotaev, G. N. (2019). The role of public chambers in the coordination of socially significant interests of citizens, non-profit organizations, public authorities. *Proceedings of the International Research Conference "Konstitucionalizacija obshhestvennogo uchastija grazhdan v upravlenii delami gosudarstva," Russia*. [In Russian]
- Cherkasov, A. I. (2018). Direct and participatory democracy as a means of dragging the population into the decision-making process at the local level. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 3(2), 190–215. [In Russian]
- Chernova, E. R. (2018). Institute of territorial public self-government in Russia and abroad. *Proceedings of the 1<sup>st</sup> All-Russian scientific-practical conference dedicated to the Day of local self-government "Aktual'nye voprosy mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federatsii, Russia* (R. M. Usmanova, Ed.; pp. 178–183). [In Russian]
- Chetvernin, V. A. (2009). Libertarian-legal interpretation of human rights. *Proceedings of the 3<sup>rd</sup> Philosophical-Legal Readings in Memory of the Academician V. S. Nersesyants "Filosofija prava v Rossii: istorija i sovremennost'"* (pp. 173–189). [In Russian]
- Chirkin, V. E. (2009). Public power in the modern society. *Zhurnal rossijskogo prava*, (7), 3–13. [In Russian]
- Sheina, I. N. (2020). The content of the concept of "territorial self-government": historical aspects. *Vestnik Voronezhskogo instituta jekonomiki i social'nogo upravlenija*, (3), 18–22. [In Russian]

French, D., & Laver, M. (2009). Participation Bias, Durable Opinion Shifts and Sabotage through Withdrawal in Citizens' Juries. *Political Studies*, 57(2), 422–450. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2009.00785.x>

Pospíšil, P., & Lebieczik, M. (2017). Some of the theoretical basic of local self-government in the Czech Republic. *Law and Economics Review*, (8), 31–46. <http://doi.org/10.1515/danb-2017-0003>

Türkmenistanyň Konstitusiyasy. Türkmenistanyň Mejlisiniň Maglumatlary. 2016 ý. No. 3 131-nji madda.

Clackmannanshire Council. (n.d.). *What Is a Community Council?* Retrieved August 31, 2022 from <https://www.clacks.gov.uk/document/5583.pdf>

## Информация об авторе

*Ирина Вячеславовна Гордеева*, министр юстиции Кировской области, Министерство юстиции Кировской области, Киров, Россия  
[gordeeva\\_iv@edu.surgu.ru](mailto:gordeeva_iv@edu.surgu.ru)

## Information about the author

*Irina V. Gordeeva*, Minister of Justice of the Kirov Region, Ministry of Justice of the Kirov Region, Kirov, Russia  
[gordeeva\\_iv@edu.surgu.ru](mailto:gordeeva_iv@edu.surgu.ru)

## Организационно-правовые основы развития концепции публичного управления городом

Рахмон Багдадович Муталипов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
Контакт для переписки: rakhmon.mutalipov@mail.ru

**Аннотация.** В настоящее время большинство отечественных ученых исходят из того, что не существует единой концепции публичного управления городом. Унификация концепции публичного управления городами, в т. ч. частичная унификация, в отечественной науке является дискуссионным вопросом. В настоящей работе выдвинута и проверена гипотеза о том, что можно выделить единые основы концепции публичного управления городом, несмотря на ее специфичность. Также автором определено содержание основ концепции публичного управления городом. Понятия «публичное управление» и «город» в настоящее время в нормах международного права и российском законодательстве не закреплены, в связи с чем предлагается придать им нормативно-правовой характер. Концепции публичного управления городов объединяет то, что они являются документальным выражением публичного управления как единой деятельности, а также направлены на реализацию в городах. В содержание основ изучаемой концепции входят основные цели города и принципы публичного управления городом, которые рекомендуется включить в федеральное законодательство. В базе методологии исследования лежит диалектический метод, который позволил определить основы концепции публичного управления городом. Использование компаративистского (сравнительно-правового) метода способствовало выявлению отличительных признаков, которыми характеризуется концепция публичного управления городом.

**Ключевые слова:** концепция публичного управления городом, унификация концепции, понятие город, единые основы концепции, цели города, принципы публичного управления, моногорода

**Цитирование:** Муталипов Р. Б. 2023. Организационно-правовые основы развития концепции публичного управления городом // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 109–127. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-109-127>

Поступила 10.04.2023; одобрена 27.04.2023; принята 11.05.2023

## Organizational and legal basis for the development of the concept city public administration

Rakhmon B. Mutalipov

University of Tyumen, Tyumen, Russia  
Corresponding author: [rakhmon.mutalipov@mail.ru](mailto:rakhmon.mutalipov@mail.ru)

**Abstract.** Currently, few Russian scholars agree on a single concept of public city administration. The unification of the concept of public administration of cities, including partial unification, in Russian science is a debatable issue. In this paper, we put forward and test the hypothesis that it is possible to find common foundations of the concept of public city administration, despite its specificity. The author also determines the content foundations of this concept. The concepts of “public administration” and “city” are not currently fixed in the norms of international law and Russian legislation, therefore, it is proposed to provide them with a legal definition. The concepts of cities’ public administration are united by the fact that they are a documentary expression of public administration as a single activity, and they also aim at implementation in cities. The content of the foundations of the studied concept includes the city’s main goals and the principles of public city administration, which are recommended to be included into the federal legislation. The methodology of the study is based on the dialectical method, which has helped determine the foundations of the concept of public administration of the city. The use of the comparative legal method has contributed to identifying the distinctive features that characterize the concept of public administration of the city.

**Keywords:** concept of public city administration, unification of concept, concept of city, unified foundations of concept, city goals, principles of public administration, single-industry towns

**Citation:** Mutalipov, R. B. (2023). Organizational and legal basis for the development of the concept city public administration. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, 9(2), 109–127. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-109-127>

Submitted Apr. 10, 2023; Reviewed Apr. 27, 2023; Accepted May 11, 2023

## Введение

В настоящее время проблематика исследований публичного управления городом становится востребованной. К примеру, С. Э. Мартынова рассматривает партисипативное принятие городских решений [Мартынова, 2020]. На примере местного самоуправления в городе Новосибирске О. В. Федорова приходит к выводу о дуализме правовой природы местного самоуправления [Федорова, 2021]. В коллективной монографии «Юридическая урбаноология. Урбанологическая теория» исследуются основные концептуальные подходы к управлению городами, отмечается, в частности, что

«современная турбулентность в экономике и управлении, кризисы — связаны и с ситуацией с коронавирусом международного масштаба и их последствиями. Данные реалии не могут не отразиться на состоянии городского управления, его правовых основ» [Астафичев, Волох, Воронина, 2021].

Важность исследуемой тематики также обусловлена продолжающимся реформированием системы местного самоуправления. К примеру, 1.05.2019 г. принят Федеральный закон № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“», в соответствии с которым вводится понятие «муниципальный округ», которое определено как несколько населенных пунктов, не относящихся к муниципальным образованиям, на общей территории [О внесении изменений...]. Также этим законом предусмотрена возможность создания муниципального округа в результате объединения всех поселений из состава муниципального района и его самого. Как следует из пояснительной записки «К проекту федерального закона „О внесении изменений в Федеральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“», муниципальный округ позволит консолидировать представительские и административные ресурсы, в т. ч. на сельских территориях, для оптимизации расходов на содержание местных органов посредством создания одноуровневой системы местного самоуправления, там, где это целесообразно [Пояснительная записка «К проекту...»]. Приведенные законодательные новеллы свидетельствуют о повышении внимания законодателя к территориальной организации местного самоуправления, о его стремлении к процессу оптимизации управления на местах. Кроме того, согласно новым поправкам 2020 г. к Конституции России органы местного самоуправления включены в единую систему публичной власти в России, органы государственной власти имеют возможность участвовать в формировании местных органов и должностных лиц [О совершенствовании

регулирования ...]. В развитии новых положений Конституции России 25.01.2022 г. принят в первом чтении Государственной Думой Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Законопроект № 40361-8].

С 2017 г. поводится рейтинг эффективности управления в городских округах России Агентством политических и экономических коммуникаций. Указанным Агентством по итогам 2022 г. признаны наиболее эффективными городские власти Тюмени (1-е место), Салехарда (2-е) и Казани (3-е), а самыми неэффективными — Биробиджана (90-е), Архангельска (91-е) и Улан-Удэ (92-е). Магадан с 42-го места в 2021 г. опустился в рейтинге на 52-е место в 2022 г., а Курган с 47-го — на 59-е место. Кроме того, на 9 позиций упали Петропавловск-Камчатский и Красноярск, находящиеся в середине рейтинга, а также Абакан (значительно потерявший и в прошлом году) и Новосибирск, занимающие места в нижней половине [Шестой рейтинг эффективности ...]. Указанные сведения свидетельствуют о том, что в ряде российских городов публичное управление осуществляется неэффективно.

По нашему мнению, понимание природы и содержания концепции публичного управления городом имеет первостепенное значение в современном обществе. Ежегодно число городского населения увеличивается, растет количество городов. Согласно отчету от 23 октября 2020 г. ООН-Хабитат о городах мира 2020 «Ценность устойчивой урбанизации» (The Value of Sustainable Urbanization), «в городских районах проживает 55% населения мира, и ожидается, что к 2050 г. эта цифра вырастет до 68%» [World Cities Report 2020]. Такие набирающие темпы урбанизации и миграции, по сути, бросают вызов действующей системе городского управления, требуют от нее изменения структуры и методов управления.

В настоящее время большинство отечественных ученых исходят из того, что не существует единой концепции публичного управления городом, поскольку подобные концепции зависят от самого города и его характеристик: географическое положение, экономическое состояние, численность населения, среди прочих. Городское население лично или через соответствующих органов и должностных лиц определяет, как правило, цели города, его задачи, направления развития и т. п. Федеральным законодателем принимаются концепции публичного управления отдельными аспектами городов (концепции «Безопасный город», «Умный город») или публичного управления отдельных видов городов (например, моногородов).

В этой связи предметом обсуждения ученых становятся принятые на федеральном уровне концепции, а также иные не закрепленные в подзаконных нормативных правовых актах РФ концепции: экологический город, малые и средние города, мегаполисы, агломерации и т. д. Унификация концепции публичного управления городами, в т. ч. частичная унификация, в отечественной науке является дискуссионным вопросом.

В ходе настоящего исследования планируется рассмотреть вопросы унификации концепции публичного управления городами, а именно проверить следующую гипотезу. Несмотря на индивидуальность каждого города а, следовательно, и специфичность



концепции публичного управления в нем, можно выделить единые основы концепции публичного управления городом.

В случае, если данная гипотеза подтвердится, следует определить содержание основ концепции публичного управления городом. В целях проверки гипотезы следует рассмотреть понятия «публичное управление» и «город», действующее правовое регулирование в исследуемой области, проанализировать концепции в системе публичного управления городом.

### **Научная дискуссия о правовых основах развития концепции публичного управления городом**

Понятия «публичное управление» и «город» в настоящее время в нормах международного права и российском законодательстве не закреплены. Вместе с тем есть понятие единой системой публичной власти. В силу [Конституция РФ, ч. 3 ст. 132], органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в РФ и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Приведенное положение дальнейшее раскрытие получило в Федеральном законе от 8.12.2020 г. № 394-ФЗ [О Государственном Совете РФ..., ст. 2], где под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции РФ и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в т. ч. по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства. Кроме того, в Федеральном законе от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ [О стратегическом планировании..., ст. 3] (далее — 172-ФЗ) закрепляются два понятия «государственное управление» и «муниципальное управление».

Если же переходить к самому понятию «город», то можно отметить, что в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Федерации не закрепляется данного термина. При этом на основе словосочетаний «городской округ», «городское поселение» формируются целые правовые институты, например, в градостроительстве. В Федеральном законе от 6.10.2003 г. № 131-ФЗ (далее — 131-ФЗ) [Об общих принципах..., ст. 2] «городское поселение» раскрывается как «город или поселок». Соответственно, «город» используется как бессодержательный термин.

Обобщая различные взгляды, В. В. Таболин раскрывает содержание города с точки зрения современного городского права:

«город — населенный пункт, правовой статус и территория которого в соответствии с законодательством определены уставом города, где с целью обеспечения необходимого уровня жизнедеятельности и в интересах городского населения, осуществляются государственная власть и местное самоуправление» [Таболин, 2012].

Из данного определения можно перечислить следующие признаки города:

- населенный пункт (часть территории, имеющая сосредоточенную застройку в пределах фиксированной границы и служащая постоянным или преимущественным местом проживания и жизнедеятельности людей);
- юридическое закрепление положения города в уставе; наличие жизнедеятельности населения; функционирование системы государственных и муниципальных органов, действующих в интересах населения и в соответствии с законом.

Каждый из данных признаков важен — при отсутствии одного из них город теряет свой юридический статус: не принят устав или он не содержит статуса города; если всё население покинет город, то прекратится любая жизнедеятельность; не будет никаких органов власти. По мнению Таболина, общественно-экономические, градостроительные, демографические, географические и другие признаки существенного значения не имеют, поскольку носят временный или юридически неопределенный характер [Таболин, 2012, с. 53–56].

Следующим элементом концепции публичного управления городом являются цели и задачи города. Определение указанных векторов традиционно в научной литературе относится к компетенции городских органов и должностных лиц, осуществляемой с участием заинтересованных лиц [Кафидов, 2020, с. 190–194; Шумилова и др., 2022, с. 10–11].

Вместе с тем есть точка зрения, что цель города может быть едина. Так, например, в Новой программе развития городов 2016 г. ООН в качестве основной цели городского управления определено обеспечение устойчивого развития городов [Новая программа развития...].

Оставляя дискуссию о возможности закрепления единой цели городов на следующий раздел статьи, отметим следующее. Как отмечают Е. Б. Шумилова, Е. О. Авдеева и С. А. Мхитарян, цель города можно сформулировать следующим образом: как и в качестве чего город будет себя позиционировать в течение длительного периода времени. Чтобы не ошибиться при выборе приоритетов развития, выгоднее будет постановка долгоиграющих планов вместо множества узкоформатных целей [Шумилова и др., 2022, с. 10–11].

Также в содержание концепции публичного управления городом входят принципы публичного управления, которые по определению предполагаются универсальными в данной сфере. Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (далее — Стратегия пространственного развития), утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р, к принципам пространственного развития России отнесены: дифференцированный подход к направлениям и мерам государственной поддержки социально-экономического развития территорий; комплексный подход к социально-экономическому развитию территорий; учет интересов и мнения населения и бизнеса при планировании социально-экономического развития территорий и т. д. [Об утверждении стратегии...].

Кроме того, Стратегией пространственного развития определены перспективные центры экономического роста некоторых российских городов. Необходимо отметить, что для развития данного подхода в России можно использовать опыт Германии. Как отмечают Э. Маркварт, Н. Н. Киселева, Д. П. Соснин, в Германии города подразделяются на центры трех или четырех уровней в зависимости от возможности города удовлетворять окружающие населенные пункты услугами и товарами разной степени спроса. Если в городе можно получить услуги и товары всех видов спроса (повседневного, средней периодичности, редкого и эпизодического), то такой город относится к центрам верхнего уровня (Oberzentren). Центры среднего уровня (Mittelzentren) способны предоставить товары и услуги средней периодичности спроса. В центрах базового уровня (Kleinzentren) жители одного или нескольких близлежащих поселений могут получить товары и услуги повседневного спроса. Unterzentren представляет собой особый тип центральных мест и занимает промежуточное место между базовым и средним уровнями центральных мест. Также в Германии ведется мониторинг центральных мест, результаты которого отражаются в виде карты центральных мест [Маркварт и др., 2022, с. 99–100].

Взаимодействие с окружающими город селами и иными населенными пунктами является одним из аспектов публичного управления городом. Как отмечают С. А. Кожевников и С. С. Патракова, в России на сегодняшний момент развитие фактического межмуниципального сотрудничества осуществляется преимущественно в социальной области (проведение выставок и ярмарок, совместное решение вопросов местного значения: водо-, теплоснабжение, транспортное обслуживание населения и т. п.) и формально закрепляется в виде договоров и соглашений, создании ассоциаций, реже — в создании хозяйственных и некоммерческих межмуниципальных организаций для решения вопросов местного значения.

В области экономики подобные проекты единичны. Одним из удачных примеров является общество с ограниченной ответственностью «Кигинская швейная фабрика», деятельность которого стало возможной благодаря межмуниципальной кооперации. На основании соглашения о сотрудничестве со стороны Саткинского района Челябинской области были привлечены инвестиции и технологии, а со стороны Кигинского района Республики Башкортостан — квалифицированные трудовые ресурсы и необходимая инфраструктура.

По мнению С. А. Кожевникова и С. С. Патраковой, необходимо закрепить основы (цели, приоритеты, механизмы) развития межтерриториальных взаимодействий на федеральном уровне в виде отдельной концепции или одного из приоритетных направлений Стратегии пространственного развития. Одновременно на уровне субъектов РФ важно обеспечить координацию целей развития муниципалитетов, городов, сел, работы некоммерческих организаций общей концепции/стратегии социально-экономического развития. Именно на региональном уровне можно раскрыть потенциал и возможности кооперации городов и сел, заинтересовать стороны и привлечь участников, дать импульс образованию общих сельско-городских структур [Кожевников, Патракова, 2022, с. 85–87].

## Анализ концепции в системе публичного управления городом

В настоящее время для публичного управления городом предусмотрено принятие разнообразных документов:

- 1) «документы стратегического планирования» (стратегия социально-экономического развития, план мероприятий по реализации стратегии, прогноз социально-экономического развития на среднесрочный или долгосрочный период, бюджетный прогноз на долгосрочный период, муниципальные программы), которые разрабатываются согласно ст. 11 172-ФЗ;
- 2) «документы территориального планирования» (схемы территориального планирования муниципальных районов, генеральные планы поселений, генеральные планы городских округов) и «документация по планировке территории» (проект планировки территории и проект межевания территории), перечисленные в ст. 18 и 41 Градостроительного кодекса РФ от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (далее — ГрК РФ) [Градостроительный кодекс РФ...];
- 3) программы комплексного развития систем коммунальной, транспортной, социальной инфраструктур городских округов (утверждаются согласно ст. 17 № 131-ФЗ).

Хотя названия данных документов в некоторой степени созвучны, фактически их содержание отличается друг от друга. Тем самым сфера публичного управления городом становится менее простой для понимания жителей. Ситуация усугубляется тем, что в некоторых российских городах разрабатываются городские концепции, принятие которых федеральными законами прямо не предусмотрено. Соответственно, не понятно, является ли концепция действительно специфическим документом; либо это документ, указанный в федеральном законе, но на практике поменявший название. Неясным становится определение норм права, которыми следует руководствоваться при разработке и утверждении данного документа.

Можно предположить, что концепция близка к документам стратегического планирования. Перечень документов стратегического планирования указан в 172-ФЗ. Данный перечень закрытый и концепция в него не включена. Примерное содержание стратегии развития муниципального образования в документе не приведено. Вместе с тем основные положения стратегии развития России перечислены в ст. 16 172-ФЗ, стратегии развития субъекта России — в ст. 32 172-ФЗ.

Если проанализировать положения конкретных концепций (например, архитектурно-градостроительная концепция развития территории в северо-восточной части Краснодара, концепция архитектурно-градостроительного развития Пионерского проспекта в городе Анапа [Архитектурно-градостроительная концепция...; Концепция архитектурно-градостроительного развития...]), то можно выявить, что в них подобно положениям стратегии развития России и стратегиям развития субъекта России (ст. 16 и 32 172-ФЗ):

- дана оценка территории — Северо-восточная часть Краснодара — территория нового района «Новознаменский» площадью в 3000 га и т. п.; Пионер-

ский проспект — центральная улица города-курорта Анапа протяженностью 10,4 км и т. п.;

- определены задачи —
  - создание условий для поступательного градостроительного освоения северо-восточной части Краснодара и т. д.;
  - формирование благоприятной курортной среды Пионерского проспекта в городе Анапа и т. д.;
- указаны направления развития —
  - создание медицинского кластера в северо-восточной части Краснодара и др.;
  - расширение мощностей лечебно-оздоровительного комплекса Пионерского проспекта и др.;
- предложены основные мероприятия по реализации концепции —
  - размещение 5 учреждений профессионального образования в северо-восточной части Краснодара и др.;
  - реконструкция ул. Гулаева Пионерского проспекта в городе Анапа с повышением класса до магистральной улицы районного значения и др.

В ряде городов, как правило, в моногородах, концепция публичного управления принимается в виде соглашения о сотрудничестве с градообразующим предприятием. Например, между акционерным обществом «Горнорудная компания „Партомчорр“» (входит в Группу «Акрон») и Администрацией г. Апатиты заключено соглашение о социально-экономическом партнерстве, взаимодействии и сотрудничестве с целью развития и поддержания социальной среды и общественной инфраструктуры Апатиты. По условиям данного соглашения в бюджет города перечислено 152 млн. руб., из них [Предприятие Группы «Акрон» ... ]:

> 24 млн. руб.	бюджет направлено	на улучшение материально-технического обеспечения образовательных учреждений города;
> 27 млн. руб.	выделено	на приведение дорог города в состояние, отвечающее требованиям безопасности дорожного движения;
24 млн. руб.		на капитальный ремонт сетей наружного уличного освещения;
> 27 млн. руб.	планируется потратить	на проведение капитального ремонта кровли и фасада ряда зданий (детской музыкальной школы, городского дворца культуры и др. зданий) и т. д.

Вместе с тем участие градообразующих предприятий в комплексном развитии моногородов не системно и не повсеместно. К примеру, В. В. Дядик, А. С. Калугина и В. Н. Борзых полагают, что несистемность политики градообразующей компании

может быть следствием недостаточной взаимной координации работы менеджмента компаний и публичных органов региона и моногорода при определении приоритетов развития и наиболее острой социально-экономической проблематики территорий. Основным мотивом градообразующих компаний при организации и освещении ответственной деятельности на территориях присутствия является не столько целенаправленная работа по решению наиболее значимых муниципальных проблем, сколько валидизация мандата на работу на соответствующей территории путем формирования благоприятного информационного поля. Так, преобладающим типом поведения градообразующих компаний в моногородах присутствия является благотворительность [Дядик и др., 2022, с. 38].

При этом осуществляемые благотворительные мероприятия являются недостаточно системными. По мнению Дядика с соавторами, для реализации потенциала градообразующих компаний в решении вопросов социально-экономического развития моногородов необходимо обеспечить конвергенцию целей бизнеса и публичных органов моногородов в области развития местных сообществ. Для обеих сторон стратегической управленческой задачей должно стать формирование совместной политики развития территорий [Дядик и др., 2022, с. 38]. Степень участия градообразующих предприятий в комплексном развитии моногородов зависит от политических амбиций руководства предприятия, экономического благосостояния компании.

Очевидно, что не все градообразующие предприятия экономически стабильны, входят в группу компаний (например, «Акрон» или др. группы). Кроме того, при наступлении экономического кризиса или материальных проблем, градообразующие компании обычно снижают свою политическую активность. Как отмечает Т. Б. Витковская, низкая степень участия градообразующих компаний в политической и социальной жизни, дистанцирование от публичной политики являются типичной адаптивной стратегией предприятий в условиях экономического кризиса или финансовых и производственных проблем [Витковская, 2022, с. 84].

Наряду с практикой привлечения градообразующих предприятий к участию в развитии моногородов представляет научный интерес и зарубежная практика поддержки моногородов. Исследовав зарубежную практику (Германии, Великобритании, Франции, Японии, Чехии, Австралии и США), С. В. Кулай отмечает, что иностранные государства в большинстве своем пошли по пути модернизации «старых» отраслей и промышленных территорий, создания технологических музеев на базе предприятий [Кулай, 2019, с. 236–242]. В монопромышленных регионах Кулай предлагает

«подготавливать кадры для базовых отраслей экономики с применением практико-ориентированной технологии обучения — дуального образования. Суть заключается в том, что учебное заведение подготавливает работников по заказанным предприятием направлениям обучения, формируя учебный график следующим образом: примерно 50% — обучение, 50% — практика на производстве, на время которой предприятие трудоустраивает обучающихся» [Кулай, 2019, с. 241].

Такая система образования применяется с 2011 г. в моногороде Экибастуз (Республика Казахстан), где подготавливаются инженеры и энергетики для предприятий

угольной промышленности [Кулай, 2019, с. 241]. Международный опыт модернизации «старых» отраслей и промышленных территорий, создания технологических музеев на базе предприятий заслуживают внимания при определении основных направлений развития концепции публичного управления моногородами. По нашему мнению, применение практико-ориентированного обучения для градообразующих организаций моногородов способно обеспечить градообразующую организацию квалифицированными специалистами, снизить уровень безработицы.

## Результаты и обсуждение

Полагаем, что концепции публичного управления городов объединяет то, что данные концепции, по сути, являются документальным выражением публичного управления как единой деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц, в установленных законом случаях — населения.

В развитии данного вывода и на основе анализа приведенных в статье федеральных законов можно сформулировать понятие «публичное управление», под которым следует понимать деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц, в установленных законом случаях — населения, направленная на соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, создание условий для социально-экономического развития государства, осуществляемая в соответствии Конституцией РФ и законодательством на основании принципов согласованного функционирования и организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия.

Данное понятие следует закрепить в ст. 3 172-ФЗ, потому что там уже изложены понятия «государственное управление» и «муниципальное управление». Легальное раскрытие содержания «публичного управления» на уровне федерального закона позволяет сформировать единое понимание данной категории на уровнях субъектов РФ и муниципальных образований, сформировать гармоничную внутренне непротиворечивую систему правового регулирования публичного управления.

Одной из основных категорий публичного управления городом является «город». Учитывая набирающие темпы процессов урбанизации и миграции, город, по сути, становится основным муниципальным образованием наряду с селами. Вместе с тем в 131-ФЗ, который устанавливает виды муниципальных образований и систему управления в них, отсутствует легальное раскрытие содержания «города». При этом на уровне подзаконных нормативных правовых актов РФ принимаются концепции публичного управления отдельными аспектами городов (концепции «Безопасный город», «Умный город») или публичного управления отдельных видов городов (например, моногородов). В каждой из данных концепций содержится свое понимание города, что приводит к выборочному, несогласованному правовому регулированию концепций публичного управления городом.

Для формирования гармоничной системы правового регулирования концепций публичного управления городом в Законопроекте № 40361-8 полагаем необходимым определить понятие «город». Кроме того, законодательное раскрытие содержания

термина «город» позволит определить территорию реализации соответствующей концепции публичного управления. За основу понятия «город» можно использовать определение В. В. Таболина:

город — это населенный пункт, правовой статус и территория которого в соответствии с законодательством определены уставом города, где с целью обеспечения необходимого уровня жизнедеятельности и в интересах городского населения, осуществляются государственная власть и местное самоуправление [Таболин, 2012, с. 54].

Если переходить к содержанию основ концепции публичного управления городом, то считаем нецелесообразным закрепление единой цели городов — устойчивое развитие как это указано в Новой программе развития городов 2016 г. ООН, потому что «устойчивое развитие» — это «размытая» цель. Под устойчивым развитием можно понимать и сохранение статуса города, и диверсификацию экономики города, и строительство парков, и т. п. Вместе с тем, безусловно, каждый город имеет свои проблемы и перспективы развития, обусловленные историей, географическим и экономическим положением, и иными детерминантами.

Для решения данных проблем и использования перспектив развития формулируются цели города, выстраивается соответствующая концепция публичного управления. Следовательно, цель города должна быть более конкретной, в каждом городе можно определить одну или несколько целей. При этом в Законопроекте № 40361-8 можно закрепить основные цели города: экономически устойчивый город, экологический город, умный город, компактный город, безопасный город, туристический город, санаторно-курортный город и другие цели, указанные в законодательстве или нормативных правовых актах.

Каждую из данных целей следует описать в законе. Формулировки «умный город», «безопасный город» взяты из соответствующих концепций, принятых на уровне федеральных подзаконных нормативных правовых актов. Иные предложенные основные цели города используются в научной литературе, например, при классификации городов [Таболин, 2012, с. 65, 202].

Предлагается перечень основных целей города сделать открытым, чтобы на уровне субъектов РФ или на уровне городов была возможность устанавливать свои специфические цели с учетом социально-экономического состояния, истории и местоположения города. На наш взгляд, публичным органам городов с учетом имеющихся проблем города, социально-экономического состояния, истории и географического положения города после консультаций с публичными органами субъектов России (в целях скоординированного развития региона) стоит выбрать одну-две законодательно определенные цели города, сформулировать к ним примерные задачи. Затем эти варианты целей и задач необходимо вынести на публичное обсуждение с местными жителями посредством, в т. ч. путем их размещения на сайте города и его публичных органов. Провести местный референдум или интернет-голосование, по их итогам выбрать цели и задачи, набравшие наибольшее количество голосов. Выбор целей и задач города по итогам местного референдума или интернет-голосования обусловлено социальной значимостью данных вопросов. По сути, концепция публичного управления городом формируется



на основе выбранных целей и задач города. И реализация данной концепции способна повлиять на жизнь каждого жителя города.

Также в элементы основ концепции публичного управления городом следует включить принципы публичного управления, которые можно закрепить в Законопроекте № 40361-8. Это будут принципы 1) учета интересов и мнения населения и бизнеса (аналогичный принцип закреплен в Стратегии пространственного развития); и 2) сотрудничества между городской и сельской местностями. Указанные принципы признаются автором важными, потому что органы местного самоуправления и органы государственной власти осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения [Конституция РФ, ст. 132, ч. 3]. Соответственно, Основным российским законом при публичном управлении городом признаются существенными два аспекта: взаимодействие органов и учет интересов населения.

Кроме того, использование предложенных к закреплению в федеральном законе принципов (учет интересов и мнения населения и бизнеса, сотрудничества между городской и сельской местностями) позволяет, в итоге, привлечь инвестиции населения и бизнеса, ресурсы села (материальные и трудовые) к реализации в полном объеме концепции публичного управления городом.

В условиях действия различных федеральных законов, регулирующих публичное управление городом (ГрК РФ; а также 131-ФЗ, 172-ФЗ), этот институт для понимания жителей усложняется. В этой связи рекомендуем нормы о публичном управлении городом изложить в одном нормативном правовом акте (в Законопроекте № 40361-8). Это позволит сформировать понятную и прозрачную систему правового регулирования публичного управления городом.

По итогам проведенного анализа федеральных законов и концепций конкретных городов полагаем, что концепции по содержанию близки к стратегии социально-экономического развития муниципального образования. И если стратегии определяют долгосрочное изменение в целом города, то концепции разрабатываются применительно к части территории города или некоторых городских сфер. На наш взгляд, «концепцию развития города» следует включить в перечень документов стратегического планирования, разрабатываемых на уровне муниципального образования путем внесения соответствующих изменений в ст. 11 172-ФЗ. Что будет соответствовать политике поддержки стратегического развития городов, приводить к упорядочиванию отношений в сфере городского управления.

По нашему мнению, необходимо повсеместно привлекать градообразующие компании к развитию моногородов путем заключения соглашений о сотрудничестве между ними, городскими администрациями и субъектами РФ, на территории которых расположены соответствующие моногорода с предприятиями. Участие субъектов РФ в таком соглашении может выступить гарантией сохранения независимости публичных городских органов от «поглощения» градообразующими компаниями. Соглашения о сотрудничестве могут быть взаимовыгодными. Субъекты России в отличие от моногородов имеют больше возможностей для удовлетворения потребностей градообразующих предприятий (извлечение прибыли, получение налоговых и иных льгот, доступные рынки сбыта, квалифицированные кадры, устойчивый кадровый резерв).

С учетом практики применения соглашений при развитии местных территорий предлагаем следующий алгоритм заключения соглашений о сотрудничестве, который следует включить в 131-ФЗ или в Законопроект № 40361-8.

*Первый этап* — это определение целей и задач моногорода. Публичные органы моногорода с учетом имеющихся проблем города, социально-экономического состояния, истории и географического положения города после консультаций с публичными органами субъектов России (в целях скоординированного развития региона) выбирают одну-две законодательно определенные цели города, формулируют к ним примерные задачи. При этом основной целью моногорода должно быть «становление города экономически устойчивым». Затем эти варианты целей и задач необходимо вынести на публичное обсуждение с местными жителями посредством, в т. ч. путем их размещения на сайте моногорода и его публичных органов. Провести местный референдум или интернет-голосование, по их итогам выбрать цели и задачи, набравшие наибольшее количество голосов. С учетом дефицитности местного бюджета предпочтительнее проведение интернет-голосования, чем местного референдума.

*Второй этап* — это проведение переговоров. Следует обозначить, каким образом градообразующая компания может помочь (поучаствовать) в достижении выбранных целей и задач моногорода. Главе моногорода или иному уполномоченному органу следует провести переговоры с градообразующим предприятием, органом субъекта России. В рамках трехсторонних переговоров стоит обсудить участие градообразующей организации в достижении целей и задач моногорода, а также условия такого участия.

*Третий этап* — заключение и исполнение соглашения. Итогом переговоров должно стать заключение соглашения между участниками переговоров.

На наш взгляд, при организации и осуществлении публичного управления городам необходима комплексная поддержка субъектов РФ. В этой связи считаем целесообразным создание на уровне субъектов РФ государственного органа или наделение действующего органа следующими функциями:

- обеспечение согласованности документов стратегического планирования, разрабатываемых в муниципальных образованиях, с иными документами стратегического планирования субъекта РФ;
- координация развития моногородов (ведение переговоров, заключение соглашений о сотрудничестве, поддержка градообразующих организаций);
- оказание методической, консультационной помощи муниципальным образованиям.

## Заключение

Без сомнения, концепции публичного управления городов направлены на реализацию в городах, поэтому понятия «публичное управление» и «город» составляют определенную базу концепций публичного управления городом. Следовательно, можно сказать, что гипотеза о возможности выделения единых основ концепции публичного управления городом подтверждена в ходе работы.

Таким образом, несмотря на специфичность концепции публичного управления городом, выделены единые основы концепции, в которые входят основные цели города и принципы публичного управления городом. Понятие «публичное управление» следует закрепить в ст. 3 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и определить его как

«деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц, в установленных законом случаях — населения, направленная на соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, создание условий для социально-экономического развития государства, осуществляемая в соответствии Конституцией РФ и законодательством на основании принципов согласованного функционирования и организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия».

Термину «город» следует придать нормативно-правовой характер путем раскрытия его содержания в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» или Законопроекте «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Единую базу концепции (основные цели города и принципы публичного управления городом) рекомендуется включить в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» или Законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

В заключении можно отметить, что определение единых организационно-правовых основ развития концепции публичного управления городом способно повысить качество публичного управления. Предложенные меры позволяют принять в каждом городе собственную и эффективную концепцию публичного управления.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Архитектурно-градостроительная концепция развития территории в северо-восточной части Краснодара. URL: <https://niipg.com/ru/projects/445> (дата обращения: 10.02.2023).
- Астафичев П. А., Волох В. А., Воронина Н. А. и др. 2021. Юридическая урбанонология. Урбанонологическая теория: в 2-х тт / под общей ред. В. В. Таболина; Научная школа «городское право и правовые проблемы урбанизации». М.: Юстицинформ. 824 с.
- Витковская Т. Б. 2022. Моногород: логика общественных ожиданий и практики политического участия бизнеса // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. № 2. С. 79–85.
- Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ; по сост. на 29.12.2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.
- Дядик В. В., Калугина А. С., Борзых В. Н. 2022. Корпоративная социальная ответственность градообразующего бизнеса моногородов российской Арктики: анализ практик и мотивов (на примере моногородов Мурманской области) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 1 (68). С. 29–41.
- Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»: Система обеспечения законодательной деятельно-

- сти Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 10.02.2023).
- Кафидов В. В. 2020. Современные концепции управления: учебник. М.: Креативная экономика. 442 с.
- Кожевников С. А., Патракова С. С. 2022. Приоритеты и инструменты обеспечения внутрирегиональной интеграции пространства по линии «город — село» // Вопросы управления. № 2(75). С. 76–90.
- Конституция Российской Федерации: от 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
- Концепция архитектурно-градостроительного развития Пионерского проспекта в городе Анапа. URL: <https://niipg.com/ru/projects/444> (дата обращения: 10.02.2023).
- Кулай С. В. 2019. Зарубежный опыт модернизации и реструктуризации экономики моногородов // Государственное управление. Электронный вестник. № 73. С. 224–248.
- Маркварт Э., Киселева Н. Н., Соснин Д. П. 2022. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. Том 30. № 2. С. 95–111.
- Мартынова С. Э. 2020. Партисипативное принятие городских решений: правовые ожидания граждан // Государственная власть и местное самоуправление. № 12. С. 50–56.
- Новая программа развития городов 2016 года ООН. URL: <http://unhabitat.ru/publications/newurbanagenda> (дата обращения: 10.02.2023).
- О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федеральный закон от 1.05.2019 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 18. Ст. 2211.
- О Государственном Совете Российской Федерации: федеральный закон от 8.12.2020 г. № 394-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.
- О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
- О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ: по сост. на 17.02.2023 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.
- Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6.10.2003 г. № 131-ФЗ: по сост. на 6.02.2023 г. // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
- Об утверждении стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р: по сост. на 30.09.2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2019. № 7 (ч. II). Ст. 702.
- Пояснительная записка «К проекту федерального закона „О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»“. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2023).

- Предприятие Группы «Акрон» в рамках соглашения о социально-экономическом партнерстве перечислило Администрации г. Апатиты 152 млн рублей. <https://www.acron.ru/press-center/press-releases/200777/> (дата обращения: 10.02.2023).
- Таболин В. В. 2012. Правовая теория современного российского города: монография. М.: Издательство «Юрист». 390 с.
- Федорова О. В. 2021. Дуализм правовой природы местного самоуправления в контексте конституционной реформы Российской Федерации (на примере местного самоуправления в городе Новосибирске) // Государственная власть и местное самоуправление. № 1. С. 22–25.
- Шестой рейтинг эффективности управления в городских округах Российской Федерации: Официальный сайт Агентства политических и экономических коммуникаций. URL: [http://arcom.ru/projects/item.php?SECTION\\_ID=91&ELEMENT\\_ID=8382](http://arcom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=8382) (дата обращения: 10.02.2023).
- Шумилова Е. Б., Авдеева Е. О., Мхитарян С. А. 2022. Арктические моногорода: вызовы нового времени на примере Воркуты // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. № 2(10). С. 4–12.
- World Cities Report 2020. The Value of Sustainable Urbanization. [https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/10/wcr\\_2020\\_report.pdf](https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/10/wcr_2020_report.pdf) (дата обращения: 10.02.2023).

## References

- NIIPG. (2022). *Architectural and urban planning concept for the development of the territory in the north-eastern part of Krasnodar*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://niipg.com/ru/projects/445> [In Russian]
- Astafichev, P. A., Volokh, V. A., & Voronina, N. A. (2021). *Legal Urbanology. Urbanological Theory*. Yusticinform. [In Russian]
- Vitkovskaya, T. B. (2022). Monotown: the logic of public expectations and the practice of political participation of business. *Bulletin of the Perm Federal Research Center*, (2), 79–85. [In Russian]
- RF Urban Planning Code No. 190-FZ (2004). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (1), art. 16. [In Russian]
- Dyadik, V. V., Kalugina, A. S., & Borzykh V. N. (2022). Corporate social responsibility of the city-forming business of single-industry towns in the Russian Arctic: analysis of practices and motives (on the example of single-industry towns in the Murmansk region). *Economics of the North-West "Problems and Development Prospects"*, 1 (68), 29–41. [In Russian]
- On the General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Public Power, Draft Law No. 40361-8 (n.d.). *Zakonotvorchestvo*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> [In Russian]
- Kafidov, V. V. (2020). *Textbook of Modern Management Concepts*. Kreativnaya ekonomika. [In Russian]
- Kozhevnikov, S. A., Patrakova, S. S. (2022). Priorities and tools for ensuring intra-regional space integration along the “city-rural” line. *Management Issues*, 2(75), 76–90. [In Russian]
- RF Constitution (1993). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (31), art. 4398. [In Russian]

- The concept of architectural and urban development of Pionersky Prospekt in the city of Anapa. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://niipg.com/ru/projects/444> [In Russian]
- Kulai, S. V. (2019). Foreign experience of modernization and restructuring of the economy of single-industry towns. *Public administration. Electronic Bulletin*, 73, 224-248. [In Russian]
- Markvart, E., Kiseleva, N. N., & Sosnin, D. P. (2022). The system of reference settlements as a mechanism for managing spatial development theoretical and practical aspects. *Power*, 30(2), 95–111. [In Russian]
- Martynova, S. E. (2020). Participatory urban decision-making: legal expectations of citizens. *State power and Local Self-Government*, 12, 50–56. [In Russian]
- UN. (2016). *New Agenda for Urban Development*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <http://unhabitat.ru/publications/newurbanagenda> [In Russian]
- On Amendments to the Federal Law “On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the RF”, No. 87-FZ (2019). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (18), art. 2211. [In Russian]
- On the State Council of the RF, No. 394-FZ (2020). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (50), art. 8039. [In Russian]
- On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities: The RF law on the amendment to the RF Constitution, No. 1-FKZ (2020). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (11), art. 1416. [In Russian]
- On strategic planning in the RF, No. 172-FZ (2014). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (26), art. 3378. [In Russian]
- On the general principles of the organization of local self-government in the RF, No. 131-FZ (2003). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (40), art. 3822. [In Russian]
- On approval of the strategy for the RF spatial development for the period up to 2025: Decree of the RF Government, No. 207-r. (2019). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (7), art. 702. [In Russian]
- To the draft federal law “On Amendments to the Federal Law ‘On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the RF;’” Explanatory note (n.d.). [Unpublished]. Retrieved Feb. 10, 2023 from *ConsultantPlus*. [In Russian]
- Acron. (n.d.). *An Acron Group company transferred RUB 152 million to the Administration of Apatity under the social and economic partnership agreement*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.acron.ru/press-center/press-releases/200777/> [In Russian]
- Tabolin, V. V. (2012). *Legal Theory of the Modern Russian City*. Yurist. [In Russian]
- Fedorova, O. V. (2021). The dualism of the legal nature of local self-government in the context of the constitutional reform of the Russian Federation (the case of local self-government in the city of Novosibirsk). *State Power and Local Self-Government*, (1), 22–25. [In Russian]
- APEC. (2022). The sixth rating of management efficiency in urban districts of the Russian Federation. *Official website of the Agency for Political and Economic Communications*. Retrieved Feb. 10, 2023 from [http://apecom.ru/projects/item.php?SECTION\\_ID=91&ELEMENT\\_ID=8382](http://apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=8382) [In Russian]
- Shumilova, E. B., Avdeeva, E. O., & Mkhitarian, S. A. (2022). Arctic single-industry towns challenges of the new time on the example of Vorkuta. *Arktika 2035* topical issues, problems, solutions, (2), 4–12. [In Russian]

UN-Habitat. (2020). *World Cities Report 2020: The Value of Sustainable Urbanization*. Retrieved Feb. 10, 2023 from [https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/10/wcr\\_2020\\_report.pdf](https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/10/wcr_2020_report.pdf) [In Russian]

## Информация об авторе

*Рахмон Багдадович Муталипов*, аспирант кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
[rakhmon.mutalipov@mail.ru](mailto:rakhmon.mutalipov@mail.ru)

## Information about the author

*Rakhmon B. Mutalipov*, Postgraduate Student, Department of Theoretical and Public Law Disciplines, University of Tyumen, Tyumen, Russia  
[rakhmon.mutalipov@mail.ru](mailto:rakhmon.mutalipov@mail.ru)

## Проверка конституционности нормативных правовых актов в целом (по материалам практики конституционного суда Российской Федерации)

Алексей Александрович Петров

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия  
Контакт для связи: petrov-a-irk@mail.ru

**Аннотация.** В данной статье исследуется практика Конституционного Суда РФ по делам, рассматривающим вопрос о проверке конституционности законов и иных правовых актов в целом. Такие дела составляли основное содержание деятельности Конституционного Суда в сфере судебного конституционного нормоконтроля на первом этапе его истории (1992–1993 гг.), но затем стали редкостью. Выявлены причины такой динамики. Сделан вывод о том, что критерии, связанные с вопросами компетенции органов и должностных лиц публичной власти, подлежат исключению из перечня критериев проверки конституционности правовых актов, установленного Законом о КС, поскольку конституционно-судебная оценка правовых актов по этим критериям должна даваться в рамках рассмотрения Конституционным Судом споров о компетенции. Отдельное внимание уделяется вопросам проверки конституционности правовых актов в целом по содержанию норм, на практических примерах показано разнообразие ситуаций, при которых становится возможной такая проверка. Указано на возможность восстановления нормативного регулирования, если оно содержалось в правовом акте, который был признан не соответствующим Конституции по критериям, не связанным с проверкой содержания такого акта.

**Ключевые слова:** Конституционный Суд, КС, конституционность, критерии проверки конституционности правовых актов, судебный конституционный нормоконтроль, правовые акты, история конституционного правосудия, юридическая сила решений Конституционного Суда

**Цитирование:** Петров А. А. 2023. Проверка конституционности нормативных правовых актов в целом (по материалам практики конституционного суда Рос-



сийской Федерации) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 128–142. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-128-142>

Поступила 20.03.2023; одобрена 03.04.2023; принята 06.04.2023

## Verification of the constitutionality of normative legal acts (based on the practice of the Russian Constitutional Court)

Aleksei A. Petrov

Baikal State University, Irkutsk, Russia  
Corresponding author: [petrov-a-irk@mail.ru](mailto:petrov-a-irk@mail.ru)

**Abstract.** This article examines the practice of the RF Constitutional Court in the cases on verifying the constitutionality of laws and other legal acts. Such cases formed the main content of the activities of the Constitutional Court in the field of judicial constitutional normative control at the first stage of its history (1992–1993), but then they became a rarity. The reasons for such dynamics are revealed. It is concluded that the criteria related to the issues of competence of public authorities and officials are subject to exclusion from the list of criteria for verifying the constitutionality of legal acts established by the Law on the Constitutional Court, since the constitutional judicial assessment of legal acts according to these criteria should be given as part of the consideration of disputes on competence by the Constitutional Court. Special attention is paid to the issues of verifying the constitutionality of legal acts in terms of the norms' content; practical examples show the variety of situations in which such verification becomes possible. The possibility of restoring normative regulation is indicated if it was present in a legal act that was recognized as inconsistent with the Constitution on criteria not related to verifying the content of such act.

**Keywords:** Constitutional Court, constitutionality, criteria for checking the constitutionality of legal acts, judicial constitutional normative control, legal acts, history of constitutional justice, legal force of decisions of the Constitutional Court

**Citation:** Petrov, A. A. (2023). Verification of the constitutionality of normative legal acts (based on the practice of the Russian Constitutional Court). *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 128–142. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-128-142>

Submitted Mar. 3, 2023; Reviewed Apr. 3, 2023; Accepted Apr. 6, 2023

## Введение

Рассмотрение дел о конституционности законов и иных нормативных правовых актов занимает главенствующее место в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ или просто КС). По данным статистики, 777 из 800 (97%) постановлений (т. е. итоговых решений) КС было принято именно по делам о нормоконтроле [Постановления КС РФ]<sup>1</sup>. Это согласуется и со сложившимися в науке представлениями о специализированном судебном конституционном контроле как о деятельности, направленной, прежде всего, на предупреждение издания неконституционных нормативных актов, на установление неконституционности законов, иных нормативных актов [Витрук и др., 1996, с. 37; Несмеянова, 2004, с. 59–61]. Как обоснованно отмечает Е. В. Тарибо, «во всех классификациях предметной компетенции конституционного правосудия единственным общим звеном является проверка права на соответствие конституции» [Тарибо, 2018, с. 15].

Вопросы, которые рассматривает и разрешает КС в рамках таких дел, весьма разнообразны, что вызвано широтой спектра правотворческих приемов, используемых при установлении нормативного регулирования. Предметом исследования в рамках настоящей статьи является практика проверки конституционности правовых актов в целом. Этот вопрос ранее не становился предметом специального исследования.

Цели статьи — установить основания формирования соответствующей практики КС, определить тенденции ее развития, выявить особенности проверки конституционности правовых актов в целом по различным критериям. Основными методами работы являются историко-правовой метод (он применялся при исследовании зарождения и развития практики КС по проверке конституционности правовых актов в целом), а также аналитический метод, использовавшийся при рассмотрении конкретных примеров из этой практики.

В основном КС рассматривает дела об оспаривании лишь отдельных положений законов, актов Президента и Правительства РФ и т. п. Это обусловлено тем, что интерес заявителей, побуждающий их к обращению в КС, как правило, связан с содержанием и применением конкретных нормативных предписаний. Согласно части второй ст. 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — Закон о КС), основанием к рассмотрению дела о нормоконтроле является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции оспариваемый акт [О КС РФ]. Такая неопределенность должна носить практический характер, свидетельствовать о наличии у заявителя конкретного, выраженного интереса в исходе дела. Из этого же исходит и КС [Определение КС РФ, 1995, № 126-О, мотив ч., п. 2, абз. первый; Определение КС РФ, 2018, № 12-О, мотив ч., п. 3, абз. первый]. Соответственно, ситуации, когда конституционно обоснованная заинтере-

<sup>1</sup> Здесь указаны статистические данные по постановлениям Конституционного Суда, принятым с 1995 г. по настоящее время; к этим данным добавлены сведения о 27 постановлениях КС за период 1992–1993 гг.

сованность заявителя охватывает какой-либо правовой акт в полном объеме, на практике могут возникать редко.

Вместе с тем Конституция, определяя полномочия КС, принципиально допускает оспаривание и проверку конституционности не только отдельных положений правовых актов, но и правовых актов в целом. Такая возможность предопределена буквальным истолкованием положений ч. 2 и 4 ст. 125 Конституции, а также подтверждается предписаниями Закона о КС, которые конкретизируют механизм осуществления судебного конституционного нормоконтроля. В соответствии со ст. 86 Закона о КС Конституционный Суд устанавливает соответствие Конституции нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними по ряду критериев, а именно:

- 1) по содержанию норм;
- 2) по форме нормативного акта или договора;
- 3) по порядку подписания, заключения, принятия, опубликования или введения в действие;
- 4) с точки зрения установленного Конституцией разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную;
- 5) с точки зрения установленного Конституцией разграничения компетенции между федеральными органами государственной власти;
- 6) с точки зрения разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и ее субъектов, установленного Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий.

Важно подчеркнуть, что, хотя указанная статья помещена законодателем в главу Закона о КС, посвященную особенностям конституционного судопроизводства по делам об абстрактном нормоконтроле, ее действие в силу ст. 90, 99, 104, 110.4, части первой ст. 110.10 Закона о КС распространяется также на все остальные категории нормоконтрольных дел. Как подчеркивает Н. С. Бондарь, положения ст. 86 Закона о КС «не только выступают основаниями конституционно-судебного нормоконтроля, но и очерчивают правомерные границы, рамки, за которые Суд не должен выходить по своему собственному свободному усмотрению» [Гаджиев, 2012, с. 476–477].

Аналогичные положения имелись и в ранее действовавшем Законе «О Конституционном Суде РСФСР» [О КС РСФСР], с той разницей, что его ст. 58 закрепляла аналогичные предписания в качестве оснований и поводов к рассмотрению дел о конституционности международных договоров и нормативных актов.

## Результаты и выводы

Дела об оспаривании конституционности правовых актов в целом, как уже отмечалось выше, встречаются в практике КС сравнительно редко. Тем не менее их анализ позволяет сформулировать некоторые интересные обобщения, значимые в теоретическом и в практическом плане.

*1. В историко-правовом контексте представляет интерес динамика рассмотрения КС соответствующих дел.*

На первом этапе своей деятельности, в рамках Конституции 1978 г. с последующими изменениями [Конституция РФ, 1978] и Закона «О Конституционном Суде РСФСР» КС рассмотрел 27 дел с принятием итоговых решений в виде постановлений, и в 16 из них заявители ставили вопросы о проверке конституционности правовых актов именно в целом. Тем самым рассмотрение таких дел составляло основное содержание нормоконтрольной деятельности КС в 1992–1993 гг. Важнейшей предпосылкой к этому послужил избранный законодателем на этапе становления КС подход к определению его компетенции в сфере нормоконтроля — он мог быть только абстрактным, т. е. осуществлялся по обращениям органов и должностных лиц публичной власти вне связи с применением оспариваемых актов в конкретных делах. Такие обращения, как правило, обуславливаются возникающими разногласиями по вопросам компетенции по принятию тех или иных властных решений. Обращение к практике КС по делам 1992–1993 гг. об оспаривании правовых актов в целом подтверждает сказанное — из 16 таких дел в 15 постановка вопроса о конституционности так или иначе связывалась с разделением властей или с разграничением компетенции между органами власти различных уровней.

Кроме того, обилие подобных дел на первом этапе истории КС вполне можно объяснить как раз тем, что его практика находилась в стадии становления, которое проходило на фоне обострения политической борьбы на разных уровнях системы власти. В этих условиях, да еще и при недостаточной подготовленности конфликтующих сторон к адекватному, грамотному применению средств судебного конституционного контроля обращения в КС зачастую строились на политических, а не на правовых мотивах.

После принятия Конституции 1993 г. и действующего Закона о КС число разрешенных КС дел об оспаривании законов и иных правовых актов в целом резко сократилось — в 1995–2023 гг. их было лишь 13. Эта тенденция может быть объяснена, главным образом, снижением востребованности абстрактного конституционного контроля на фоне стабилизации внутривластной ситуации в стране, снижением уровня конфликтности конституционных отношений. Характерно, что при этом тенденция преобладания среди анализируемых дел именно абстрактного контроля в целом сохранилась (11 из 13).

*2. Углубленного рассмотрения заслуживает вопрос об основаниях оспаривания конституционности правовых актов в целом.*

Как уже отмечалось, на этапе становления отечественного конституционного правосудия такие дела рассматривались главным образом в плоскости компетенции органов и должностных лиц публичной власти. Например, уже в постановлении по своему первому делу [Постановление КС РФ, 14.01.1992, № 1-П-У] КС исследовал вопрос о конституционности оспариваемого правового акта с точки зрения установленного Конституцией принципа разделения властей, а также разграничения компетенции между высшими органами государственной власти и управления. Еще одно из ранних решений КС [Постановление КС РФ, 13.03.1992, № П-РЗ-1] было принято по вопросам о неконституционности ряда правовых актов Республики Татарстан с точки зрения закрепленного Конституцией разграничения предметов ведения между РСФСР и республиками в ее составе. Консти-

туционность постановлений федерального Правительства о плате за пользование автомобильными дорогами при провозе тяжеловесных грузов проверялась с точки зрения установленного Конституцией разграничения компетенции между Правительством и Федеральным Собранием [Постановление КС РФ, 17.07.1998, № 22-П].

Вместе с тем представляется, что в деле, где заявитель ставит вопрос о проверке конституционности правового акта по указанным критериям, в действительности имеет место спор о компетенции, а не конституционный нормоконтроль. Так, п. 4 части первой ст. 93 Закона о КС прямо устанавливает, что предметом спора о компетенции может быть «акт» (т. е. правовой акт). Такие споры рассматриваются исключительно с точки зрения установленных Конституцией разделения властей, разграничения компетенции между федеральными органами государственной власти и внутрифедерального разграничения предметов ведения и полномочий (часть первая ст. 94). При этом рассмотрение дела о конституционности нормативного акта, являющегося предметом спора о компетенции, по содержанию норм, форме, порядку его подписания, принятия, опубликования или введения в действие возможно только на основании отдельного запроса и в соответствии с порядком рассмотрения дел о конституционности нормативных актов (часть вторая ст. 94). Таким образом, вопрос о конституционности правового акта по «компетенционным» критериям должен рассматриваться именно в рамках спора о компетенции. Постановка такого же вопроса, но уже в рамках абстрактного нормоконтроля влечет недопустимое смешение разных по своей сути судебных конституционно-контрольных процедур, что свидетельствует о нормотворческом дефекте — регулятивной избыточности Закона о КС. Выводы об отсутствии четкого разграничения между указанными процедурами делались и в научной литературе [Витрук и др., 1996, с. 291].

С учетом этого представляется, что п. 4–6 части первой ст. 86 Закона о КС подлежат корректировке, а дела по вопросам о проверке конституционности правовых актов в целом по компетенционным критериям, по общему правилу, не должны рассматриваться КС в рамках процедуры абстрактного нормоконтроля (исключение может быть предусмотрено для таких заявителей, как группы сенаторов РФ и группы депутатов Государственной Думы). Вместе с тем нельзя исключать постановления и рассмотрения таких вопросов в рамках конкретного нормоконтроля, т. е. по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод и по запросам судов о проверке конституционности правовых актов в связи с их применением в конкретных делах. Заявители по делам этих категорий не могут в принципе выступать в качестве участников споров о компетенции, но сохранение для них возможности ставить соответствующие вопросы будет способствовать расширению доступа к конституционному правосудию и спектра вопросов, которые могут быть разрешены КС.

*3. В практике КС встречаются дела, где правовые акты являлись предметом рассмотрения в целом с точки зрения их формы.*

Так, признавая неконституционность постановления Верховного Совета РФ «О толковании статьи 183 Конституции (Основного Закона) РСФСР» [Постановление Верховного Совета, 18.12.1991, № 2053-1], КС исходил из того, что оно не является лишь актом толкования, а устанавливает новые нормы, фактически внося изменения в Консти-

туцию; таким образом, оспариваемый акт издан в ненадлежащей форме [Постановление КС РФ, 19.05.1992, № 5-П].

Придя к выводу о неконституционности совместного Постановления Президента Российской Федерации и Председателя Верховного Совета Российской Федерации «Об административно-территориальном делении города Москвы» [Президент РФ, Председатель Верховного Совета РФ, 03.01.1992, № 7], КС указал, что такая форма оспариваемого акта была избрана издавшими его должностными лицами произвольно, при том, что они вправе были согласно Конституции издавать собственные правовые акты только в определенных для этого формах [Постановление КС РФ, 02.04.1993, № 6-П].

Недопустимым, согласно правовой позиции КС, является принятие нормативных актов, объективно связанных с ограничениями конституционных прав, в форме индивидуального правового акта законодательного органа государственной власти [Постановление КС РФ, 19.05.1993, № 10-П].

КС признал неконституционными постановления Государственной Думы Федерального Собрания, которые были приняты по вопросам официального толкования федеральных законов [О некоторых вопросах применения ФЗ...; О порядке применения п. 2 ст. 855 ГК РФ]. В основе этого решения лежит правовая позиция, согласно которой официальное разъяснение федерального закона само по себе имеет такую же силу, и поэтому должно даваться в такой же правовой форме и по такой же процедуре; если же разъяснение предпринято в форме постановления Государственной Думы, то есть без соблюдения требований ст. 105–107 Конституции, предъявляемых к принятию федеральных законов, то оно не может рассматриваться в качестве акта Федерального Собрания в целом [Постановление КС РФ, 17.11.1997, № 17-П].

В отдельных случаях проверка конституционности правового акта по форме оказывалась сопряженной с их оценкой по другим критериям. Так, по одному из дел заявители утверждали, что Правительство РФ своим постановлением [О введении платы...] ввело новые федеральные сборы, чем нарушило положения Конституции, согласно которым федеральные налоги и сборы находятся в ведении РФ и устанавливаются только федеральным законом. В запросах, поступивших в КС, содержалось требование признать это постановление не соответствующим Конституции как с точки зрения разграничения компетенции между федеральными органами, так и по форме акта (а также по порядку его опубликования) [Постановление КС РФ, 18.02.1997, № 3-П].

4. *В ряде случаев конституционность правовых актов оспаривается по процедурным критериям — с точки зрения установленного порядка их принятия, подписания, заключения, принятия, опубликования.*

Такая проверка возможна и необходима с учетом того, что нормативный акт является результатом правотворческих процедур и аккумулирует в себе их характеристики [Белкин, 1993, с. 9].

Один из первых примеров такого рода представлен в деле, где проверялась конституционность постановления Верховного Совета Российской Федерации «О газете „Известия“» [Верховный Совет РФ, 17.07.1992, № 3333-1]. Как отметил КС, содержание этого постановления существенно отличалось от вопросов, поставленных на голосо-

ние в Верховном Совете, что свидетельствует о нарушении законодательным органом установленной Конституцией процедуры обсуждения и принятия его решений [Постановление КС РФ, 19.05.1993, № 10-П].

Принципиальное значение в рассматриваемом контексте имеют правовые позиции, которыми КС ограничил возможность признания правовых актов неконституционными в целом по порядку принятия. КС пришел к выводу о том, что основанием для такого признания может быть нарушение не любых процедурных правил принятия соответствующих решений, а лишь таких, которые имеют принципиальное, определяющее значение. В частности, применительно к порядку принятия федеральных законов речь идет о правилах, которые основаны непосредственно на предписаниях ст. 104–108 Конституции либо закрепляют такие существенные условия порядка принятия федеральных законов, без соблюдения которых невозможно с достоверностью установить, отражает ли принятое решение действительную волю законодателя, а следовательно — и представляемого им многонационального народа России [Постановление КС РФ, 20.07.1999, № 12-П; 14.02.2013, № 4-П].

*5. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о проверке конституционности правовых актов в целом по порядку введения в действие.*

Этот критерий — как и ранее рассмотренные — может быть отнесен к правовому акту в целом, тем более если все его положения вступают в силу одномоментно. Однако порядок введения конкретного правового акта в действие сам по себе также является предметом правового регулирования, которое находит свое воплощение в конкретных правовых предписаниях (которые зачастую являются частью того же акта). В результате вместо проверки конституционности правовых актов в целом по порядку введения в действие на практике КС осуществляет проверку отдельных положений правовых актов, регулирующих этот порядок.

Характерный пример в этом отношении дает дело, в котором заявитель оспаривал Закон Санкт-Петербурга «О ставках земельного налога в Санкт-Петербурге в 1995 году» [Закон Санкт-Петербурга, 14.07.1995, № 77-10], в т. ч. по порядку введения в действие. Однако не соответствующими Конституции были признаны только ст. 2 и п. 2 ст. 4 этого Закона, «согласно которым нормам о ставках земельного налога, ухудшающим положение налогоплательщиков, придана обратная сила» [Постановление КС РФ, 08.10.1997, № 13-П]. С точки зрения правовых последствий такое решение ничем не отличается от признания неконституционным оспариваемого Закона в целом по критерию порядка введения его в действие.

*6. Наконец, наиболее сложной является проверка конституционности правовых актов в целом по содержанию норм [Лившиц, 1994, с. 29].*

В основе постановки вопроса о такой проверке всегда лежит интерес заявителя, который тесно связан с установлением неопределенности в вопросе конституционности акта как основания для рассмотрения дела (часть вторая ст. 36 Закона о КС). Таким образом, чем объемнее по содержанию правовой акт, тем сложнее поставить под сомнение его конституционность в целом. Тем не менее, дела, в которых правовые акты в целом проверялись с точки зрения соответствия Конституции именно по содержанию норм, неоднократно рассматривались в КС.

Анализ соответствующей практики выявляет разнообразие ситуаций, при которых такая проверка может иметь место:

- 1) когда оспариваемый правовой акт содержит единственное предписание. В этом случае утрата силы таким предписанием вследствие установления его неконституционности лишает данный акт содержания, он становится беспредметным и таким образом утрачивает силу как таковой. В частности, соответствующим Конституции был признан [Постановление КС РФ, 11.05.1993, № 9-П] Закон РФ «О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации», на основании которого Чукотский автономный округ в существующих границах входит в состав Российской Федерации непосредственно [О непосредственном вхождении Чукот. АО..., п. 1]. В этом Законе имеется также п. 2 — о моменте вступления его в силу, но он не содержит положений, которые имели бы самостоятельное значение в отрыве от содержательной части Закона. Поэтому для целей нашего анализа мы считаем возможным рассмотреть п. 1 названного Закона именно как «единственное» предписание;
- 2) когда оспаривается конституционность всех предписаний, содержащихся в правовом акте. Примером является дело [Постановление КС РФ, 11.06.2003, № 10-П], в котором был признан не противоречащим Конституции Федеральный конституционный закон «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон „О референдуме Российской Федерации“». Закон устанавливал два правила: о периодах, в течение которых граждане не могут выступать с инициативой о проведении общероссийского референдума, а также о периодах, в течение которых его проведение не допускается [О внесении изменения и дополнения...]. Аналогичная ситуация складывается и при рассмотрении в КС дел о проверке конституционности международного договора о принятии в РФ и образования в ее составе нового субъекта РФ: хотя предмет такой проверки является весь договор в целом, КС дает оценку каждого его положения в отдельности [Постановление КС РФ, 19.03.2014, № 6-П].

Оспаривание и проверка конституционности правового акта в целом по содержанию норм может фактически иметь место и тогда, когда непосредственным предметом рассмотрения выступает не сам этот акт как таковой, а те его предписания, которые составляют его содержательное ядро и выражают основную идею соответствующего правового регулирования. Признание неконституционности таких смыслообразующих установлений лишает смысла и регулятивной силы все конкретизирующие и развивающие их нормативные положения.

Один из редких примеров такого рода представлен в деле о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [Об обязательном страховании...]. Из текста постановления КС по этому делу видно, что заявители, среди прочего, ставили вопрос о признании этого закона неконституционным в целом, причем именно по содержательным основаниям, подвергая сомнению введение «института обязательного страхования риска гражданской ответственности владельцев транспортных средств». В мотивиро-



вочной части своего постановления КС выделил законоположения, определяющие основную суть данного института и счел, что его введение не противоречит Конституции [Постановление КС РФ, 31.05.2005, № 6-П; мотив. ч., п. 2.1, 2.2].

Отдельного рассмотрения требует вопрос об особенностях правовых последствий решений КС, которыми оспариваемые правовые акты признаются не соответствующими Конституции в целом.

В соответствии с ч. 6 ст. 125 Конституции и частью третьей ст. 79 Закона о КС акты, признанные неконституционными, утрачивают силу. Данное правило означает невозможность применения или реализации каким бы то ни было иным способом правового акта после вступления в силу решения КС о признании его неконституционности [Витрук и др., 1996, с. 247–248]; такой акт более не является составной частью российской правовой системы [Определение КС РФ, 19.04.2001, № 65-О, мотив. ч, п. 2].

Вместе с тем приведенное предписание действует во взаимосвязи с рядом других положений Закона о КС, которые в своей совокупности определяют юридическую силу решений КС. Частью второй ст. 79 Закона о КС установлено, что юридическая сила постановления КС о признании акта неконституционным не может быть преодолена его повторным принятием. Закрепляя свойство непреодолимости юридической силы решений КС, законодатель запретил восстановление нормативного регулирования, которое было дисквалифицировано в силу его неконституционности.

Однако пределы этого запрета определяются в каждом конкретном случае зависят от особенностей содержания соответствующего решения КС. В частности, если правовой акт был признан неконституционным в целом, например, по порядку принятия или по форме, то такое признание не затрагивает содержания отдельных положений данного акта. Следовательно, регулирование, которое содержалось в этом акте, в будущем может быть установлено вновь (при условии, естественно, соблюдения предусмотренных Конституцией требований к порядку принятия актов соответствующего вида) несмотря на то, что данный акт был признан не соответствующим Конституции в целом<sup>1</sup>.

## Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать некоторые выводы. Дела о проверке конституционности правовых актов в целом встречаются нечасто, что обусловлено объективной сложностью постановки соответствующих вопросов (особенно в случае, когда речь идет о проверке по содержанию норм), а также с крайней редкостью конституционно-правовых споров, которые в принципе могли бы быть разрешены таким способом. Характерно, что наиболее активное формирование практики рас-

---

<sup>1</sup> В свете сказанного представляется заслуживающим отдельного рассмотрения вопрос о возможности и пределах совмещения в одном деле проверки конституционности правового акта по содержательным и формальным критериям. А. А. Белкин, комментируя упомянутое выше постановление Конституционного Суда от 19 мая 1992 г., заметил, что признание неконституционным содержания оспариваемого акта лишает смысла и необходимости проверки конституционности того же акта по форме [Белкин, 1994, с. 63].

смотрения подобных дел шло, по существу, одновременно со становлением в России самого института судебного конституционного контроля в 1992–1993 гг. С другой стороны, накопленный КС опыт свидетельствует о разнообразии ситуаций, при которых возможно оспаривание правовых актов в целом. Анализ такой практики позволяет глубже взглянуть на проблемы судебного конституционного нормоконтроля, увидеть возможные направления совершенствования его законодательной основы, повышения общей эффективности конституционно-судебной деятельности.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Белкин А. А. 1993. Пространство конституционной юстиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 2. С. 7–17.
- Белкин А. А. 1994. Комментарии к решениям Конституционного Суда Российской Федерации. 1992–1993. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та. 165 с.
- Витрук Н. В., Лазарев А. В., Эбзеев Б. С. (отв. ред.). 1996. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий. М.: Юридическая литература. 1996. 352 с.
- Гаджиев Г. А. (ред.). 2012. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный). М.: Норма: Инфра-М. 671 с.
- Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России от 12.04.1978 // СПС «КонсультантПлюс».
- Лившиц Ю. П. 1994. Оценка конституционности нормативных актов: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ИГП РАН. 142 с.
- Несмеянова С. Э. 2004. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия. 476 с.
- О введении платы за выдачу лицензий на производство, розлив, хранение и оптовую продажу алкогольной продукции: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.02.1995 № 197 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1532.
- О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 27.09.2002 № 5-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 39. Ст. 3641.
- О газете «Известия»: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 17.07.1992 N 3333-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 31. Ст. 1837.
- О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (по сост. на 15.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
- О Конституционном Суде РСФСР: Закон РСФСР от 12.07.1991 № 1599-1 (по сост. на 21.07.1994) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1017.
- О некоторых вопросах применения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“»:

- Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21.07.1995 № 1090-1 ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 32. Ст. 3262.
- О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 17.06.1992 № 3056-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 28. Ст. 1618.
- О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11.10.1996 № 682-II ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 43. Ст. 4870.
- О ставках земельного налога в Санкт-Петербурге в 1995 году: Закон Санкт-Петербурга от 14.07.1995 № 77-10 // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 1995. № 10.
- О толковании статьи 183 Конституции (Основного закона) РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 18.12.1991 № 2053-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 5. Ст. 177.
- Об административно-территориальном делении города Москвы: Постановление Президента Российской Федерации, Председателя Верховного Совета Российской Федерации от 03.01.1992 № 7 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 4. Ст. 150.
- Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (по сост. На 15.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 18. Ст. 1720.
- Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.12.1995 № 126-О // СПС «КонсультантПлюс».
- Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2001 № 65-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 20. Ст. 2059.
- Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.01.2018 № 12-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 4.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.1992 № 1-П-У // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 6. Ст. 247.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.03.1992 № П-Р3-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 13. Ст. 671.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.1992 № 5-П // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 23. Ст. 1247.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.1993 № 6-П // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 17. Ст. 621.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.05.1993 № 9-П // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 28. Ст. 1083.

- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.1993 № 10-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1994. № 2–3.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.02.1997 № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 8. Ст. 1010.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.10.1997 № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 42. Ст. 4901.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.1997 № 17-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5492.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.1998 № 22-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 30. Ст. 3800.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.07.1999 № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 30. Ст. 3989.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.06.2003 № 10-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 25. Ст. 2564.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.05.2005 № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23. Ст. 2311.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.02.2013 № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8. Ст. 868.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.03.2014 № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 13. Ст. 1527.
- Постановления Конституционного Суда Российской Федерации // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. [http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statisticses/Documents/De%D1%81isions\\_2022.pdf](http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statisticses/Documents/De%D1%81isions_2022.pdf) (дата обращения: 21.03.2023).
- Тарибо Е. В. 2018. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта: монография. М.: Норма. 255 с.

## References

- Belkin, A. A. (1993). The space of constitutional justice. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, (2), 7–17. [In Russian]
- Belkin, A. A. (1994). *Comments on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1992–1993*. St. Petersburg University Press. [In Russian]
- Vitruk, N. V., Lazarev, L. V., & Ebzeev, B. S. (Eds.). (1996). *Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”*. *Comment. Iuridicheskaja literatura*. [In Russian]
- Gadzhiev, G. A. (Ed.). (2012). *Commentary on the Federal Constitutional Law “On the RF Constitutional Court” (article by article)*. Infra-M. [In Russian]
- Constitution (Basic Law) of the Russian Federation — Russia (1978). [In Russian]
- Livshits, Yu. P. (1994). *Assessment of the constitutionality of normative acts* [Doctoral dissertation, Institute of State and Law]. [In Russian]
- Nesmeyanova, S. E. (2004). *Theoretical and legal research of constitutional judicial control in the Russian Federation* [Doctoral dissertation, Ural State Law University]. [In Russian]
- On the Introduction of Fees for Issuing Licenses for the Production, Bottling, Storage, and Wholesale of Alcoholic Products, RF Government, No. 197 (1995). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (17), art. 1532. [In Russian]

- On the Introduction of Amendments and Addenda to the Federal Constitutional Law "On the Referendum of the Russian Federation," No. 5-FKZ (2002). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (39), art. 3641. [In Russian]
- On the "Izvestia" Newspaper, RF Supreme Council, No. 3333-1 (1992). *Vedomosti Syezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*, (31), art. 1837. [In Russian]
- On the RF Constitutional Court, No. 1-FKZ (1994). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (13), art. 1447. [In Russian]
- On the Constitutional Court of the RSFSR, No. 1599-I (1991). *Gazette of the RSFSR Congress of People's Deputies and the RSFSR Supreme Council*, (30), art. 1017. [In Russian]
- On Some Issues of Applying the Federal Law "On Amendments and Additions to the RF Law 'On the Status of Judges in the RF,'" RF Federal Assembly State Duma, No. 1090-1 (1995). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (32), art. 3262. [In Russian]
- On the Direct Entry of the Chukotka Autonomous Okrug into the RF, No. 3056-I (1992). *Gazette of the RF Congress of People's Deputies and the RF Supreme Council*, (28), art. 1618. [In Russian]
- On the Procedure for Applying § 2 of art. 855 of the RF Civil Code, RF Federal Assembly State Duma, No. 682-II GD (1996). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (43), art. 4870. [In Russian]
- On Land Tax Rates in St. Petersburg in 1995, No. 77-10 (1995). *Vestnik Zakonodatel'nogo sobraniya Sankt Peterburga*, (10). [In Russian]
- On the Interpretation of Art. 183 of the Constitution (Basic Law) of the RSFSR, RSFSR Supreme Council, No. 2053-1 (1991). *Vedomosti Syezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*. [In Russian]
- On the Administrative-Territorial Division of Moscow, RF President, RF SC, No. 7 (1992). *Vedomosti Syezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*, (4), art. 150. [In Russian]
- On Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners, No. 40-FZ (2002). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (18), art. 1720. [In Russian]
- RF Constitutional Court Ruling No. 126-O (1995, Dec. 28). [In Russian]
- RF Constitutional Court Ruling, No. 65-O (2001, Apr. 19). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (20), art. 2059. [In Russian]
- RF Constitutional Court Ruling, No. 12-O (2018, Jan. 16). *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, (4). [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 1-R-U (1992, Jan. 14). *Vedomosti Syezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*, (6), art. 247. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. P-RZ-I (1992, Mar. 13). *Vedomosti Syezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*, (13), art. 671. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 5-P 29 (1992, May 19). *Vedomosti Syezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*, (23), art. 1247. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 6-P (1993, Apr. 2). *Vedomosti Syezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*, (17), art. 621. [In Russian]

- RF Constitutional Court Resolution, No. 9-P (1993, May 11). *Vedomosti Syezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*, (28), art. 1083. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 10-P 30 (1993, May 19). *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, (2–3). [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 3-P 27 (1997, Feb. 18). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (8), art. 1010. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 13-P 19 (1997, Oct. 8). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (42), art. 4901. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 17-P (1997, Nov. 17). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (47), art. 5492. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 22-P 25 (1998, Jul. 17). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (30), art. 3800. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 12-P (1999, Jul. 20). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (30), art. 3989. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 10-P (2003, Jun. 11). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (25), art. 2564. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 6-P (2005, May 31). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (23), art. 2311. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 4-P 24 (2013, Feb. 14). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (8), art. 868. [In Russian]
- RF Constitutional Court Resolution, No. 6-P 28 (2014, Mar. 19). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (13), art. 1527. [In Russian]
- RF Constitutional Court (n.d.). *Decisions of the RF Constitutional Court*. Retrieved Mar. 21, 2023, from [http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statisticses/Documents/De%D1%81isions\\_2022.pdf](http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statisticses/Documents/De%D1%81isions_2022.pdf) [In Russian]
- Taribo, Ye. V. (2018). *Judicial Constitutional Norm Control: Understanding the Russian Experience*. Norma. [In Russian]

## Информация об авторе

*Алексей Александрович Петров*, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института правовых исследований, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия  
petrov-a-irk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2009-0627>

## Information about the author

*Aleksei A. Petrov*, Dr. Sci. (Jur.), Chief Researcher, Institute for Legal Studies, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, Irkutsk, Russia  
petrov-a-irk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2009-0627>

## Законодательная «почва» для трансплантационного туризма в России

Юлия Павловна Попова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
Контакт для переписки: [popova1976@yandex.ru](mailto:popova1976@yandex.ru)

**Аннотация.** В статье представлено современное состояние отечественного законодательства в области регулирования медицинского туризма. Пробелы в уголовном законе и недостаточное урегулирование общественных отношений в области трансплантологии на федеральном уровне, «запаздывание» в принятии необходимого закона о донорстве органов и тканей приводит к недоверию деятельности медицинского персонала и функционирования здравоохранения России в целом. Фактической реализации международных обязательств на внутригосударственном уровне в данной сфере до сих пор не произошло. Трансформация международно-правовых норм в национальные законы и подзаконные акты осуществлена частично. Сделанные выводы, основанные на мнении авторитетного ученого в области трансплантологии в России, а также на описании «рядовым» терапевтом подпольной действительности московских клиник и освещение действующего ведомственного законодательства дают основание выдвинуть и обосновать гипотезу о существовании в России трансплантационного туризма. Защита конституционного права на здоровье российских пациентов не должна носить лишь декларативный характер. Реализация права человека на качественное медицинское обслуживание не должна нарушать права и свободы других лиц при оказании медицинской помощи. Вся система медицинского права должна быть своевременно устроена таким образом, чтобы быть барьером на пути произвола, аморальности и нарушений профессиональной этики медицинских работников. Также в статье предложена авторская модель уголовно-правовой нормы о торговле органами и тканями людей.

**Ключевые слова:** трансплантация, медицинский туризм, торговля органами и тканями человека

**Цитирование:** Попова Ю. П. 2023. Законодательная «почва» для трансплантационного туризма в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 143–156. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-143-156>

Поступила 06.02.2023; одобрена 13.03.2023; принята 16.03.2023

## Legislative “ground” for transplant tourism in Russia

Yuliya P. Popova

University of Tyumen, Tyumen, Russia  
Corresponding author: [popova1976@yandex.ru](mailto:popova1976@yandex.ru)

**Abstract.** This article examines the current state of domestic legislation regarding medical tourism regulation. Gaps in criminal law and the absence of federal regulation for public relations in the transplantation field, delays in enacting necessary laws on organ and tissue donation contribute to a lack of trust in medical staff and the overall functioning of Russia’s healthcare system. The actual implementation of international obligations at the domestic level in this area has not yet occurred. The transformation of international legal norms into national laws and regulations has been partially implemented. Conclusions drawn from the opinions of a respected scientist-practitioner in Russian transplantology, a description of the underground reality of Moscow clinics by a “regular” therapist, and an analysis of current departmental legislation provide evidence for the existence of transplant tourism in Russia. The protection of the constitutional right to health for Russian patients should not be merely declarative. The realization of the human right to quality medical care should not infringe upon the rights and freedoms of others in the provision of medical services. The entire system of medical law should be promptly organized to prevent arbitrariness, immorality, and violations of the professional ethics of medical workers. Additionally, the author proposes a model of a criminal law norm on trafficking in human organs and tissues.

**Keywords:** transplantation, medical tourism, trade of human organs and tissues

**Citation:** Popova Yu. P. (2023). Legislative “ground” for transplant tourism in Russia. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 143–156. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-143-156>

Submitted Feb. 2, 2023; Reviewed Mar. 13, 2023; Accepted Mar. 16, 2023



## Введение

Цель работы — проанализировать отечественное законодательство в области трансплантологии на предмет соответствия международным нормам.

Стремительное развитие новых технологий в мире привело к возникновению высоко-технологического спектра в области оказания медицинских услуг — трансплантологии. Однако любой научный прогресс, помимо пользы, несет в себе нарушение традиционных социальных ценностей, а также возможность использования результатов науки против самого человечества. Так было с изобретением пороха, применением энергии атома и водорода. Негативная социальная сущность некоторых людей, проявляющихся в алчности, эгоцентризме и других отрицательных качествах, способна перечеркнуть положительные стороны открытий и переосмыслить суть, изменить взгляды. Исключением не стали и операции по пересадке органов и тканей человека. Спасая или продлевая жизнь одних — реципиентов, другим — донорам — наносится вред здоровью или даже не исключается причинение преждевременной смерти.

## Методы

При освещении материала использовались диалектический метод познания, а также сравнительно-правовой и формально-логический, логико-теоретический, системный, структурно-функциональный и метод правового моделирования для совершенствования законодательства и облегчения правоприменения.

За основу взяты нормы международного права из Стамбульской декларации о трансплантационном туризме и торговле органами, частично имплементированные в национальное право в виде регулятивных норм отраслевого медицинского законодательства положения из законов об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации, о трансплантации органов и (или) тканей человека, о погребении и похоронном деле. В данной работе по теме исследования с Уголовным кодексом РФ сравнивались Уголовные кодексы Казахстана и Молдовы. Кроме того, предметом исследования стали некоторые подзаконные ведомственные нормативно-правовые акты, официальные акты президента РФ и правительства России, статьи из научных журналов и публицистических газет.

## Обзор литературы

С целью защиты прав доноров и реципиентов, ограничения незаконного оборота донорских органов с 30 апреля по 2 мая 2008 г. в Стамбуле трансплантационным обществом (TTS) и международным обществом нефрологии (ISN) был проведен научный форум — Стамбульский саммит. Итогом его работы стала Стамбульская декларация о трансплантационном туризме и торговле органами [Стамбульская декларация..., 2008]. Ее назначение в том, чтобы обратить внимание государств-участников на реализацию мер государственными, муниципальными властями, а также медицинским сообществом по недопущению произвола и бесконтрольности в проведении подобных операций.

Так, согласно соглашению, трансплантационным туризмом называется поездка за границу для выполнения операции по пересадке органов или тканей при определенных, зафиксированных в этом документе условиях.

Первым является трансплантационный коммерциализм, под которым понимается торговля органами, где орган или ткань рассматривается как товар, который может быть использован для получения материальной выгоды, например, продан, куплен. «Общественная опасность коммерциализации медицины заключается в том, что из нее аннигилируется человек, поскольку мотив прибыли преобладает, а пациент становится средством ее получения» [Fisher, 2006]. При этом нивелируется мораль и бескорыстная сущность медицинской профессиональной деятельности.

Другим альтернативным условием названа сущность профессионального дела участников, занимающихся обеспечением операций больному из-за границы (государственные органы, медики, трансплантационные центры), подрывающих возможность государства к содействию трансплантационной поддержкой своих жителей. Полагаем, что анализ национальной нормативно-правовой базы позволит визуализировать трансплантационный туризм в России.

Участником саммита была и Россия. Как и любое государство, присоединившееся к международному документу, РФ обязалась его ратифицировать и, соответственно, имплементировать международные нормы в национальное законодательство. Тем не менее российская сторона данные обязательства выполнила лишь частично. Так, одной из мер по предотвращению преступлений против личности в данной области стали изменения в Уголовный кодекс РФ. В частности, Федеральный закон от 25 ноября 2008 г. № 218-ФЗ усовершенствовал норму о торговле людьми [О внесении изменений в ст. 127.1 УК]. В ней, в частности, появились такие квалифицированные составы преступления, как сделки в отношении человека с целью изъятия у него тканей или органов, беспомощное нахождение или материальная (иная) зависимость потерпевшего. Однако самостоятельного состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за торговлю и совершение других сделок с органами и тканями, нет до сих пор. «Отказ» государства от регулирования данной сферы влечет ее последовательную коммерциализацию» [Хабриева, 2014, с. 7].

Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 (ред. от 1 мая 2022 г.) существенных изменений не претерпел [О трансплантации органов...]. В ст. 1, которая до сих пор не претерпела изменений или дополнений в этой части, констатировано, что предметом купли и продажи не могут стать человеческие органы и ткани. Такие действия влекут уголовную ответственность в соответствии с законодательством России. Однако до сих пор такой уголовно-правовой нормы нет. Существующая в действующей редакции ст. 127.1 УК РФ не способна в полной мере обеспечить защиту от возможных нарушений в сфере трансплантологии, поскольку предусматривает уголовную ответственность за торговлю людьми, т. е. за сделки в отношении человека как анатомически целостного объекта, и не предусматривает ответственности за незаконные сделки в отношении его отдельных частей. Наличие в этой статье квалифицирующего признака «в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей», закрепленного в п. «ж» ч. 2, не позволяет

самостоятельной квалификации, где предметом преступления были бы органы человека или его ткани в обособленном состоянии.

Правила уголовно-правовой оценки не допускают применения квалифицирующего признака без наличия всех признаков основного состава преступления (как правило, закрепленного в ч. 1 статьи). Следовательно, сначала нужно установить сделку в отношении потерпевшего, а потом уже — в отношении его органических частей. При недоказанности факта вербовки потерпевшего, его перевозки, укрывательства, получения, купли или продажи либо других сделок, наличие торговли его органами или тканями останется без внимания со стороны правовой оценки должностных лиц правоохранительных органов из-за имеющегося пробела в уголовном законе. При всей существующей и закрепленной в нормах международного права, а также в регулятивных нормах отечественного законодательства общественной опасности данного деяния отсутствие противоправности как еще одного обязательного признака преступления означает категорическое и однозначное отрицание последнего (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Таким образом, и специалисты в области медицины [Готье, 2016, 2020], и специалисты в области юриспруденции [Путило, 2019; Хромова, 2019] сходны во мнении, что необходима модернизация законодательства в области здравоохранения, что оно имеет существенные недостатки. А проект федерального закона [О донорстве органов...], опубликованный на официальном сайте Министерства здравоохранения РФ 18 октября 2014 г., до сих пор не принят.

Между тем врачебная практика в нашем государстве свидетельствует о появлении и развитии медицинского туризма в некоторых субъектах РФ. Например, на официальном сайте Областной клинической больницы № 1 Тюменской области [Мед. туризм] есть раздел под названием «Medical City Visit Tyumen», что в переводе с английского на русский язык означает «Медицинский туризм в Тюменской области». На электронной странице значится:

«Медицинский туризм в Областной клинической больнице № 1 разрешает любому человеку приобрести высококвалифицированное медицинское содействие за пределами своего проживания (государства, района), объединяя лечение с отдыхом» [Мед. туризм // ОКБ № 1].

Данный раздел сайта, представляющий информацию, в том числе о видах оказываемых услуг и ее поставщике — подтверждение исполнения приоритетного курса и задач по формированию экспорта в нашей стране услуг в области медицины, инициированного правительством РФ [Об утверждении Стратегии...].

Основными барьерами для развития российского экспорта в отраслевой области медицинских услуг названы:

- отсутствие упрощенного визового режима для медицинских туристов — довольно ощутимый административный барьер для въезда в нашу страну для осуществления лечения;
- отсутствие специальных медицинских виз, применяемых в некоторых зарубежных государствах, например Индии. Например, Шенгенские правила или на-

циональное законодательство РФ применяются в случаях, когда возникающие вопросы не охватываются положениями Соглашения между РФ и Европейским сообществом об упрощении выдачи виз гражданам РФ и Европейского союза от 25 мая 2006 г. В числе таких вопросов Совместными рекомендациями по использованию этого Соглашения названа туристическая медицинская страховка [Совместные рекомендации ...].

- дефицит квалифицированного медицинского персонала;
- языковой барьер между иностранными туристами и российским медперсоналом;
- неразвитость инфраструктуры;
- отсутствие обязательной в России сертификации или аккредитации медицинских организаций на соответствие национальным или международным стандартам;
- дорогостоящее страхование профессиональной ответственности в случае совершения врачебной ошибки;
- боязнь зарубежных судебных разбирательств при совершении врачебной ошибки.

Данные препятствия в планах преодолеть вплоть до 2036 г. в соответствии с прогнозом социально-экономического развития РФ, разработанного Минэкономразвития России совместно с Центробанком [Прогноз социально-экономического развития ...].

Медицинский туризм и трансплантационный туризм — неравнозначные понятия. Медицинский туризм — более широкое понятие, включающее в себя лечение и отдых иностранцев. Так, под медицинским туризмом понимается практика предоставления плановых медицинских услуг за пределами региона проживания, совмещение отдыха за рубежом с получением высококвалифицированной медицинской помощи [Kelly, 2013; Калмыков, 2018]. Трансплантационный туризм [Budiani-Saberi, Delmonico, 2008] — более узкое понятие, включающее в себя приезд туриста в другую страну с целью сугубо для целей стать реципиентом органа или ткани.

И хотя на страничках официальных сайтов про трансплантационный туризм ничего не сказано, возможность его осуществления на территории РФ не исключается, ведь он может маскироваться под медицинским туризмом, включающим предоставление услуг по высокотехнологичным операциям, носящим легитимный характер. Не исключается и подпольный трансплантационный туризм — вполне распространенное явление в некоторых зарубежных странах, например, Турции, Индии и Китае [Латов, 2008].

Возникает вполне закономерный вопрос. Откуда могут поступать органы для данных операций?

*Первый путь* — легализованный. Законодательная база в России для этого создана. Это так называемое посмертное донорство — законодательно введенная презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей из тела умершего [О погребении и похоронном деле] при констатации смерти головного мозга, а также пересадка с использованием органов родственников. При трансплантации костного мозга допускается негенетическая связь с реципиентом. Существуют и ведомственные документы Министерства здравоохранения РФ, определяющие список учреждений, осуществляющие на законных основаниях забор и пересадку органов и тканей [Об утверждении перечня ...]. Эти учреждения широко вовлечены в трансферт оказания медицинских услуг.

*Второй путь* — незаконный. О криминальном бизнесе в данном сегменте оказания медицинских услуг признаются сами специалисты. Например, А. Звонков, врач-терапевт неотложной помощи одной из столичных поликлиник, откровенно озвучил все нюансы черного рынка трансплантологии в России [Врач рассказал..., 2016].

С. В. Готье назвал одной из главных причин подпольной трансплантологии дефицит донорских органов, возникший, по его мнению, «из-за отсутствия общегосударственной системы организации посмертного донорства органов» [Готье, 2016]. Компенсацию данной организации руководитель Центра трансплантологии и искусственных органов объяснил организацией регионами собственных моделей посмертного органного донорства, и привлечение еще прижизненного донорства родственниками пациента [Готье, 2016, 2020]. Однако приходится констатировать, что данная «организация» встречает на своем пути противодействие и возмущение со стороны пациентов [Попова, 2019, 2020а, б], а также близких родственников потенциальных или состоявшихся доноров [В Тюмени врачей..., 2019; Тюменских врачей обвинили..., 2019; Тюменскую больницу..., 2019].

«Для предупреждения возникновения новых угроз в системе оказания медицинской помощи по профилю хирургия (пересадка органов и тканей человека) предлагается усилить государственный контроль в данной сфере здравоохранения» [Клейменов, Сенокосова, 2017].

## Результаты и обсуждение

### Законодательная основа для трансплантационного туризма

В связи с участвовавшими резонансными делами, многочисленными заявлениями в правоохранительные органы, президент РФ определил задачи правительству при разработке национального проекта в сфере здравоохранения обеспечить формирование системы защиты прав пациентов наряду с совершенствованием механизма экспорта медицинских услуг, основными направлениями которых постановил усиление контроля за медицинской деятельностью [О нац. целях и стратег. задачах развития РФ...]. Во исполнение указа президента распоряжением правительства от 28 ноября 2020 г. № 3155-р [Об утверждении плана...] на базе Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения [Об основах охраны здоровья граждан в РФ, ст. 91.1] планируется сформировать единую систему регистрации фактов и причин смерти, а также организовать общественные советы независимой оценки качества условий оказания услуг медицинскими учреждениями, реализующими программы государственных гарантий безвозмездного оказания пациентам врачебной помощи.

Кроме того, необходимо ликвидировать законодательный пробел, дополнив УК РФ составом преступления, предусматривающим уголовную ответственность за куплю-продажу человеческими органами и тканями. Самостоятельность подобного состава очевидна, поскольку купля-продажа органов и тканей людей не всегда связана с деяниями, объединенными составом преступления, закрепленным в п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми в целях извлечения у пострадавшего органов или тканей). Необходимость его появления также обусловлена ратификацией Россией Стамбульской декларации о транс-

плантационном туризме и торговле органами. Принцип 3 декларации гласит: «Торговля органами человека и торговля людьми с целью изъятия у них органов должны быть запрещены и считаться преступными деяниями» [Стамбульская декларация..., 2008].

По пути криминализации торговли человеческими органами, а также отделения этого преступления от торговли людьми пошли многие государства: Республика Казахстан [УК Республики Казахстан], Республика Молдова [УК Республики Молдова] и ряд других.

Так, ст. 158 УК Молдовы предусматривает ответственность за торговлю человеческими органами и тканями, а ст. 165 — торговлю людьми; ст. 116 УК Казахстана предусматривает уголовное наказание за совершение незаконных сделок в отношении органов и тканей живого лица, а ст. 128 — торговлю людьми. Полагаем, законодательство России должно использовать положительный опыт соседних государств, поскольку уголовная ответственность за завладение человеком в целях последующего изъятия органа или ткани в УК РФ уже существует (п. «ж» ч. 2 ст. 127.1), а последующие незаконные сделки с изъятим органом или тканью требуют дополнительной квалификации по статье УК РФ, которая в настоящий момент отсутствует.

*Общественная опасность* данного преступления заключается в отождествлении донорского органа (его части, ткани, ее фрагмента) с товаром, а также в причинении вреда здоровью или смерти человеку-донору, в ревизии традиционных социальных и религиозных ценностей.

*Объект* предлагаемого состава преступления — общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья человека.

*Предмет преступления* — человеческие орган(ы), его (их) часть(и), ткань(и), ее (их) фрагмент(ы).

*Потерпевшим* от преступления предполагается быть донору — любому физическому лицу, добровольно отдавшему или у которого принудительно изъяли описанные выше предметы преступления.

*Объективная сторона преступления* характеризуется совершением незаконных сделок с органами и (или) тканями человека, в т. ч. купля-продажа органа или части органа или ткани (фрагмента ткани) человека. Торговля предполагает реализацию предмета преступления реципиенту или третьему лицу за оплату.

Преступление следует считать оконченным с момента передачи органа или ткани покупателю — реципиенту или третьему лицу — независимо от того, состоялась ли частичная или полная оплата.

*Субъектом преступления* может выступать любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Поскольку в общеупотребимом и правовом понимании «торговля» предполагает двухсторонний договор, то покупатель и продавец здесь являются виновными лицами. Ими могут оказаться и реципиент, и перекупщик — третье лицо, которое покупает, а затем продает реципиенту орган. И хотя перекупщик участвует в двух незаконных сделках (и как покупатель, и как продавец), множественность преступлений не образуется. Это единое продолжаемое преступление.

Полагаем, будет образовывать данное преступление и продажа собственного органа или ткани, т. к. отождествление частей человеческого тела с товаром, подобная коммерциализация недопустима. Безусловно, это и аморально осуждаемо.

В качестве *специального субъекта преступления* может быть медицинский работник. В этом случае общественная опасность преступления повышается, что является основанием для конструирования квалифицирующего признака с более строгим наказанием.

*Субъективная сторона преступления* — вина в виде прямого умысла.

*Мотив* обязательно корыстный, поскольку юридическая природа данной сделки предполагает возмездный характер.

Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека будет реализована в большей степени, если с помощью данной нормы можно было бы привлечь к ответственности не только за куплю-продажу органов людей для последующей трансплантации, но и для проведения экспериментов. Поэтому автор данной статьи умышленно отказался от указания в предлагаемой норме на целеполагание виновного лица, расширив рамки привлечения к уголовной ответственности за рассматриваемое правонарушение.

В качестве *квалифицирующих признаков* данного состава уголовно-наказуемого правонарушения, а значит, усугубляющих ответственность лица, необходимо отметить следующие моменты:

- 1) если виновный незаконно перемещал органы или ткани через государственную границу РФ,
- 2) особый статус субъекта преступления,
- 3) действия виновного в отношении особого потерпевшего,
- 4) если усматривается множественность предмета преступления,
- 5) сопряженность с фальсификацией документов,
- 6) групповое совершение преступления.

## Заключение

В связи со сказанным, предлагаем следующие редакции наименования и диспозиций статьи УК РФ, которая станет охранительной нормой, обеспечивающей защиту, как российских доноров, так и российских реципиентов от трансплантационного туризма:

«УК РФ. Статья 120.1. Совершение незаконных сделок с органом или тканью человека

1. Совершение незаконных сделок с органом (частью органа) или тканью (фрагментом ткани) человека, — ...
2. Те же деяния, совершенные:
  - а) с перемещением органа (частью органа) или ткани (фрагментом ткани) человека через Государственную границу Российской Федерации;
  - б) лицом с использованием своего служебного положения;
  - в) в отношении несовершеннолетнего;
  - г) в отношении нескольких органов или тканей человека;
  - д) с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов;
  - е) организованной группой, — ...».

Таким образом, нормативно-правовая база России по защите пациентов в области трансплантологии находится до сих пор на стадии разработки и приходится только ждать и надеяться, что конституционные нормы, закрепленные в ст. 17 и 18 Конституции РФ, перестанут быть лишь декларативными. А на пути трансплантационного туризма будет установлен законодательный барьер.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- В Тюмени врачей обвинили в незаконной трансплантации органов. 2019 // Рамблер/доктор. URL: <https://doctor.rambler.ru/news/42875179-v-tyumeni-vrachey-obvinili-v-nezakonnoy-transplantatsii-organov> (дата обращения: 12.03.2022).
- Врач рассказал, как россияне стали инкубаторами почек для турок. 2016 // РЕН ТВ. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/90263-vrach-rasskazal-kak-rossiiane-stali-inkubatorami-pochek-dlia-turok> (дата обращения: 12.03.22).
- Готьё С. 2016. Трансплантационный туризм — особый вид медицинского туризма, который связан с криминалом // РЕН ТВ. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/90270-sergei-gote-transplantatsionnyi-turizm-osobyi-vid-meditsinskogo-turizma-kotoryi-sviazan-s-kriminalom> (дата обращения: 21.01.22).
- Готьё С. 2020. Трансплантация — шанс на вторую жизнь // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/01/13/sergej-gote-deficit-donorskih-organov-sozdaetsia-iskusstvenno.html> (дата обращения: 23.01.22).
- Каалмыков Н. Н., Лазарев Е. 2018. О состоянии и развитии медицинского туризма в Российской Федерации // РАНХИГС. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2018-03/30-03-2018-3-medturizm.pdf> (дата обращения: 22.06.2023).
- Клейменов М. П., Сенокосова Е. К. 2017. Угрозы криминологической безопасности системы оказания медицинской помощи и их классификация // Всероссийский криминологический журнал. Том 11. № 4. С. 696–705. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(4\).696-705](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(4).696-705)
- Латов Ю. В. 2008. Криминальная трансплантация — дым почти без огня // Охрана здоровья: проблемы организации, управления и уровни ответственности. 2007: сборник статей по материалам Интернет-конференции (16 апреля — 15 июня 2007 г.). Москва: Маска.
- Медицинский туризм // ОКБ № 1. Тюменская область. Официальный сайт. URL: <https://www.tokb.ru/patsientam/meditsinskiy-turizm/> (дата обращения: 18.06.2023).
- О внесении изменений в статью 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 25.11.2008 г. № 218-ФЗ // Российская газета. 28.11.2008. № 245.
- О донорстве органов человека и их трансплантации: Проект федерального закона РФ от 18.10.2014 г. // Министерство здравоохранения Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/8145> (дата обращения: 11.03.2022).
- О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204; по сост. на 21.07.2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
- О погребении и похоронном деле: Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ; по сост. на 28.12.2022 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146.



- О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1: по сост. на 01.05.2022 г. // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102020471&backlink=1&&nd=603015151>
- Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ; по сост. на 11.06.2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
- Об утверждении перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека: Приказ Министерства здравоохранения РФ, Российской академии наук от 25.05.2021 г. № 515н/1 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603734070?marker=6500IL> (дата обращения: 08.01.2022).
- Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии развития здравоохранения в РФ на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 28.11.2020 г. № 3155-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012010027> (дата обращения: 20.03.2022).
- Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 14.08.2019 г. № 1797-р; по сост. на 13.05.2021 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_331686](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331686) (дата обращения: 08.01.22).
- Попова Ю. П. 2019. Необходимость совершенствования уголовного законодательства за нарушение условий и порядка трансплантации человеческих органов или их частей // Уральский журнал правовых исследований. № 5(6). С. 647–660.
- Попова Ю. П. 2020а. Необходимость установления уголовной ответственности за общественно опасные деяния врачей, преследующих цель осуществить незаконную трансплантацию // Проблемы защиты прав человека в Российской Федерации и Республике Казахстан: Материалы международного круглого стола с онлайн-участием (13 декабря 2019 г., Россия, Тюмень). Тюмень: Агат. С. 83–88.
- Попова Ю. П. 2020б. Уголовная ответственность за незаконную трансплантацию // Судья. № 2(110). С. 38–41.
- Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года. Разработан Минэкономразвития России совместно с Центробанком // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_312165](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312165) (дата обращения: 20.03.22).
- Путило Н. В. (ред.). 2019. Правовое регулирование трансплантации в Российской Федерации: науч.-практ. пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М.
- Совместные рекомендации по применению Соглашения между Российской Федерацией и Европейским сообществом об упрощении выдачи виз гражданам Российской Федерации и Европейского союза от 25 мая 2006 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_374063](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374063) (дата обращения: 21.03.22).
- Стамбульская декларация о трансплантационном туризме и торговле органами. Принята участниками Стамбульского Саммита 30 апреля — 2 мая 2008 года. URL: [https://transpl.ru/files/npa/stambul\\_skaya\\_deklaraciya.pdf](https://transpl.ru/files/npa/stambul_skaya_deklaraciya.pdf) (дата обращения: 11.02.22).

- Тюменских врачей обвинили в неоказании помощи пациенту ради трансплантации органов. 2019 // Накануне.RU. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2019/09/23/22553496> (дата обращения: 12.03.22).
- Тюменскую больницу второй раз обвинили в изъятии органов у пациентов. 2019 // РИА URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052401372> (дата обращения: 12.03.22).
- Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V. URL: [https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj\\_kodeks.htm](https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj_kodeks.htm) (дата обращения: 08.01.22).
- Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 г. № 985. URL: <http://lex.justice.md/ru/331268/> (дата обращения: 08.01.22).
- Хабриева Т. Я. 2014. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал российского права. № 8(212). С. 5–15. <https://doi.org/10.12737/5271>
- Хромова Н. М. 2019. Уголовная ответственность в сфере медицинской деятельности: правовая практика и тенденции законодательства // Журнал российского права. № 6(270). С. 97–110.
- Budiani-Saberi D. A., Delmonico F. L. 2008. Organ trafficking and transplant tourism: a commentary on the global realities // American Journal of Transplantation. No. 8. Pp. 925–929. <https://doi.org/10.1111/j.1600-6143.2008.02200.x>
- Fisher E. S. 2006. Paying for Performance — Risks and Recommendations // New England Journal of Medicine. Vol. 355. No. 18. Pp. 1845–1847. <https://doi.org/10.1056/NEJMp068221>
- Kelly E. 2013. Medical tourism // WHO Patient Safety Program. URL: [https://www.who.int/global\\_health\\_histories/seminars/kelley\\_presentation\\_medical\\_tourism.pdf](https://www.who.int/global_health_histories/seminars/kelley_presentation_medical_tourism.pdf) (дата обращения: 22.06.2023).

## References

- Rambler/doctor. (2019). In Tyumen, doctors were accused of illegal organ transplantation. *Rambler/doctor*. Retrieved Jun. 18. 2023 from <https://doctor.rambler.ru/news/42875179-v-tyumeni-vrachej-obvinili-v-nezakonnoy-transplantatsii-organov> [In Russian]
- REN TV. (2016). The doctor told how Russians became kidney incubators for Turks. *REN TV*. Retrieved Jun. 18. 2023 from <https://ren.tv/news/v-rossii/90263-vrach-rasskazal-kak-rossiiane-stali-inkubatorami-pochek-dlia-turok> [In Russian]
- Gauthier, S. (2016). Transplant tourism is a special type of medical tourism that is associated with crime. *REN TV*. Retrieved Jun. 18. 2023 from <https://ren.tv/news/v-rossii/90270-sergej-gote-transplantatsionnyi-turizm-osobyi-vid-meditsinskogo-turizma-kotoryi-svazan-s-kriminalom> [In Russian]
- Gauthier, S. (2020). Transplantation — a chance for a second life. *Rossiyskaya gazeta*. Retrieved Jun. 18. 2023 from <https://rg.ru/2020/01/13/sergej-gote-deficit-donorskih-organov-sozdaetsia-iskusstvenno.html>. [In Russian]
- Kalmykov, N. N., & Lazarev, E. (2018). On the status and development of medical tourism in the Russian Federation. *RANEPА*. Retrieved Jun. 22, 2023 from <https://www.ranepa.ru/images/News/2018-03/30-03-2018-3-medturizm.pdf>. [In Russian]
- Kleimenov, M. P. & Senokosova, E. K. (2017). Threats to criminological security of the medical care system and their classification. *Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal*, 11(4), 696–705. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(4\).696-705](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(4).696-705) [In Russian]

- Latov, Yu. V. (2008). Criminal transplantation — smoke almost without fire. *Proceedings of the Internet Conference "Health Protection: Problems of Organization, Management, and Levels of Responsibility. 2007, Russia*. [In Russian]
- OKB No. 1. (n.d.). Medical Tourism. *OKB No. 1*. Retrieved Jun. 18. 2023 from <https://www.tokb.ru/patsientam/meditsinskiy-turizm/> [In Russian]
- On Amendments to Art. 127.1 of the RF Criminal Code, No. 218-FZ (2008). *Rossiyskaya gazeta*, (245). [In Russian]
- On the Donation of Human Organs and Their Transplantation, Draft (2014). Retrieved Jun. 18. 2023 from <https://minzdrav.gov.ru/documents/8145> [In Russian]
- On National Goals and Strategic Objectives of the RF Development until 2024, RF President Decree, No. 204 (2018). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (20), art. 2817. [In Russian]
- On Burial and Funeral Business, No. 8-FZ (1996). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (3), art. 146. [In Russian]
- On organ transplantation and (or) Human tissues, No. 4180-1 (1992). *Vedomosti Syezda ND RF i VS RF*, (2), art. 62. [In Russian]
- On the basics of protecting the health of citizens in the RF, No. 323-FZ (2011). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (48), art. 6724. [In Russian]
- On approval of the list of healthcare institutions engaged in the collection, harvesting and transplantation of human organs and (or) tissues, RF Ministry of Health, RAS, No 515n/1 (2021). Retrieved Jun. 18. 2023 from <https://docs.cntd.ru/document/603734070?marker=6500IL> [In Russian]
- On approval of the action plan for the implementation of the Strategy for the Development of Healthcare in the RF until 2025, RF Government, No. 3155-r (2020). Retrieved Jun. 18. 2023 from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012010027> [In Russian]
- On the approval of the Strategy for the Development of services exports until 2025, RF Government, No. 1797-r (2019). Retrieved Jun. 18. 2023 from [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_331686](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331686) [In Russian]
- Popova, Yu. P. (2019). The need to improve criminal legislation for violating the conditions and procedure for transplantation of human organs or their parts. *Ural'skij zhurnal pravovyx issledovaniy*, (5), 647–660. [In Russian]
- Popova, Yu. P. (2020a). The need to establish criminal liability for socially dangerous acts of doctors pursuing the goal of carrying out illegal transplantation. *Proceedings of an Online Seminar "Problemy zashchity prav cheloveka v Rossijskoj Federatsii i Respublike Kazakhstan," Russian* (pp. 83–88). [In Russian]
- Popova, Yu. P. (2020b). Criminal liability for illegal transplantation. *Sudya*, (2), 38–41. [In Russian]
- RF Ministry of Economic Development. (2018). *Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2036*. Retrieved Jun. 18. 2023 from [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_312165](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312165) [In Russian]
- Putilo, N. V. (Ed.). (2019). *Legal Regulation of Transplantation in the Russian Federation*. NITs INFRA-M. [In Russian]
- RF, EC. (2006). *Joint recommendations on the application of the Agreement between the Russian Federation and the European Community on the Simplification of the Issuance of Visas to Citizens*

- of the Russian Federation and the European Union*. Retrieved Jun. 18. 2023 from [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_374063](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374063) [In Russian]
- International Summit on Transplant Tourism and Organ Trafficking. (2008). The Declaration of Istanbul on Organ Trafficking and Transplant Tourism. Retrieved Jun. 18. 2023 from [https://transpl.ru/files/npa/stambul\\_skaya\\_deklaraciya.pdf](https://transpl.ru/files/npa/stambul_skaya_deklaraciya.pdf). [In Russian]
- Nakanune.RU. (2019). Tyumen doctors were accused of not helping a patient for organ transplantation. *Nakanune.RU*. Retrieved Jun. 18. 2023 from <https://www.nakanune.ru/news/2019/09/23/22553496> [In Russian]
- URA.RU. (2019). Tyumen hospital was accused for the second time of removing organs from patients. *URA.RU*. Retrieved Jun. 18. 2023 from <https://ura.news/news/1052401372> [In Russian]
- Criminal Code, Republic of Kazakstan, No. 226-V (2014). Retrieved Jun. 18. 2023 from [https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj\\_kodeks.htm](https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj_kodeks.htm) [In Russian]
- Criminal Code, Republic of Moldova, No. 985 (2002). Retrieved Jun. 18. 2023 from <http://lex.justice.md/ru/331268/> [In Russian]
- Khabrieva, T. Ya. (2014). The main vectors and problems of the development of social legislation. *Zhurnal Rossijskogo prava*, (8), 5–15. <https://doi.org/10.12737/5271> [In Russian]
- Khromova, N. M. (2019). Criminal liability in the field of medical activity: legal practice and trends of legislation. *Zhurnal Rossijskogo prava*, (6), 97–110. [In Russian]
- Budiani-Saberi, D. A., Delmonico, F. L. (2008). Organ trafficking and transplant tourism: a commentary on the global realities. *American Journal of Transplantation*, (8), 925–929. <https://doi.org/10.1111/j.1600-6143.2008.02200.x>
- Fisher, E. S. (2006). Paying for Performance — Risks and Recommendations. *New England Journal of Medicine*, 355(18), 1845–1847. <https://doi.org/10.1056/NEJMp068221>
- Kelly, E. (2013). *Medical tourism*. WHO Patient Safety Program, Oct. 2, 2013. Retrieved Jun. 22, 2023 from [https://www.who.int/global\\_health\\_histories/seminars/kelley\\_presentation\\_medical\\_tourism.pdf](https://www.who.int/global_health_histories/seminars/kelley_presentation_medical_tourism.pdf)

## Информация об авторе

Юлия Павловна Попова-Логачева, кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовно-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия [popova1976@yandex.ru](mailto:popova1976@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2323-6417>

## Information about the author

*Yulija P. Popova-Logacheva*, Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, University of Tyumen, Tyumen, Russia [popova1976@yandex.ru](mailto:popova1976@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2323-6417>

## Человеческие ресурсы с высоким потенциалом в новых экономических условиях: проблемы управления в системе территориального маркетинга

Людмила Михайловна Симонова✉, Анна Сергеевна Зырянова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
Контакт для переписки: l.m.simonova@utmn.ru✉

**Аннотация.** Геополитические события и новая экономическая реальность значительно изменили рынок труда и практику управления персоналом, выдвинув в разряд особо значимых категорию талантов — ценных сотрудников с высоким потенциалом. Целью работы является формирование концепции управления человеческими ресурсами с высоким потенциалом в системе территориального маркетинга региона (на примере Тюменской области). В «войне за таланты» регионы традиционно конкурируют за молодежь и молодые семьи с детьми. С учетом двух волн релокаций к категории основных целевых групп следует отнести и мигрантов — бывших жителей региона, проживающих ныне за пределами региона или страны. Именно эта целевая группа находится в фокусе исследования, формируя значимые для региона элементы системы управления талантливыми сотрудниками и ее взаимодействия с факторами внешней среды (регионом). По этой группе был проведен онлайн-опрос (более 100 респондентов), который выявил перспективы участия представителей этого сегмента целевой группы «таланты» в экономике региона и заложил основу бренд-платформы Тюменской области для данной целевой аудитории. В систему управления данным сегментом предложено интегрировать такие инструменты HR-маркетинга, как EJM (Employee Journey Map), EX (Employee Experience) и ERM (Employee Relationship Management).

**Ключевые слова:** человеческий капитал, человеческие ресурсы с высоким потенциалом, управление талантами, региональная конкурентоспособность, территориальный маркетинг, новые экономические условия

**Цитирование:** Симонова Л. М., Зырянова А. С. 2023. Человеческие ресурсы с высоким потенциалом в новых экономических условиях: проблемы управления

в системе территориального маркетинга // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 157–177. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-157-177>

Поступила 20.02.2023; одобрена 16.03.2023; принята 16.03.2023

## High-potential human resources under the new economic conditions: issues of management in the place marketing system

Lyudmila M. Simonova<sup>✉</sup>, Anna S. Zyrianova

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: [l.m.simonova@utmn.ru](mailto:l.m.simonova@utmn.ru)<sup>✉</sup>

**Abstract.** The latest geopolitical events and the new economic reality have significantly altered the labour market and human resource management practices, highlighting “talent”, i. e. high-potential professionals, as a strategically important category. This work aims to form the concept of high-potential human resource management in the system of place marketing of the region (the Tyumen Region was taken as an example). In the “war for talents,” regions traditionally compete for youth and young families with children. Considering the two recent waves of relocation, migrants — former residents of the region who now live outside the region or country — should be considered as an important target group. The online survey, carried out for more than 100 ex-residents of the Tyumen Region, has revealed the prospects of their participation in the regional economy and built the basis of the brand platform of the Tyumen Region for this target audience. It is proposed to integrate such HR-marketing tools as EJM (Employee Journey Map), EX (Employee Experience), and ERM (Employee Relationship Management) into the management system for this segment.

**Keywords:** human capital, high-potential human resources, talent management, regional competitiveness, place marketing, the new economic conditions

**Citation:** Simonova, L. M. & Zyrianova, A. S. (2023). High-potential human resources under the new economic conditions: issues of management in the place marketing system. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 157–177. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-157-177>

Submitted Feb. 20, 2023; Reviewed Mar. 16, 2023; Accepted Mar. 16, 2023

## Введение

Геополитические события и новая экономическая реальность значительно изменили рынок труда и практику управления персоналом, выдвинув в разряд особо значимых категорию «талантов» — ценных сотрудников с высоким потенциалом. Это, безусловно, мировой тренд, который в силу ряда причин приобретает особую актуальность и в России. В их числе следует назвать проведение специальной военной операции и частичной мобилизации, ужесточение санкционных режимов, массовую релокацию персонала и бизнесов, в результате которой только по официальным данным Минцифры в 2022 г. около 100 тыс. ценных IT-специалистов уехали из России, что составляет 10% от общего числа сотрудников. Это требует всемерной политики импортозамещения по всем направлениям, в т. ч. в сфере HR и IT, и поиска новых подходов к подбору и управлению персоналом как на макро-, так и на микроуровне, при этом подлинный прорыв и высокий экономический рост обеспечиваются не числом и степенью образованности людей среднего уровня, а качеством человеческого капитала высшего уровня — талантливых и особо ценных сотрудников с высоким потенциалом.

Цифровая трансформация открывает широкие возможности для бизнеса и обеспечивает взрывной рост экономики. Вместе с тем, зачастую технологическая и цифровая трансформация не подкрепляется соответствующей динамикой производительности труда и качественного изменения человеческих ресурсов, что находит отражение в известном «парадоксе производительности», сформулированном Р. Солоу на основе анализа эмпирических данных [Solow, 1957].

Этот разрыв между технологическим и человеческим факторами производства обнаруживает себя в обострившейся проблеме дефицитности ценных кадров — 45% работодателей в мире не могут найти подходящего специалиста, поскольку сотрудников нужной квалификации на рынке просто нет, даже в многонаселенном и быстроразвивающемся Китае («парадокс талантов») [Виноградова, 2019], в практике переманивания ценных кадров конкурентами (executive search), в нарастающем дисбалансе между стратегическими рабочими местами и уровнем квалификации и производительности труда работников. По данным Boston Consulting Group, более 80% трудоспособного населения России не имеют навыков и компетенций для работы на современных рынках [Каныгин, 2018]. Данные ресурсные ограничения в отношении качества и предложения человеческих ресурсов в России усугубляются последствиями «демографической и квалификационной ямы», долговременной утечкой мозгов за рубеж [Виноградова, 2019], нарастанием степени дифференциации регионов и усилением межрегиональной конкуренции за инвестиции и человеческие ресурсы.

Наличие квалифицированной рабочей силы и ее потенциал выступает критическим фактором, формирующим устойчивый интерес инвесторов к определенному региону, перекрывающим по значимости такие традиционно весомые факторы регионального выбора, как транспортно-логистическая инфраструктура, доступность рынков сбыта и инвестиционный климат, а также налоговые преференции. Именно он задает целевой ориентир деятельности управленческих команд регионов и оценки их эффективности [КРІ для регионов, 2019].

Как в мире, так и в России разворачивается настоящая «война за таланты». На мезо-уровне эта война приобретает свои особенности, но не снижает своего накала. Ее движущими силами становятся цифровая трансформация, растущий спрос на таланты и мобильность квалификационных навыков. В этих условиях задачей региональных правительств становится выработка механизмов сохранения, удержания, накопления, развития и воспроизводства человеческого капитала на своей территории. Особенно важно выполнение этой задачи в отношении человеческих ресурсов с высоким потенциалом.

В связи с этим целью работы является формирование контуров концепции управления человеческими ресурсами с высоким потенциалом в системе территориального маркетинга регионов.

### **Теоретические рамки исследования**

Традиционно в теории организационного развития, стратегического и HR-менеджмента, региональной экономики и экономики развития самостоятельный исследовательский интерес представляла проблема аккумуляции и качества человеческого капитала на микро-, мезо- и макроуровне и его конвертации в конкурентное преимущество фирмы, региона, нации и страны в целом [Helfat и др., 2007; Gennaioli и др., 2013]. В связи с этим общая научная задача, на которую нацелено исследование, заключается в изучении механизмов влияния человеческого капитала и психологических свойств людей на социально-экономическое развитие регионов. Методологической предпосылкой при этом выступает человекоцентричный подход и положение о принципиальной зависимости результатов деятельности любого субъекта экономики (фирма, регион, нация и др.) от объема и качества человеческих ресурсов.

Для конкурентоспособности региональной экономики наиболее важное значение имеет именно качественная сторона человеческих ресурсов и степень их взаимосвязи. Достаточно узкая группа высококвалифицированных людей обладает значительным потенциалом влияния на нее. Отталкиваясь от философии управления человеческим капиталом, основанной на сильных его сторонах (*strengths-based philosophy*), нашей задачей становится выделение подобных «экономических агентов», групп людей, обладающих высокими запасами человеческого капитала, и проецирование их воздействия на региональное развитие, т. е. управление талантами в региональном контексте. Методологической основой при этом выступает теория факторов производства и ресурсная экономическая школа [Penrose, 1959; Barney, 1991], с позиции которой таланты выделяются в особую ресурсную группу, трудно воспроизводимую, но уникальную по свойствам и критическую с точки зрения достижения конкурентных преимуществ. Таковыми их делает уникальная комбинация индивидуально-личностных и социальных характеристик, формирующая степень их востребованности (конъюнктуры) в социуме.

Разработка проблематики талантов, их специфики и особых характеристик, классификации и значения для конкурентоспособности организаций в последнее время получила широкое распространение в зарубежной и отечественной научной литературе и формирует современную повестку мировых научных исследований. На основе обобщения



наиболее авторитетных источников в этой области, закладывающих основы системы управления талантами, выявления базовых характеристик этой категории [Casse, 1994; Cappelli, 2008; Collings, Mellahi, 2009; Malik, Singh, 2014], а также дальнейшего развития теории в направлении систематизации и классификации талантов [Cascio, Boudreau, 2015; Kontoghiorghes, 2016; McDonnell и др., 2017] внесем терминологическую ясность в базовые понятия.

Таланты — это высокоресурсные работники, способные улучшить результаты деятельности региона или прямо сейчас, за счет своего непосредственного вклада, или в долгосрочной перспективе, благодаря своему высочайшему потенциалу. В мировой практике таких сотрудников называют HiPo (High Potential) и в теории стратегического менеджмента человеческих ресурсов (SHRM) относят к категории стратегического капитала. Следовательно, основными понятиями, которыми следует в этом случае оперировать, становятся таланты как особые высокоресурсные группы и стратегический человеческий капитал — это люди, которые могут повлиять на общество, лидеры интеллектуального и социального развития [Czaller, 2017].

В научной литературе идентификация талантов является дискутируемой темой: распространенной является точка зрения на выделение талантливых сотрудников в достаточно узкую группу HiPo и отождествление их с лидерами [Björkman и др., 2013; Swailes, 2013; Dries 2013]; однако правомерно и рассмотрение высоко потенциальных и/или высокопроизводительных сотрудников обобщенно, не прибегая к данному сегментированию [Dries 2013]; или же вообще в расширительной трактовке, распространяя HiPo на всех работников. Целям данного исследования в наибольшей степени отвечают расширительные трактовки данного понятия.

Управление талантами — это разновидность HR-менеджмента, включающая процессы поиска, привлечения, удержания и использования работников с высоким потенциалом для развития бизнеса, территории, региона. Примечательно, что основной упор при этом делается на тех сотрудниках, которые имеют значительную текущую ценность или высокий потенциал и концентрируются на решении задач стратегического уровня, что является залогом эффективности: в этом смысле талант управляет эффективностью.

Управление талантом включает следующие стадии: поиск талантов, приобретение талантов, применение талантов и развитие талантов.

Очертим некоторые контуры концепции управления талантами в регионе. В предлагаемой интерпретации она включает:

- определение базовых категорий — таланты и управление талантами;
- выявление ключевых факторов влияния на управление талантами;
- механизмы формирования среды как инструмента управления талантами в регионе;
- выявление особенностей мотивации в системе управления талантами;
- изучение взаимосвязи человеческого капитала и конкурентоспособности региона.

В новых экономических условиях региональной и глобальной конкуренции система управления талантами и ее «архитектура» предопределяет стратегический успех и уро-

вень эффективности, выступая в качестве самостоятельного вызова как для менеджмента компаний, так и региональных властей, что получило теоретическое обоснование в исследованиях [Boudreau и др., 2003; Björkman и др., 2013; Sparrow, Makram, 2015; Marler, Boudreau, 2017].

Следующие факторы, на наш взгляд, предопределили переоценку и выдвижение талантов в группу приоритетов: цифровизация экономики и диджитализация знаний, неизбежное нарастание разрыва между знаниями и практикой; снижение значимости высшего образования и появление так называемых «новых воротничков»; гибридизация и появление новых профессий, смена запросов и трансформация в триаде *hard skills* — *soft skills* — *power skills*, распространение экосистемного и экологического мышления и др. Рассмотрим некоторые из перечисленных факторов.

Нарастает разрыв между приобретаемыми знаниями и реальной практикой. Всемирная цифровизация значительно ускоряет процесс генерирования и обретения новых знаний настолько, что решающим навыком становится не способность обретать новые знания, а избавляться от устаревших и усваивать новые парадигмы. Указанные процессы снижают значимость и престижность высшего образования, поскольку ключевым требованием выступает не столько академический бэкграунд кандидата, наличие высшего образования, сколько его профессиональный опыт и обладание определенным набором навыков.

Наряду с традиционным делением рабочей силы на «белые и синие воротнички» появляется категория «новые воротнички», которая предусматривает создание рабочих мест в таких областях, как кибербезопасность, искусственный интеллект, анализ больших данных, когнитивный бизнес для кандидатов с любым бэкграундом и любым уровнем образования, но с особыми способностями и навыками в области информационных технологий. Так, в подразделениях компании IBM на территории США до 1/3 сотрудников не имеют никакой академической степени [Веселко, 2020].

Концепция новых воротничков, обладающих цифровыми навыками, но безразличная к их академическому уровню требует новых возможностей и моделей обучения, усиливает ориентацию на поиск и аккумуляцию талантов. При этом требуемый набор навыков быстро меняется, за последние 5 лет 37% навыков претерпели замену. На основе анализа 228 млн объявлений о вакансиях за последние 7 лет, Институт Burning Glass в 2022 г. выявил четыре самых быстро растущих и распространенных в широком спектре отраслей наборов навыков, которые являются наиболее востребованными и открывают самые большие перспективы для талантливых работников на ближайшие десятилетия. К ним относят: 1) облачные вычисления; 2) искусственный интеллект и машинное обучение; 3) управление продуктом и 4) социальные медиа [МакГрегор, 2023].

При этом меняется приоритетность самих типов навыков: в последнее десятилетие преимущественно акцент делался на развитии так называемых «мягких навыков»; радикальные же изменения на рынке труда в новой экономической реальности сделали опять чрезвычайно востребованными *hard skills*, которые и выступают критериями при отборе высококвалифицированных сотрудников. Одновременно с запросом на антикризисный менеджмент в организациях лидирующие позиции при поиске, отборе, удержании

талантливых сотрудников отводятся также навыкам силы — *power skills*, к которым относят стратегическое мышление и совместное управление, способность эффективно налаживать коммуникацию и разрешать возникающие проблемы. Запрос на эту группу навыков формируется, прежде всего, в производственной сфере, энергетических и телекоммуникационных отраслях и ИТ — секторе [Power Skills, 2023].

Для данного исследования уровнями, наиболее значимыми для создания, воспроизводства и развития стратегического человеческого капитала, являются мезо— и микроуровень. Следовательно, в качестве объектов исследования выступают экономические агенты (фирмы, организации, физические лица), а прежде всего, HiPo-работники и регион, который создает условия как пространство мест для реализации доминантных функций в сетевом обществе (по М. Кастельсу: финансовые рынки, информационные сети, сетевые формы управления и др.). Именно регион обеспечивает это пространство мест и создает среду формирования, накопления и воспроизводства стратегического человеческого капитала. В связи с чем, региональный контекст, т. е. вся совокупность факторов среды, влияющей на управление талантами [Vaiman и др., 2012], превращается в самостоятельную единицу анализа. В парадигме стратегического менеджмента региональный контекст формирует как условия, так и результаты стратегического управления человеческим капиталом [Brewster, 1999].

Среда в талант-менеджменте — это совокупность механизмов, с помощью которых создаются особые условия и реальность, способствующие развитию и эффективной работе талантов. Региональная среда выступает в качестве необходимого инструмента управления талантами. Ее необходимо специально формировать и культивировать, причем главным образом из нематериальных компонентов (возможности обучения, развития, реализации, комфортные условия и т. п.), этот набор механизмов для каждого региона свой, но без нее неизбежна утечка талантов из региона и невозможно растить таланты.

Однако типичной проблемой регионального управления является не только дисбаланс между требуемыми и предлагаемыми компетенциями и нехватка талантов, но и отсутствие знаний в отношении того, как ими управлять.

Данный аспект, который определяет методологическую специфику исследования, и отражает взаимодействие региональной среды и управления талантами, реализуется в системе территориального маркетинга. Основные теоретические аспекты территориального маркетинга и брендинга разработаны в трудах таких ученых, как Ф. Котлер, С. Анхольт, С. Райнисто, П.-П. Пере, М. Андерссон, Дж. Траут, Э. Райс и др [Rein и др., 1993; Anholt, 2002; Rainisto, 2003; Pere, 2018].

В последнее время на рынке человеческих ресурсов наступила эпоха власти работника. Сказанное распространяется и на высокопотенциальных жителей регионов, в особенности провинциальных. Основным фактором выбора становится перспективность региона с точки зрения возможностей самореализации и обеспечения требуемого уровня жизни. Таким образом, территория становится, с одной стороны, продуктом, который, как говорят маркетологи, должен быть «хорошо упакован», чтобы стать привлекательным для потенциальных «клиентов»; а с другой стороны — брендом с продуманной системой коммуникации.

Концепция управления талантами в качестве необходимого компонента предполагает и новую систему мотивации. Трансформацию систему мотивации применительно к талантливым сотрудникам детально исследовал американский теоретик менеджмента Дэниел Пинк [Пинк, 2013].

Традиционная система Мотивация 2.0 основана преимущественно на внешней мотивации при решении рутинных задач и транслирует простую идею: вознаграждать за хорошее и наказывать за плохое (основные инструменты — кнут и пряник) в отличие от прежней системы 1.0, где основной мотив — выживаемость. Однако при решении нестандартных задач и выполнении работы, требующей творческого подхода и изобретательности, рекомендуется основной упор делать на элементах не внешней, а глубокой внутренней мотивации — самостоятельности (автономности), мастерстве и целеустремленности, что отвечает врожденной психологической потребности человека в свободе, компетентности и взаимосвязи с другими людьми.

В управлении талантами следует сконцентрироваться как раз на создании условий, максимально удовлетворяющих потребности и приносящим удовольствие от работы. Но для этого должны быть гарантированы базовые материальные условия жизни (безопасность, комфортное место и условия проживания, качественное медобслуживание, обучение и т. п.) на сопоставимом с зарубежным уровне. В системе Мотивации 3.0 организации платят HiPo столько и таким образом, что позволяет абстрагироваться от «базового вознаграждения» и полностью сконцентрироваться на работе. Другими словами, правильный подход к деньгам заключается в том, что деньги как таковые снимаются с повестки дня, поскольку чрезмерная забота о них подавляет свободное творчество и снижает продуктивность.

Таким образом, система Мотивация 3.0 основана на трех руководящих принципах:

1. Самостоятельность (автономия) как желание управлять собственной жизнью.
2. Мастерство как стремление бесконечно совершенствоваться в каком-то важном деле.
3. Целеустремленность как движение к возвышенной цели и стремление управлять своей жизнью, развивать свои способности и вести жизнь, в которой есть предназначение и смысл [Пинк, 2013].

Подобная система мотивации позволит удерживать HiPo сотрудников и значительно повысить эффективность их работы, создавая им адекватные условия для жизни и работы, предоставляя свободу и пространство для самостоятельного принятия решений и запуская долгосрочные амбициозные проекты на перспективу.

Управленческие команды регионов конкурируют за целевые группы потребителей ресурсов территории как драйверов регионального развития и привлечения на территорию новых ресурсов (капитал, информация, и др.), которыми обладают целевые группы. Ужесточение межрегиональной конкуренции — одна из объективно существующих угроз уже сейчас — делает необходимым интегрирование инструментов территориального маркетинга в систему управления конкурентоспособностью региона. В отношении управления таким сегментом целевой аудитории, как человеческие ресурсы с высоким потенциалом, целесообразно, на наш взгляд, использование следующих специальных

инструментов HR-маркетинга: EJM (Employee Journey Map), EX (Employee Experience) и ERM (Employee Relationship Management).

В «войне за таланты» следующие целевые «мишени» являются объектом наиболее острой межрегиональной конкуренции: воспроизводство, сохранение и привлечение нового населения; трудовых ресурсов; высококвалифицированных кадров; удержание и привлечение молодежи и молодых семей с детьми; наличие и размещение новых высших учебных заведений, развитие образования и здравоохранения как отраслей специализации и др. К категории основных целевых групп следует отнести и мигрантов — бывших жителей региона, сменивших место жительства и проживающих ныне за пределами региона или страны. Именно эта целевая группа находится в фокусе исследования, формируя значимые элементы региональной системы управления талантами и ее взаимодействия с факторами внешней среды (регионом). По этой группе и был проведен опрос. Региональный контекст исследован на примере Тюменского региона.

## Материалы и методы исследования

В исследовании предпринимается попытка доказать состоятельность гипотезы о том, что одним из недооцененных ресурсов регионов являются таланты — бывшие жители этих регионов, мигрировавшие в крупные города России и за рубеж. С целью оценки потенциала возвращения релокантов в экономику региона средствами территориального маркетинга была разработана форма онлайн-опроса на базе Google Forms. Далее была составлена база респондентов — бывших жителей Тюменской области, опрос пересылался через личную сеть контактов подходящим для исследования людям в социальных сетях и по электронной почте.

Первый этап опроса был проведен в июне 2020 г., когда последствия пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 существенно изменили экономическую и социальную реальность в стране и в мире. Было собрано и проанализировано 109 анкет респондентов.

Второй этап анкетирования был осуществлен в марте 2023 г., когда под влиянием новых обстоятельств, связанных с проведением СВО на территории Украины, произошел отток высокопотенциальных человеческих ресурсов из России. И хотя в большей степени это коснулось крупных городов, было найдено и опрошено 33 новых респондента — релокантов из Тюменской области. В общей сложности в опросе приняли участие 141 «бывших» тюменцев.

В ходе подготовки анкеты выделены следующие задачи:

- выявить существенных для исследования социально-демографических особенностей группы опрошенных (пол, возраст, семейное положение, уровень образования, характер профессиональной деятельности, источники дохода);
- изучить влияние срока давности переезда на оценку респондентом вероятности возвращения, в т. ч. в динамике (2020 и 2023 г.);
- оценить уровень удовлетворенности респондентов текущей жизнью (качество жизни, уровень доходов);

- выявить наличие/отсутствие связей с Тюменской областью в данный момент (вопросы: Связана ли Ваша текущая деятельность с Тюменской областью?; Остались ли у Вас близкие родственники в Тюменской области?; Поддерживаете ли Вы связь с жителями Тюменской области? Как часто Вы приезжаете в Тюменскую область?);
- выяснить мотивы миграции;
- оценить мнение респондента о Тюменской области;
- составить перечень факторов привлекательности Тюменской области в качестве территории постоянного или временного пребывания на основе мнения человеческих ресурсов с высоким потенциалом (вопросы: Какой был основной мотив Вашего переезда? Посоветуете ли Вы Тюменскую область для посещения и проживания? Как Вы охарактеризуете Тюменскую область тем, кто не имеет о ней представления?).

## Результаты

Основную массу (70,9% опрошенных) составили люди в возрасте от 31 до 45 лет, 15,6% — возрастная группа 26–30 лет, 8,5% — младше 26 лет, 5% — люди старше 45 лет. Женщины составили 73% из общего числа опрошенных, мужчины — 27%. Данная группа опрошенных может в полной мере представлять целевую группу «Таланты», т. к. 55,3% опрошенных имеют одно высшее образование, 30,5% — более одного высшего образования, 6,4% — имеют ученую степень кандидат наук, 0,7% — доктор наук, 5% — незаконченное высшее образование (в настоящее время — студенты ВУЗов) и 2,1% — среднее специальное образование.

По характеру профессиональной деятельности опрошенные распределились на следующие группы: 54,5% — работа в найме (офисная работа, другая работа в государственных и негосударственных учреждениях); 21,3% — предпринимательская деятельность (предприниматели, самозанятые, стартапы), 6,4% — творческая деятельность; 2,8% — научно-исследовательская деятельность; 8,5% — не работают (декрет, пенсия, домохозяйка); 7,1% — учатся. Часть респондентов совмещают несколько видов деятельности. При этом 76,7% самостоятельно обеспечивают свое существование; 23,3% зависят от супругов или родителей.

Таким образом, только 15,6% респондентов не осуществляют профессиональную деятельность, 92,1% активно вовлечены в разные сферы экономики, а, значит, приобретают ценный опыт, развивают свой человеческий потенциал.

Чтобы понять тенденции в географии миграции, выборка должна быть, безусловно, масштабнее, однако и она позволяет сделать некоторые выводы. Особенно примечательны отличия между респондентами, принимавшими участие в первой и во второй волне исследования. Из опрошенных в 2020 г. 64% составила межрегиональная миграция (с преобладанием крупных городов и севера Тюменской области), 22% — страны Европы; 3% опрошенных переехали в страны Северной Америки (США, Канада), 8% — прочие страны мира (Армения, ОАЭ, Египет, Турция, Китай, ЮАР). В 2023 г. в связи

с изменившейся геополитической обстановкой Европа стала практически недоступной (12% среди уехавших за последний год), 33,3% опрошенных мигрантов уехали в такие страны, как Казахстан, Турцию, ОАЭ. При этом по-прежнему популярной остается идея переехать в крупные города России (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург, Сочи) — 30%.

Соответственно, проблема оттока перспективной молодежи из Тюменской области в крупные города России остро стояла в 2020 г., но и в 2023 г. она не теряет актуальности, несмотря на сложную политическую и экономическую обстановку в мире. Именно с этими регионами и необходимо выстраивать конкурентную стратегию Тюменской области. Конкурировать со столицами на данный момент Тюмень не может ни по уровню развития креативной среды (часть респондентов отмечают, что в Тюмени «скучно», «нечего делать», «некуда сходить», «нет перспектив развития»), ни по уровню доходов (50,2% респондентов назвали основным мотивом релокации перспективы карьерного роста и желание зарабатывать больше).

Среди уехавших за рубеж в 2020 г. большинство отмечали как значимые факторы выбора высокий уровень комфорта и развития инфраструктуры стран Европы и Северной Америки, привлекательный климат теплых стран. В 2023 г. страны Европы стали менее привлекательными и доступными для переезда, а основной причиной релокации в другие страны респонденты стали называть восприятие России как небезопасного места для проживания и ведения бизнеса, а также ощущение «отсутствия перспектив». 15% будут готовы рассмотреть перспективу возвращения только в случае изменения политической обстановки, 39,4% оценивают вероятность своего возвращения как маловероятную, а 24,3% не вернутся ни при каких обстоятельствах. Соответственно, на данном этапе единственной верной стратегией взаимодействия с «зарубежными» мигрантами будет не давление, не конкуренция, а партнерство. При этом вовлечение их в деятельность региона может быть реализовано дистанционно.

Очевидно, что лояльность снизилась не только в связи с изменившейся политической обстановкой, скорее за последние три года произошло еще большее социальное расслоение человеческого капитала региона. Люди с высоким уровнем ожиданий, амбиций, хорошим уровнем образования и развитыми навыками адаптации (скачок развития этих навыков пришелся на период пандемии) стали более мобильными. В платежеспособном образованном слое общества произошла переоценка ценностей по многим параметрам: то, что традиционно удерживало, делало привлекательной жизнь в регионе, резко стало неактуальным. Родителей школьников больше не пугает перспектива семейного и дистанционного образования для детей — стала очевидной необходимость брать в свои руки подбор репетиторов и обеспечение усвоения образовательной программы; снизилась ценность получения традиционного высшего образования как основного блага для молодежи; навыки, которые приобретаются в течение 2–6 месяцев, позволяют молодым людям хорошо зарабатывать в интернете; существенно повысилась доступность изучения английского языка как базового условия успешной коммуникации в другой стране; российские сообщества экспатов крепнут, становятся своеобразными центрами адаптации новых мигрантов; существенно проще и реальнее проходит релокация бизне-

са. Все эти факторы делают задачу повышения привлекательности Тюменской области для данной целевой группы еще более сложной, что, однако, не означает, что борьба за таланты становится бесперспективной. Значимость аккумулирования человеческого капитала высокого качества в экономике региона нельзя недооценивать в периоды нестабильности и преодоления кризиса.

Несмотря на то, что проведение специальной военной операции на территории Украины вызвало рост оттока талантливых людей из многих регионов России, в т. ч. и из Тюменской области, 36,4% опрошенных в 2023 г. считают возможным свое возвращение на родину, особенно если получают выгодное предложение по работе, за счет которого смогут решить свои финансовые проблемы (например, приобрести собственное жилье). Стоит отметить, что сейчас (даже не считая степень лояльности к родному региону) деятельность 81,6% респондентов никак не связана с Тюменской областью, что является недооцененным ресурсом региона. Вовлекать в амбициозные проекты в первую очередь следует тех, кто еще поддерживает прочную связь с регионом и в целом готов вернуться. И здесь у Тюменской области есть неплохая основа для формирования бренд-платформы, которая могла бы позволить сделать регион привлекательным местом применения талантов для амбициозных мигрантов.

Во-первых, 100% респондентов поддерживают связи с друзьями и бывшими коллегами — жителями Тюменской области; у 97% в Тюменской области остались близкие родственники; только 5% не приезжают в Тюменскую область с тех пор, как переехали, остальные регулярно приезжают (38,2% — более 2 раз в год, 38,2% — не более 1 раза в год, 18,6% — 1 раз в несколько лет).

Во-вторых, большинство респондентов демонстрируют лояльность, характеризуют родной регион, и рекомендуют побывать в Тюменской области тем, кто никогда не был в регионе, как минимум, в качестве туристов. А многие отмечают, что при желании работать в нефтегазовой отрасли, реализовать себя в предпринимательской деятельности, стоит приехать и жить в Тюмени и области, так как это «богатый, динамичный регион с шикарной природой», «как Москва, только меньше», «провинциальный уютный город, в котором есть всё для счастливой жизни», «красивый сибирский край с перспективным университетом».

В-третьих, главным достоинством Тюменской области многие назвали ее жителей. «Добрые, отзывчивые, очень адекватные, современные, крутые, талантливые, сильные духом, равнодушные люди, которые стремятся к развитию и всегда придут на помощь» — такой собирательный образ жителей Тюменской области сложился из ответов на вопрос: «Как Вы охарактеризуете Тюменскую область тем, кто не имеет о ней представления?». В целом надо отметить, что многие ответы были развернутыми и искренними, что отражало общее положительное отношение респондентов и открытость к взаимодействию с регионом.

Таким образом, полагаем, что дальнейшее взаимодействие с данной целевой группой, а также системная работа с применением инструментов территориального маркетинга, могут способствовать вовлечению талантов в экономику Тюменской области и внести осязаемый вклад в дальнейшее развитие региона.



## Обсуждение

Дальнейшее развитие исследования предполагается вести в двух ключевых направлениях — с точки зрения развития методологических основ, так и в методическом отношении. Обсуждение методологии, на наш взгляд, включает следующие принципиальные аспекты:

- исследование различных миграционных «волн» талантливых сотрудников (с обязательным выделением миграции межрегиональной и международной) и установление критических отличий между ними: динамики, мотивации, географии, содержательного наполнения;
- более четкое теоретическое обоснование и терминологическая определенность самой категории «talents» и, в частности, правомерности отнесения к ней группы фактических и потенциальных мигрантов с выработкой критериев принадлежности к HiPo;
- формирование «архитектуры», последовательности и принципов построения системы управления талантами в регионе; ее взаимодействие с межрегиональной системой и системами более высокого уровня;
- развитие методического инструментария территориального маркетинга и обоснование правомерности и границ применения современных маркетинговых технологий для решения задач привлечения и удержания талантов в регионе.

В концепции территориального маркетинга территория должна взаимодействовать со своими целевыми аудиториями таким же образом, как взаимодействует любой продукт с потребителем. Как большинство маркетинговых систем строят управление отношениями с потребителями, применяя различные CRM-системы, так и регион должен иметь систему управления талантами. Одной из важнейших задач маркетинга территорий является выстраивание долгосрочных взаимовыгодных отношений с целевыми группами. В руководстве «Талант за пределами столиц» (Talent beyond Capitals) авторы предлагают даже заменить знакомый и привычный термин CRM на «TRM» (Talent Relationship Management — управление взаимоотношениями с талантами) и планировать стратегию и тактику работы на пяти основных этапах взаимодействия талантов с территорией [Pere, 2018] (таблица 1):

- 1) брендинг (branding: позиционирование, получение представления о территории, ее преимуществах и уникальных возможностях для реализации человеческого и интеллектуального потенциала),
- 2) привлечение (attracting: непосредственная деятельность по привлечению талантливых специалистов на территорию),
- 3) прием (receiving: обеспечение первого опыта физического пребывания в регионе),
- 4) проживание и работа (living and working: основной этап взаимодействия и сотрудничества),
- 5) переезд (moving: этап, когда специалист осуществляет новый переезд и покидает регион).

**Таблица 1.** Инструментарий управления взаимоотношениями с талантами [Pere, 2018]**Table 1.** The Talent Relationship Management Toolkit [Pere, 2018]

Брендинг	Привлечение	Прием	Проживание и работа	Переезд
		Информация для подготовки к прибытию		
Инклюзивные бренд-платформы	Маркетинговый портал	Информационный портал	Профессиональный нетворкинг	Поддержка в переезде
Инновационные события	Комьюнити- и контент-маркетинг	Дни открытых дверей	Менторство	Нетворкинг выпускников
Готовые наборы инструментов брендинга	Онлайн-кампании	«Мягкая посадка»	Региональные тренинговые программы	Нетворкинг амбассадоров
		Приветственные события и программы	Культурное понимание	
		Сервисные центры для экспатов: помощь в поиске жилья, школ для детей, социальные услуги	Консультирование и мероприятия по трудоустройству	
		Помощь в трудоустройстве (от региона, от предприятия)	Открытая инновация и совместное творчество	

Talent Relationship Management — система управления взаимоотношениями с талантами — строится на принципах, идентичных CRM (Customer Relationship Management). Это не просто разовая «продажа», это стратегия сопровождения талантливых специалистов на протяжении всего цикла их взаимодействия с территорией. В настоящее время рекрутинговые компании и HR-отделы крупных компаний — лидеров отраслей ввели подобную практику. HR-маркетинг активно использует технологии поиска и привлечения талантов, конкурируя на федеральном рынке труда. В российской практике регионального управления таких целевых программ пока нет.

Customer Journey Map (CJM) — карта путешествия потребителя в CRM — состоит из шести основных «точек» — этапов взаимодействия компании и потребителя: 1. Первичное осмысление; 2. Оценка; 3. Сделка; 4. Пользовательский опыт; 5. Триггер; 6. Петля лояльности [Temkin, 2010]

Подобным образом и у территории должна существовать карта путешествия таланта — карта этапов взаимодействия территории и таланта, позволяющая проследить логику «приобретения» территориального продукта.

Общую стратегию создания карты путешествия таланта от первичного осмысления до продуктивного взаимодействия с территорией, а также тактику «ведения таланта по маршруту» необходимо адаптировать под потребности каждой целевой группы, комбинируя инструменты территориального маркетинга таким образом, чтобы они наилучшим образом способствовали достижению целей и задач маркетинга, позволяли формировать нужный образ территории и приводили к искомым моделям поведения талантов.

Такие показатели как закрепление населения, миграционный приток, рост благосостояния граждан, снижение дифференциации населения по уровню доходов, благоприятный демографический профиль являются общими KPI территориального маркетинга применительно к населению в целом как целевой группе.

Для сегмента «Таланты» важно добавить еще такие специфические показатели, как:

- приток высококвалифицированных кадров,
- участие высококвалифицированных кадров-жителей других регионов в решении задач социально-экономического развития Тюменской области,
- срок пребывания таланта на территории / продолжительность участия в часах,
- экономический, социальный, научный, инновационный или иной результат деятельности таланта на территории Тюменской области за период пребывания,
- расходы на привлечение и содержание таланта на территории Тюменской области,
- экономический эффект для самого таланта от пребывания на территории (доходы, расходы),
- в долгосрочной перспективе LTV — life-time value как показатель лояльности — количество проектов, осуществленных с участием таланта на территории.

Подобно ведению базы клиентов в бизнесе, CRM система регионального маркетинга должна быть оцифрована и автоматизирована, а ведением базы, сопровождением высококвалифицированных специалистов по этапам цикла должны заниматься специализированные центры, создаваемые правительством региона совместно с потенциальными работодателями.

## Заключение

К базовым принципам управления территориальным маркетингом можно отнести следующие:

- принцип системности: выстраивание системы управления талантами на всех уровнях — региональном, межрегиональном, федеральном);
- приток талантов на территорию региона равноценен росту его конкурентоспособности;

- построение системы привлечения высококвалифицированных специалистов в регион, их удержания и сопровождения — задача уровня правительства региона, а не только и не столько единичных предприятий-работодателей; ощутимых устойчивых результатов в этой деятельности можно достичь при условии их совместной работы;
- таланты мобильны, поэтому не имеет смысла пожизненное удержание их на территории, но взаимодействие с ними следует держать в фокусе регионального управления: развивать и измерять лояльность региону, степень вовлеченности в экономику региона вне зависимости от места физического пребывания и т. п.;
- перемещение таланта в пространстве (миграция) еще не означает полное его исключение из экономической деятельности территории;
- принцип взаимообусловленности самого процесса найма «талант-регион»: регион нанимает талант, а тот, в свою очередь, нанимает «нас» для реализации своего потенциала, для заработка (возможно и кратковременного), для комфортной жизни, для удовлетворения жажды путешествий и пр. Отношения должны строиться на взаимовыгодной основе по принципу «win-win».

Для построения эффективной системы взаимодействия с потребителями целевой группы «Таланты» предлагается внедрение TRM-системы (Talent Relationship Management) как философии построения долгосрочных продуктивных отношений на разных этапах их взаимодействия с территорией.

Грамотный анализ факторов конкурентоспособности региона и алгоритма выбора территориального продукта целевыми группами, применение инструментов территориального маркетинга, отвечающих требованиям каждого из этапов «путешествия таланта», а также интеграция адаптированных CRM-систем в работу с потребителями территориального продукта — будь то туристы, таланты, население, предприниматели, инвесторы — позволит эффективно управлять поведением целевых групп на основе данных, аккумулируемых в системе на каждом из этапов исследуемого маршрута.

В новых экономических условиях наблюдаются существенные изменения в моделях потребительского поведения на разных рынках, ведущие российские ученые прогнозируют дальнейшее нарастание неопределенности и нестабильности в экономике с сохранением вероятности оттока высокопотенциальных кадров и релокации бизнесов. Соответственно, будут меняться и характер потребления территориального продукта, и факторы выбора региона для проживания и самореализации. Произойдет переоценка ценностных ориентиров целевых групп и конкурентных преимуществ той или иной территории, подстроятся под существующие реалии технологии коммуникации, еще большее развитие получат онлайн-платформы как инструмент ведения бизнеса и управления интернациональными командами. При грамотном выстраивании политики в сфере управления талантами и подходах к организации инфраструктуры для их удержания периферийные регионы смогут получить приток качественного человеческого капитала.

Бороться за физическое присутствие талантов на территории не всегда целесообразно, но взаимодействие территории с талантами в интересах территории возмож-

но и нужно поддерживать с использованием предлагаемых современных технологий территориального маркетинга. Особенно актуальным это становится в том случае, когда талант является выходцем из этого региона. По данным исследования, такие люди наиболее открыты к предложениям, их гораздо легче удержать, вовлечь или вернуть в экономику. Именно они способны повысить конкурентоспособность и капитализацию региона за счет своих развитых профессиональных навыков и обширного опыта реализации своего потенциала, приобретенного в т. ч. и за пределами региона.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Веселко А. 2020. «Новые воротнички»: как навыки стали важнее академического опыта // Теории и практики, 2 апреля 2020 г. <https://theoryandpractice.ru/posts/19042-novye-vorotnichki-kak-navyki-stali-vazhnee-akademicheskogo-opyta> (дата обращения: 11.03.2023)
- Виноградова Е. 2019. Что такое кадровая яма и как в нее не попасть // Ведомости, 20 декабря 2019 г. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/12/20/819016-kadrovaaya-yama> (дата обращения: 11.03.2023).
- Каньгин П. 2018. Считаем себя великими, а экономику имеем 3% от мировой // Вести образования, 15 февраля 2018 г. <https://vogazeta.ru/articles/2018/2/15/economics/2035-schitaem-sebya-velikimi-a-ekonomiku-imeem-3-ot-mirovoy> (дата обращения: 11.03.2023).
- МакГрегор Д. 2023. 4 самых востребованных навыка на рынке труда: какие умения развить, чтобы заработать // Сетевое издание «Forbes.ru», 3 января 2023 г. <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/482448-4-samyh-vostrebovannyh-navyka-na-rynke-truda-kakie-umenia-razvit-ctoby-zarabotat/> (дата обращения: 12.03.2023).
- Пинк Д. 2013. Драйв: что на самом деле нас мотивирует. М.: Альпина Паблишер. 272 с.
- Anholt S. 2002. Nation-brands and the value of provenance // Destination branding: creating the unique destination proposition. Oxford: Elsevier Butterworth-Heinemann.
- Barney J. B. 1991. Firm resources and sustained competitive advantage. // Journal of Management. Vol. 17. No. 1. Pp. 99–120. <https://doi.org/10.1177/014920639101700108>
- Björkman I., Ehrnrooth M., Mäkelä K., Smale A., Sumelius J. 2013. Talent or not? Employee reactions to talent identification // Human Resource Management. Vol. 52. No. 2. Pp. 195–214. <https://doi.org/10.1002/hrm.21525>
- Boudreau J. W., Ramstad P. M., Dowling P. J. 2003. Global talentship: toward a decision science connecting talent to global strategic success // Advances in Global Leadership. Vol. 3. Pp. 63–99. [https://doi.org/10.1016/S1535-1203\(02\)03004-6](https://doi.org/10.1016/S1535-1203(02)03004-6)
- Brewster C. 1999. SHRM: The Value of Different Paradigms // Management International Review. Vol. 39. No. 3. Pp. 45–64. [https://doi.org/10.1007/978-3-322-90993-0\\_5](https://doi.org/10.1007/978-3-322-90993-0_5)
- Cappelli P. 2008. Talent on Demand: Managing Talent in an Age of Uncertainty. Harvard Business School Press. 288 p.
- Cascio W. F., Boudreau J. W. 2015. The search for global competence: From international HR to talent management // Journal of World Business. Vol. 51. No. 1. Pp. 103–114. <http://doi.org/10.1016/j.jwb.2015.10.002>
- Casse P. 1994. People are not resources // Journal of European Industrial Training. Vol. 18. No. 5. Pp. 23–26. <https://doi.org/10.1108/03090599410058962>

- Collings D. G., Mellahi K. 2009. Strategic talent management: A review and research agenda // *Human Resource Management Review*. Vol. 19. No. 4. Pp. 304–313. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2009.04.001>
- Czaller L. 2017. Increasing social returns to human capital: evidence from Hungarian regions // *Regional Studies*. Vol. 51. No. 3. Pp. 467–477. <https://doi.org/10.1080/00343404.2015.1112898>
- Dries N. 2013. The psychology of talent management: a review and research agenda // *Human Resource Management Review*. Vol. 23. No. 4. Pp. 272–285. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2013.05.001>
- Gennaioli N., Porta R. L., de Silanes F. L., Shleifer A. 2013. Human capital and regional development // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 128. No. 1. Pp. 105–164. <https://doi.org/10.1093/qje/qjs050>
- Helfat C. E., Finkelstein S., Mitchell W., Peteraf M., Singh H., Teece D., Winter S. G. 2007. *Dynamic Capabilities: Understanding Strategic Change in Organizations*. Malden: Blackwell Publishing.
- Kontoghiorghes C. 2016. Linking high performance organizational culture and talent management: satisfaction, motivation and organizational commitment as mediators // *International Journal of Human Resource Management*. Vol. 27. No. 16. Pp. 1833–1853. <https://doi.org/10.1080/09585192.2015.1075572>
- КПИ для регионов. 2019 // РБК+. № 2 Инвестиционный компас. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5df0a3df7a8aa9802f51725d> (дата обращения 12.03.2023)
- Malik A. R., Singh P. 2014 'High potential' programs: Let's hear it for 'B' players // *Human Resource Management Review*. Vol. 24. No. 4. Pp. 330–346. <http://doi.org/10.1016/j.hrmr.2014.06.001>
- Marler J. H., Boudreau J. W. 2017. An evidence-based review of HR Analytics // *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 28. No. 1. Pp. 3–26. <https://doi.org/10.1080/09585192.2016.1244699>
- McDonnell A., Collings D. G., Mellahi K., Schuler R. 2017. Talent management: a systematic review and future prospects. // *European Journal of International Management*. Vol. 11. No. 1. Pp. 86–128. <https://doi.org/10.1504/EJIM.2017.081253>
- Penrose E. T. 1959. *The Theory of the Growth of the Firm*. Basil: Blackwell.
- Pere P.-P. 2018. Talent beyond Capitals. Handbook. Stockholm: Future Place Leadership. URL: <https://futureplaceleadership.com/wp-content/uploads/2018/03/Talent-Beyond-Capitals-handbook-by-Future-Place-Leadership.pdf> (дата обращения 22.06.2023).
- Pulse of Profession 2023: Power Skills, Redefining Project Success. 14<sup>th</sup> edition. PMI. URL: <https://www.pmi.org/learning/thought-leadership/pulse/power-skills-redefining-project-success#> (дата обращения 12.03.2023)
- Rein I., Kotler P., Haider D. 1993. *Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations*. The Free Press.
- Rainisto S. K. 2003. *Success Factors of Place Marketing: A Study of Place Marketing Practices in Northern Europe and the United States: Doctoral Dissertations 2003/4*. Helsinki University of Technology, Institute of Strategy and International Business.
- Solow R. 1957. Technical Change and the Aggregate Production Function. // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 39. No. 3. Pp. 312–320. <https://doi.org/10.2307/1926047>

- Sparrow P. R., Makram H. 2015. What is the value of talent management? Building value-driven processes within a talent management architecture // *Human Resource Management Review*. Vol. 25. No. 3. Pp. 249–263. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2015.04.002>
- Swailles S. 2013. The ethics of talent management // *Business Ethics: A European Review*. Vol. 22. No. 1. Pp. 32–46. <https://doi.org/10.1111/beer.12007>
- Temkin B. D. 2010. Mapping the Customer Journey. Forrester Research Inc.
- Vaiman V., Scullion H., Collings D. 2012. Talent management decision making // *Management Decision*. Vol. 50. No. 5. Pp. 925–941. <https://doi.org/10.1108/00251741211227663>

## References

- Veselko, A. (2020). “New collars”: how skills have become more important than academic experience. *Theory and Practice*. Retrieved Mar., 11, 2023 from <https://theoryandpractice.ru/posts/19042-novye-vorotnichki-kak-navyki-stali-vazhnee-akademicheskogo-opyta> [In Russian]
- Vinogradova, E. (2019). What is a personnel pit and how not to get into it. *Vedomosti*. Retrieved Mar. 11, 2023 from <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/12/20/819016-kadr-ovaya-yama> [In Russian]
- Kanygin, P. (2018). We consider ourselves great, though our GDP is 3% of the world economy. *Vesti obrazovaniya*. Retrieved Mar. 11, 2023 from <https://vogazeta.ru/articles/2018/2/15/economics/2035-schitaem-sebya-velikimi-a-ekonomiku-imeem-3-ot-mirovoy> [In Russian]
- McGregor, D. (2023). 4 most demanded skills in the labour market: what skills to master to be able to earn. *Forbes*. Retrieved Mar. 12, 2023 from <https://www.forbes.ru/svoibiznes/482448-4-samyh-vostrebovannyh-navyka-na-rynke-truda-kakie-umenia-razvit-cto-by-zarabotat/> [In Russian]
- Pink, D. (2013). *Drive: The Surprising Truth About What Motivates Us*. Alpina Publisher. [In Russian]
- Anholt, S. 2002. Nation-brands and the value of provenance. In N. Morgan, A. Pritchard, & R. Pride. (Eds.) *Destination branding: creating the unique destination proposition*. Elsevier Butterworth-Heinemann.
- Barney, J. B. (1991). Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of Management*, 17(1), 99–120. <https://doi.org/10.1177/014920639101700108>
- Björkman, I., Ehrnrooth, M., Mäkelä, K., Smale, A. & Sumelius, J. (2013). Talent or not? Employee reactions to talent identification. *Human Resource Management*, 52(2), 195–214. <https://doi.org/10.1002/hrm.21525>
- Boudreau, J. W., Ramstad, P. M. & Dowling, P. J. (2003). Global talentship: toward a decision science connecting talent to global strategic success. *Advances in Global Leadership*, 3, 63–99. [https://doi.org/10.1016/S1535-1203\(02\)03004-6](https://doi.org/10.1016/S1535-1203(02)03004-6)
- Brewster, C. (1999). SHRM: The Value of Different Paradigms. *Management International Review*, 39(3), 45–64. [https://doi.org/10.1007/978-3-322-90993-0\\_5](https://doi.org/10.1007/978-3-322-90993-0_5)
- Cappelli, P. (2008). Talent on Demand: Managing Talent in an Age of Uncertainty. *Harvard Business School Press*.

- Cascio, W. F. & Boudreau J. W. (2015). The search for global competence: From international HR to talent management. *Journal of World Business*, 51(1), 103–114. <http://doi.org/10.1016/j.jwb.2015.10.002>
- Casse, P. (1994). People are not resources. *Journal of European Industrial Training*, 18(5), 23–26. <https://doi.org/10.1108/03090599410058962>
- Collings, D. G. & Mellahi K. (2009). Strategic talent management: a review and research agenda. *Human Resource Management Review*, 19(4), 304–313. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2009.04.001>
- Czaller, L. (2017). Increasing social returns to human capital: evidence from Hungarian regions. *Regional Studies*, 51(3), 467–477. <https://doi.org/10.1080/00343404.2015.1112898>
- Dries, N. The psychology of talent management: a review and research agenda. *Human Resource Management Review*, 23(4), 272–285. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2013.05.001>
- Gennaioli, N., Porta, R. L., de Silanes, F. L. & Shleifer, A. (2013). Human capital and regional development. *The Quarterly Journal of Economics* 128(1), 105–164. <https://doi.org/10.1093/qje/qjs050>
- Helfat, C. E., Finkelstein, S., Mitchell, W., Peteraf, M., Singh, H., Teece, D., & Winter, S. G. (2009). *Dynamic Capabilities: Understanding Strategic Change in Organizations*. John Wiley & Sons.
- Kontoghiorghes, C. (2016). Linking high performance organizational culture and talent management: satisfaction, motivation and organizational commitment as mediators. *International Journal of Human Resource Management*, 27(16), 1833–1853. <https://doi.org/10.1080/09585192.2015.1075572>
- RBC+. (2019). KPI for regions. RBC+, *Investment compass*, (2). Retrieved Mar. 12, 2023 from <https://plus.rbc.ru/news/5df0a3df7a8aa9802f51725d> [In Russian]
- Malik, A. R. & Singh, P. (2014). “High potential” programs: Let’s hear it for “B” players. *Human Resource Management Review*, 24(4), 330–346. <http://doi.org/10.1016/j.hrmr.2014.06.001>
- Marler, J. H. & Boudreau, J. W. (2017). An evidence-based review of HR Analytics. *The International Journal of Human Resource Management*, 28(1), 3–26. <https://doi.org/10.1080/09585192.2016.1244699>
- McDonnell, A., Collings, D. G., Melahi, K. & Schuler, R. (2017). Talent management: a systematic review and future prospects. *European Journal of International Management*, 11(1), 86–128. <https://doi.org/10.1504/EJIM.2017.081253>
- Penrose, E. T. (1959). *The Theory of the Growth of the Firm*. Basil Blackwell.
- Pere, P.-P. (2018). *Talent beyond Capitals. Handbook*. Future Place Leadership. Retrieved Jun. 22, 2023 from <https://futureplaceleadership.com/wp-content/uploads/2018/03/Talent-Beyond-Capitals-handbook-by-Future-Place-Leadership.pdf>
- PMI. (2023). *Pulse of Profession 2023: Power Skills, Redefining Project Success* (14<sup>th</sup> Ed.). Retrieved Mar. 12, 2023 from <https://www.pmi.org/learning/thought-leadership/pulse/power-skills-redefining-project-success#> (дата обращения 12.03.2023)
- Rein, I., Kotler, P. & Haider, D. (1993). *Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations*. The Free Press.
- Rainisto, S. K. (2003). *Success Factors of Place Marketing: A Study of Place Marketing Practices in Northern Europe and the United States* [Doctoral dissertation, Helsinki University of Technology, Institute of Strategy and International Business].



- Solow, R. (1957). Technical Change and the Aggregate Production Function. *Review of Economics and Statistics*, 394(3), 312–320.
- Sparrow, P. R. & Makram, H. (2015). What is the value of talent management? Building value-driven processes within a talent management architecture. *Human Resource Management Review*, 25(3), 249–263. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2015.04.002>
- Swales, S. (2013). The ethics of talent management. *Business Ethics: A European Review*, 22(1), 32–46.
- Temkin, B. D. (2010). Mapping the Customer Journey. Forrester Research Inc.
- Vaiman, V., Scullion, H. & Collings, D. (2012). Talent management decision making. *Management Decision*, 50(5), 925–941.

## Информация об авторах

Людмила Михайловна Симонова, доктор экономических наук, профессор, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
l.m.simonova@utmn.ru

Анна Сергеевна Зырянова, аспирант, кафедра менеджмента и бизнеса, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
asz2805@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7322-8423>

## Information about authors

Ljudmila M. Simonova, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Institute of Finance and Economics, Tyumen state University, Tyumen, Russia  
l.m.simonova@utmn.ru

Anna S. Zyrianova, Postgraduate Student, Department of Management and Business, Institute of Finance and Economics, Tyumen state University, Tyumen, Russia  
asz2805@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7322-8423>

## Оценка структуры и динамики налоговых расходов федерального бюджета в контексте достижения социально-экономических целей

Светлана Евгеньевна Демидова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия  
Контакт для переписки: sedemmidova@gmail.ru

**Аннотация.** В статье анализируются структура, динамика и объемы налоговых расходов федерального бюджета, взаимоувязанность с государственными программами и национальными целями развития. В данном контексте этот вопрос не рассматривался в других исследованиях. Концепция налоговых расходов основывается на предположении, что налоговые расходы как часть налоговых льгот и преференций должны приносить больший эффект, чем прямые методы бюджетного финансирования, для достижения социально-экономических целей, стимулирования развития отраслей. Налоговые расходы федерального бюджета в большей степени ориентированы на стимулирование нефтегазовой отрасли, значительный объем связан с налогом на добавленную стоимость и налогом на прибыль организаций. Рассмотрены риски налогового льготирования, обусловленные как внешнеполитическими факторами, так и внутренними структурными особенностями экономики. Сделаны выводы, что риски выпадения доходов федерального бюджета возрастают в связи с ростом количества налоговых расходов и ограничениями в реализации принципа прозрачности и открытости. Предлагается сбалансировать стратегические отраслевые приоритеты через инструменты налоговых расходов. Вводимые налоговые льготы и преференции не должны нарушать фискальные интересы государства и конкурентную среду. Основным направлением совершенствования налоговых расходов предложено рассматривать повышение прозрачности и целевого характера налоговых расходов путем их полного отражения в государственных программах.

**Ключевые слова:** налоговые расходы, бюджет, выпадающие доходы, нефтегазовые доходы

**Благодарности:** Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

**Цитирование:** Демидова С. Е. 2023. Оценка структуры и динамики налоговых расходов федерального бюджета в контексте достижения социально-экономических целей // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 178–193. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-178-193>

Поступила 06.04.2023; одобрена 02.06.2023; принята 05.06.2023

## Assessment of the formation and volume of tax expenditures in the federal budget

Svetlana E. Demidova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia  
Corresponding author: sedemmidova@gmail.ru

**Abstract.** This article analyzes approaches to the formation of tax expenditures in the federal budget, their volumes, and their interconnectedness with state programs and national development goals. The concept of tax expenditures is based on the premise that tax benefits and preferences should have a greater effect than direct methods of budget financing, such as subsidies. Tax expenditures in the federal budget are primarily focused on stimulating the oil and gas industry, with a significant amount associated with VAT and income tax. The risks of tax incentives, caused by both foreign policy factors and internal structural features of the economy, are considered. Conclusions are drawn that the risks of federal budget revenue losses are increasing. Simultaneously, the list of expenses eligible for investment tax deductions is expanding, although they can be considered productive tax expenditures since the effect of self-sufficiency in recovering lost budget revenues is expected. The primary direction for improving tax expenditures is proposed to involve enhancing the realism of assessments, increasing transparency, and ensuring the targeted nature of tax expenditures by reflecting them in government programs.

**Keywords:** tax expenditures, budget, shortfall revenues, oil and gas revenues

**Acknowledgements:** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

**Citation:** Demidova S. E. (2023). Assessment of the formation and volume of tax expenditures of the federal budget. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 178–193. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-178-193>

Submitted Apr. 6, 2023; Reviewed Jun. 2, 2023; Accepted Jun. 5, 2023

## Введение

Концепция налоговых расходов сформировалась из бюджетной практики и связана с оценкой конвертируемости налоговых льгот в прямые формы бюджетного финансирования и получила широкое распространение во многих странах мира, что привело к публикации межстрановой информации о налоговых расходах. Согласно Глобальной базе данных налоговых расходов [GTED], только несколько стран не публикуют никакой официальной информации о налоговых расходах (Китай, Саудовская Аравия, Хорватия, Кипр и Мальта). Практически все страны ОЭСР применяют инструментарий налоговых расходов, в Германии выделяют 86 видов таких расходов, объем которых оценивается в 0,74% ВВП, в Нидерландах — 101 (2% ВВП), в Испании — 139 (4,6% ВВП), в США — 164 (6% ВВП), в Канаде — 175 (6,6% ВВП), в Великобритании — 362 (12,8% ВВП) и во Франции — 486 (2,2% ВВП) [Богачева, Фокина, 2017].

Обоснованная система налоговых льгот, с одной стороны, может обеспечить источник будущих поступлений, повысить эффективность и справедливость взимания налогов, с другой стороны, споры об ограниченном перераспределительном воздействии преференциальных налоговых ставок продолжают [Vachas и др., 2020]. Понятия «налоговые расходы» требует рассмотрения налоговых льгот с точки зрения результатов (эффектов) их использования. Поскольку государство несет бюджетные потери, надеясь получить определенный стимулирующий эффект, налоговые расходы — это не просто потерянные государственные доходы, а такие доходы, от которых государство отказалось для достижения целей экономической, социальной или экологической политики [Балынин, 2022; Sokolovska, Zatonatska, 2022]. При этом анализ фискальных мультипликаторов показывает, что в теории субсидии эффективнее по сравнению с налоговыми льготами [Буздалина, Бондаренко, 2020].

Целеполагание налоговых расходов в отношении групп налогоплательщиков, отраслей, видов деятельности было отражено в сформулированном в 2004 г. подходе у ОЭСР [OECD, 2004]. Странам ОЭСР рекомендуется в рамках бюджетного процесса проводить регулярные оценки налоговых расходов по единым процедурам с программными расходами.

Неблагоприятные социально-экономические условия, усложнение налоговой системы приводят к возникновению рисков при реализации механизма налоговых расходов [Coelho, 2021]. Ключевыми из которых являются риски недостижения целей введения налоговых льгот и преференций или несоответствие политическим целям [Neubig, Redonda, 2017; Redonda и др., 2019] и другие риски.

Последнее десятилетие, особенно период вспышки пандемии COVID-19, характеризуется значительным расширением социальных налоговых расходов, а также использованием этого инструмента для поддержки энергетического сектора, в том числе, связанного с проектами «энергетического перехода» [Bashir и др., 2022]. Самые значительные по объему налоговые расходы, связанные со стимулированием развития энергетического сектора, оцененные как доля общих налоговых расходов, направленных на развитие приоритетных секторов экономики, имеются в Швеции (20%), Австрии

(15,8%), Испания (8,3%), у России одна из самых невысоких долей (1,8%), за ней следуют Франция (1,4%) и Греция (1,2%) [GTED]. Геополитические вызовы послужили триггером для перезагрузки «зеленой повестки» в европейских странах, это повлекло и расширение преференциальных налоговых режимов с соответствующими отраслевыми приоритетами. Например, в рамках «Зеленый курс» Евросоюз предусматривает стимулирование энергоперехода с использованием как прямых методов стимулирования (гранты, субсидируемые кредиты, предоставление гарантий, инструменты контрактной системы), так и через налоговые льготы. Однако экспертное сообщество уже высказывает опасения, что фискальная поддержка будет стимулировать частные инвестиции в чистую энергию, но правительства должны избежать упущенной возможности [Redonda и др., 2023].

Особенности структуры российской экономики, бюджетного распределения налогов по уровням бюджетной системы обуславливает необходимость исследования налоговых льгот и преференций по федеральным налогам. Практическая реализация концепции налоговых расходов в бюджетном процессе на принципах открытости и прозрачности повышает вероятность достижения целей фискальной политики, а также ответственность власти и справедливость принимаемых решений.

В отечественном правовом поле в целом сформированы базовые основы применения налоговых расходов. Однако доля налоговых льгот и преференций сохраняется на высоком уровне при недостаточности фокусирования внимания на оценке их эффективности [Отчет о результатах...].

Целью работы является изучение структуры, объема и динамики налоговых расходов федерального бюджета, выявление отраслевых и программных приоритетов, оценка соответствия принципам открытости и обоснованности принятых решений через критерий полноты отражения в государственных программах.

## Методы

Анализ проводился на основе сформированной в отечественной практике системе управления налоговыми расходами, с учетом положений нормативных актов бюджетного и налогового законодательства, зарубежных и отечественных научных публикаций, с учетом статистических и эмпирических данных. Основными источниками данных послужили: отчеты о налоговых расходах РФ [Отчетность по исполнению бюджетов; Отчет о результатах...], оценка налоговых расходов РФ [Отчет об оценке налоговых расходов РФ на 2022 г...], паспорта государственных программ РФ, статистические данные Росстата о социально-экономических показателях социально-экономического развития.

В качестве метода количественной оценки налоговых расходов используется применяемый в международной практике метод упущенных доходов (потери доходов бюджета от предоставления льготы или преференции).

На первом этапе представлен анализ динамики и объема налоговых расходов в сопоставлении с макроэкономическими показателями, проведен структурный анализ

налоговых расходов в группе нефтегазовых доходов, с выделением оценки прогнозируемых поступлений от участников режима налога на дополнительный доход и режима соглашений о разделе продукции.

На втором этапе проанализированы паспорта государственных программ на предмет содержания информации о налоговых расходах, налоговые расходы сгруппированы исходя из целей государственных программ и национальных целей развития.

На третьем этапе выявлены риски и ограничения для данного инструмента фискальной политики.

## Результаты

Реализация стратегических приоритетов, направленных на достижение национальных целей развития РФ на период до 2030 г., и международные практики в области управления государственными финансами требуют оценки эффективности налоговых льгот и иных преференций. Ретроспективная и прогнозная характеристика налоговых расходов федерального бюджета относительно ключевых макроэкономических и бюджетных показателей представлена на рис. 1.

Показатели	Налог. расходы, млрд руб	Доля в ВВП, %	Доля в объеме доходов, %	Доля в объеме ненефтегаз. доходов, %	Доля в объеме расходов, %	Доля в объеме налог. расходов, %
2019	4 469,2	4,1	22,1	36,4	24,5	19,0
2020	4 255,4	4,0	22,7	31,6	18,6	21,5
2021	6 543,7	5,0	25,9	40,3	26,4	16,7
2022	7 833,5	5,4	28,3	48,9	27,0	15,4
2023	7 261,5	4,8	27,8	42,2	25,0	18,1
2024	8 055,1	5,1	29,6	43,3	27,4	17,6
2025	8 397,0	4,9	30,0	43,1	28,7	18,2
2023/2019	—	0,7	5,7	5,8	0,5	-0,9
2023/2022	—	-0,5	-0,5	-6,6	-2,0	2,7

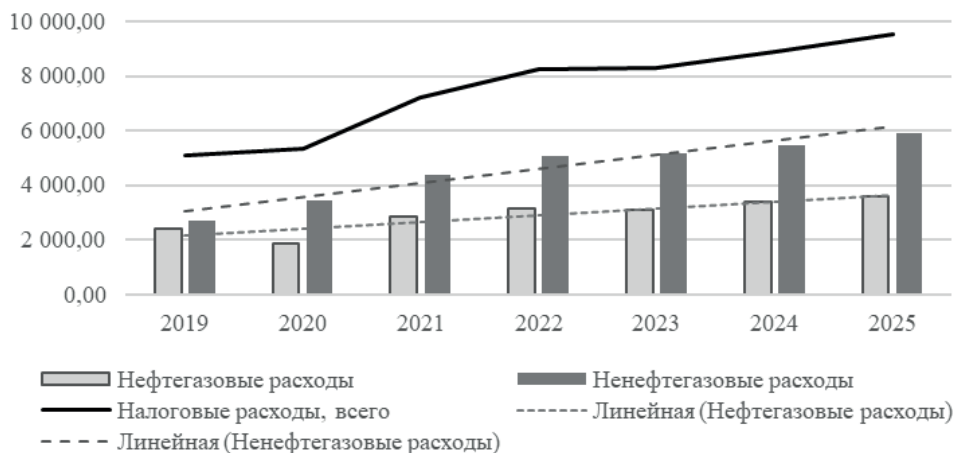
**Рис. 1.** Характеристика налоговых расходов федерального бюджета в структуре отдельных показателей в период 2019–2025 гг.

**Fig. 1.** Characteristics of the RF tax expenditures of the federal budget in the structure of individual indicators, 2019–2025

**Источник:** составлено на основе данных [О федеральном бюджете...; Основные направления...; Отчет о результатах...; Отчетность по исполнению бюджетов; Налоговые расходы РФ; Прогноз соц.-экон. развития РФ].

**Source:** compiled from the data [RF Ministry of Finance, n.d.a, b; RF Treasury, 1997–2023; On the federal budget..., 2022; RF Accounts Chamber Collegium, 2022].

Доля налоговых расходов в основных бюджетных параметрах в 2023–2025 гг. возрастает (рис. 1), за исключением сравнения с нефтегазовыми доходами, где снижение отмечается на  $-0,2\%$  в 2025 г. Объем налоговых расходов РФ в разрезе налоговых и неналоговых расходов представлен на рис. 2. Относительно расходов федерального бюджета на реализацию государственных программ отмечается самый значительный прирост  $+6,2\%$  (с  $35,2\%$  в 2023 г. до  $41,4\%$  в 2025 г.).



**Рис. 2.** Объем налоговых расходов РФ в период 2019–2025 гг., млрд руб.

**Fig. 2.** Amount of RF tax expenditures in 2019–2025, bill rub.

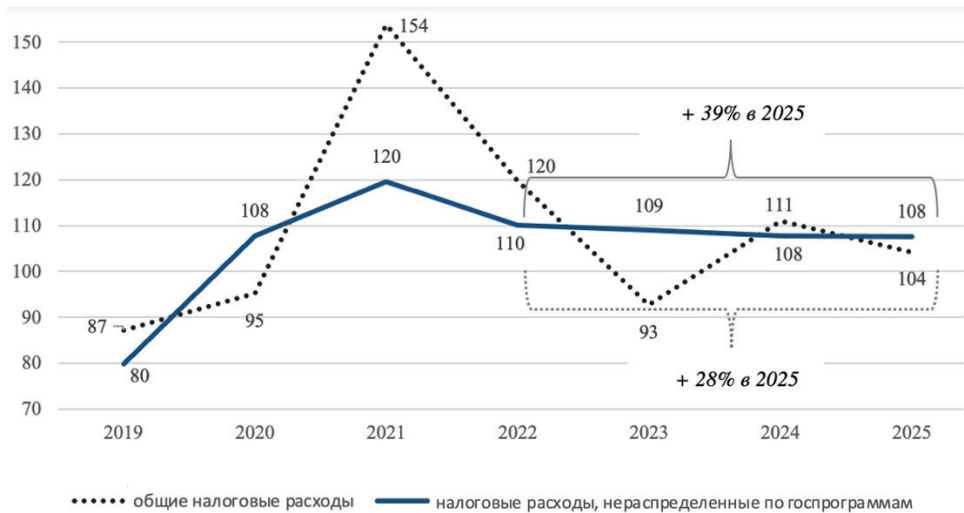
**Источник:** составлено на основе данных [Основные направления...].

**Source:** compiled from [RF Ministry of Finance, n.d.b.].

Данные о совокупном объеме налоговых расходов отражают тенденцию к росту их объемов. При этом увеличивается и количественный перечень, по состоянию на 1 октября 2022 г. количество налоговых расходов составило 439, что на 50 ед. больше предыдущего периода и на 135 ед. больше по сравнению с 1 октября 2019 г. По данным показателям Россия сопоставима с Францией, где выделяется 486 типов налоговых расходов, и Великобританией — 362; в остальных странах ОЭСР количественный состав налоговых расходов меньше [OECD, 2010]. Данные свидетельствуют, об активизации использования налоговых льгот как инструмента управления экономическими процессами, несмотря на проводимую политику повышения эффективности налоговых расходов. Возрастание количества налоговых льгот может продуцировать риски выпадения доходов бюджета, дисбалансов между отраслями или группами, на которые на распространяются налоговые льготы.

Налоговые расходы федерального бюджета напрямую взаимоувязываются с 23 государственными программами РФ. Доля налоговых расходов, не распределенных по государственным программам, в общем объеме налоговых расходов составляет  $18,1\%$  в 2023 г.,  $17,6\%$  в 2024 г. и  $18,2\%$  в 2025 г., что в целом является негативной тенденцией. Прирост нераспределенных по государственным программам налоговых расходов

в 2025 г. составит 39% к объему 2021 г., в этот же период общий прирост налоговых расходов запланирован в объеме 32% (рис. 3).



**Рис. 3.** Темпы роста налоговых расходов федерального бюджета в период 2019–2025 гг.

**Fig. 3.** Growth rates of the RF tax expenditures of the federal budget, 2019–2025

**Источник:** составлено на основе данных [О федеральном бюджете...; Основные направления...; Отчет о результатах...; Отчетность по исполнению бюджетов; Налоговые расходы РФ; Прогноз соц.-экон. развития РФ].

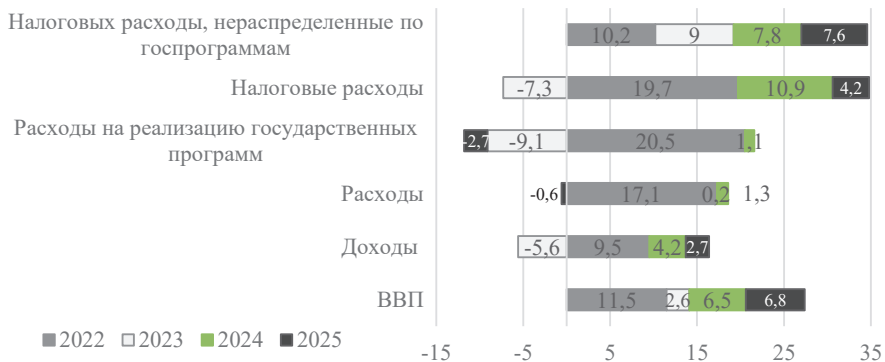
**Source:** compiled from the data [RF Ministry of Finance, n.d.a, b; RF Treasury, 1997–2023; On the federal budget..., 2022; RF Accounts Chamber Collegium, 2022].

Сравнение с темпами прироста ВВП и отдельных параметров федерального бюджета показывает более высокий рост налоговых расходов в 2024 и 2025 г. (рис. 4), темпы прироста налоговых расходов, нераспределенных по государственным программам, еще выше (+9,0% в 2023 г., +7,8% в 2024 г., +7,6 в 2025 г.). Сокращение объема налоговых расходов превышает сокращение доходов только в 2023 г. (–7,3% против –5,6%). Расходы на реализацию государственных программ в 2025 г. имеют отрицательную динамику (–2,7%), в то время как налоговые расходы прирастают.

В группе нефтегазовых доходов самый динамичный рост объема налоговых льгот и преференций обеспечен режимом НДД<sup>1</sup> (в 2023 г. — 122%, в 2024 г. — 134%, в 2025 г. — 117%). Рост в 2024 г. связан с новым налоговым вычетом для выработанных месторождений. Объем выпадающих доходов по налогу на имущество организаций (в рамках спецрежима для добычи на морских месторождениях) возрастает на 109% ежегодно. По остальным налогам в группе объемы выпадающих доходов сокращаются к 2025 г. (рис. 5).

<sup>1</sup> Режим НДД (налог на дополнительный доход) введен в России с 2019 г. в целях стимулирования добычи и основан на временном перераспределении фискальной нагрузки в целях изменения принципа налогообложения с оборотного на финансовый результат.



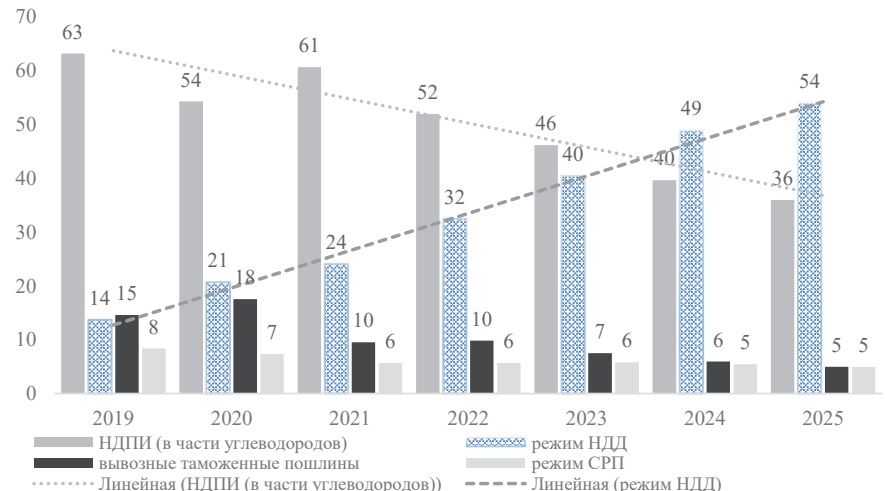


**Рис. 4.** Темпы прироста налоговых расходов, ВВП и отдельных параметров федерального бюджета в номинальном выражении к предыдущему году, %

**Fig. 4.** Growth rates of the RF tax expenditures, GDP, and individual parameters of the federal budget in nominal terms compared to the previous year, %

**Источник:** составлено на основе данных [О федеральном бюджете...; Основные направления...; Отчет о результатах...; Отчетность по исполнению бюджетов; Налоговые расходы РФ; Прогноз соц.-экон. развития РФ].

**Source:** compiled from the data [RF Ministry of Finance, n.d.a, b; RF Treasury, 1997–2023; On the federal budget..., 2022; RF Accounts Chamber Collegium, 2022].



**Рис. 5.** Структура налоговых расходов федерального бюджета в группе нефтегазовых доходов в 2019–2025 гг., %

**Fig. 5.** The structure of tax expenditures of the RF federal budget in the group of oil and gas revenues in 2019–2025, %

**Источник:** составлено на основе данных [О федеральном бюджете...; Основные направления...; Отчет о результатах...; Отчетность по исполнению бюджетов; Налоговые расходы РФ; Прогноз соц.-экон. развития РФ].

**Source:** compiled from the data [RF Ministry of Finance, n.d.a, b; RF Treasury, 1997–2023; On the federal budget..., 2022; RF Accounts Chamber Collegium, 2022].

Оценка прогнозируемых поступлений от участников режима НДС и режима СРП (соглашения о разделе продукции) показывают, что в обоих режимах темп прироста выпадающих доходов превышает темп прироста поступлений (таблица 1).

**Таблица 1.** Темпы роста налоговых расходов федерального бюджета в режимах НДС и СРП и поступлений от участников соответствующего режима, в % к предыдущему периоду

**Table 1.** The rate of growth of tax expenditures of the RF federal budget in the regimes of additional income tax and production sharing agreement and revenues from the participants of the corresponding regime, % compared to the previous period

Показатели	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Поступления от участников НДС	147,44	676,79	159,90	69,98	122,57	93,13
Выпадающие доходы в режиме НДС	128,95	360,03	159,88	92,04	131,69	106,24
Отклонение	-18,49	-316,76	-0,02	22,06	9,12	13,11
Поступления от участников СРП	63,69	164,19	95,55	92,81	99,12	88,77
Выпадающие доходы в режиме СРП	66,27	140,41	102,06	96,07	101,31	92,47
Отклонение	2,58	-23,78	6,51	3,26	2,19	3,70

**Источник:** составлено на основе данных отчета о налоговых расходах, прогноза социально-экономического развития РФ на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.

**Source:** compiled from the tax reports, the forecast of the RF socio-economic development for 2023 and for the planning period 2024–2025.

В группе нефтехгазовых доходов самый динамичный рост связан с представлением льгот по НДС (в 2023 г. — 125%, в 2024 г. — 149%, в 2025 г. — 178%); по остальным налогам ежегодный прирост выпадающих доходов не более 9%. Исключения из общего тренда: снижение объемов выпадения доходов по налогу на прибыль организаций в 2023 г. (93%) и снижение объемов ввозной таможенной пошлины в 2023 г. (48%) и в 2024 г. (93%), при этом по ввозной таможенной пошлине в 2022 г. объем налоговых расходов превысил показатели 2021 г. более, чем в 2 раза (214%).

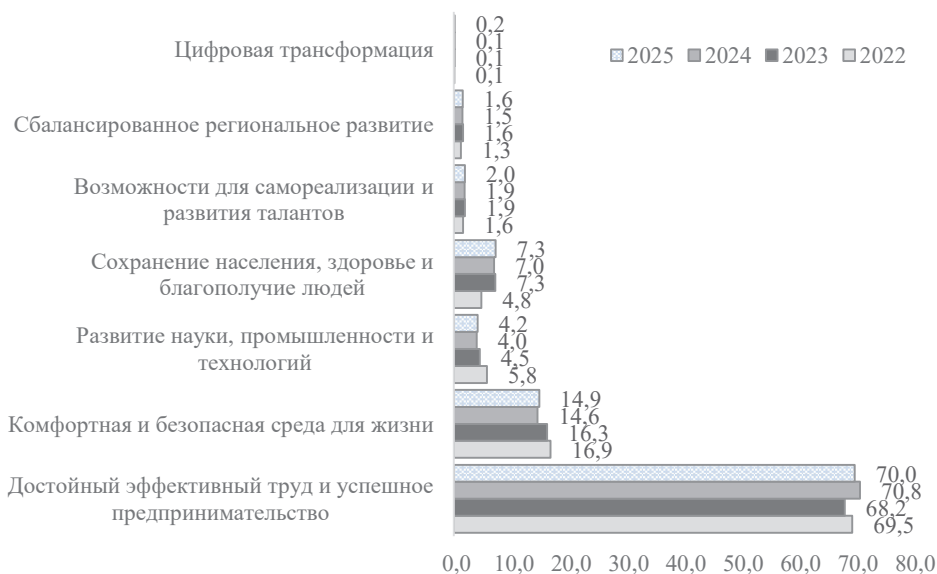
Учитывая, что рост объемов нефтехгазовых налоговых расходов на период 2023–2025 гг. прогнозируется относительно умеренными темпами (в 2023 г. — 89%, в 2024 г. — 111%, в 2025 г. — 103%) в сравнении с ростом величины нефтехгазовых налоговых расходов (в 2023 г. — 98%, в 2024 г. — 111%, в 2025 г. — 106%), то представляется возможным направить усилия на оптимизацию налоговых расходов, связанных с нефтехдобывающей отраслью.

Самые значимые объемы налоговых расходов федерального бюджета в 2023 г. связаны с реализацией государственной программы РФ «Развитие энергетики» (66%).

Следующий по значимости объем налоговых расходов приходится на государственную программу «Развитие транспортной системы», но составляет только 8%. По государственной программе «Воспроизводство и использование природных ресурсов» налоговые расходы в 2023 г. также составят 8%, но в плановом периоде снижаются до 2%.

В социально-ориентированной группе программ запланирован рост объема налоговых льгот и преференций (+1% к предыдущему году) в 2025 г. К этой группе отнесены государственные программы «Развитие здравоохранения», «Развитие образования», «Развитие культуры», «Доступная среда», «Содействие занятости населения», «Социальная поддержка граждан», «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

Национальные цели развития по формированию возможностей для самореализации и развитию талантов; сбалансированному региональному развитию, цифровой трансформации не получили значимого бюджетного стимулирования через инструменты налоговых льгот и преференций федерального бюджета (рис. 6).



**Рис. 6.** Группировка налоговых расходов, распределенных по государственным программам, исходя из национальных целей развития в 2022–2025 гг., %

**Fig. 6.** Grouping of tax expenditures distributed by government programs based on national development goals in 2022–2025 гг., %

В соответствии с Постановлением № 786 паспорта государственных программ должны включать информацию об общих объемах налоговых расходов [О системе управления...]. Между тем только 17 паспортов государственных программ содержат информацию о налоговых расходах (45%). По отдельным программам оценка объема налоговых

расходов превышает показатели паспортов государственных программ (превышение оценки объема в 2025 году по 10 государственным программам). Для государственных программ «Развитие транспортной системы», «Охрана окружающей среды», «Воспроизводство и использование природных ресурсов» превышение объема налоговых расходов отмечается на всем периоде бюджетных проектировок 2023–2025 гг. При этом в паспорте государственной программы «Охрана окружающей среды» налоговые расходы в 2025 г. уже не предусмотрены, в паспорте государственной программы «Воспроизводство и использование природных ресурсов» налоговые расходы не предусмотрены ни в 2024 г., ни в 2025 г.

В Отчете о налоговых расходах отсутствует информация о налоговых расходах следующих государственных программ РФ: «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности», «Юстиция», «Реализация государственной национальной политики». В паспортах данных государственных программ налоговые расходы предусмотрены на 2023–2025 гг. в общем объеме 3946,1 млн руб. (в 2023 г. — 1876,8 млн руб., в 2024 г. — 2042,2 млн руб., в 2025 г. — 27 млн руб.).

## Результаты

Налоговые льготы и преференции федерального бюджета в большей степени ориентированы на стимулирование нефтегазовой отрасли, а также стандартных освобождений от уплаты НДС. На собираемость НДС негативно влияют неустойчивость хозяйственных связей и инфляционные факторы.

Приоритетность поддержки сырьевой отрасли, с одной стороны, обусловлена структурой отечественной экономики, с другой стороны, несет риски потерь рыночной доли, связанной с развитием технологий генерации энергии из альтернативных источников.

В нефтегазовой отрасли в период 2023–2025 гг. высока вероятность реализации рисков, связанных с ценовой конъюнктурой на мировом рынке, обусловленной введением «потолка цен» на энергетические товары, решениями ОПЕК+, разрывом и прежних и формированием новых цепочек поставок. В прогнозируемых объемах в федеральный бюджет могут не поступить вывозная таможенная пошлина, НДС при добыче нефти и газа. Справедливость распределения природной ренты поддерживается демпфирующим механизмом, однако бюджетный эффект обеспечивается при более низкой цене за баррель нефти, если цена устанавливается высокая, то включается механизм обратного акциза и выгодоприобретателями становятся компании, а не бюджет.

В части налога на прибыль возрастают риски выпадения доходов федерального бюджета, связанных с поддержкой отраслей, облагаемых по льготной ставке. Пересматриваются критерии инвестиционных налоговых вычетов в сторону снижения порога «для входа» в проект, таким образом потенциальная численность организаций-участников проектов также увеличивается. Параллельно расширяется перечень расходов, в отношении которых возникает право на применение инвестиционного налогового вычета. Данные налоговые льготы и преференции, с одной стороны, влекут формирование вы-

падающих доходов, однако не нарушают фискальные интересы государства, поскольку в будущем ожидается достижение эффекта самокупаемости налоговых льгот.

Решения по налоговым льготам и преференциям будут распространяться на вновь принятые российские территории, преференциальный режим связан с перспективой создания особых экономических зон с льготным налогообложением. Организации, обеспечивающие вклад в развитие хозяйственных отношений в новых российских регионах, ведущие восстановительные работы (в первую очередь строительные компании), скорее всего получат освобождения от уплаты НДС и другие налоговые послабления.

Оценить реальные объемы налоговых расходов затруднительно, с большой вероятностью оценка выпадающих доходов может быть значительно скорректирована в предстоящем периоде.

Для достижения целевого эффекта планируемых объемов налоговых расходов важно обеспечить их увязку с целями государственных программ, сократить нераспределенные по государственным программам налоговые расходы, что позволит тщательно проводить их оценку. Сами государственные программы должны быть приведены в соответствие установленным требованиям программирования и содержать полную информацию о налоговых льготах и преференциях, если последние предусматриваются в бюджетных проектировках.

## Выводы

В совокупности налоговых льгот и преференций федерального бюджета особое место занимают направления, связанные с «нефтегазовым маневром» (рентные льготы и преференции), «структурным маневром» (льготы и преференции для отраслей), «территориальным маневром» (льготы и преференции для отдельных территорий), стандартные и социальные льготы и преференции. Самый динамичный рост объема налоговых расходов в группе нефтегазовых доходов оценивается для режима НДС, с новым налоговым вычетом для выработанных месторождений. Объем выпадающих доходов по налогу на имущество организаций возрастает, по другим налогам объемы выпадающих доходов сокращаются. В целом в структуре нефтегазовых доходов отмечается смещение параметров в пользу режима НДС. В группе ненефтегазовых доходов самый динамичный рост связан с представлением льгот по НДС, снижение — с налогом на прибыль организаций, ввозной таможенной пошлиной.

Представляется возможным направить усилия на оптимизацию налоговых расходов, связанных с нефтедобывающей отраслью, тем самым сбалансировать стратегические отраслевые приоритеты через инструменты налоговых расходов.

Значительная часть налоговых расходов федерального бюджета, связанных с достижением целей государственных программ, не нашли отражение в паспортах документов. Сами государственные программы должны быть приведены в соответствие установленным требованиям программирования и содержать полную информацию о налоговых льготах и преференциях. Не отражение всего объема выпадающих доходов бюджета

говорит о снижении открытости и прозрачности решений в сфере фискальной политики и ведет к неконтролируемым потерям доходов бюджета.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Балынин И. В. 2022. Финансовая поддержка отечественных производителей в контексте достижения национальных целей развития Российской Федерации: ключевые проблемы и предложения по их решению // Вопросы инновационной экономики. Том 12. № 1. С. 317–339.
- Богачева О., Фокина Т. 2017. Управление налоговыми расходами в странах ОЭСР // Мировая экономика и международные отношения. Том 61. № 4. С. 26–36. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-26-36>
- Буздалина О. Б., Бондаренко Н. О. 2020. Анализ концепции налоговых расходов бюджета и ее реализация в Российской Федерации // Финансовая жизнь. № 1. С. 113–116.
- Налоговые расходы Российской Федерации. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/raskhod/rf> (доступ: 04/20/2023)
- О системе управления государственными программами Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.05.2021 № 786.
- О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ.
- Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 и на плановый период 2024 и 2025 годов. URL: [https://minfin.gov.ru/ru/statistics/docs/budpol\\_taxpol/](https://minfin.gov.ru/ru/statistics/docs/budpol_taxpol/) (дата обращения: 20.02.2023).
- Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ внедрения концепции налоговых расходов в бюджетный процесс Российской Федерации в 2019–2021 годах и истекшем периоде 2022 года». Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/ef7/p7hok6uxhil03f1xxwrw4cgirv8w3nck.pdf>
- Отчетность по исполнению бюджетов. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/> (дата обращения: 20.02.2023).
- Отчет об оценке налоговых расходов Российской Федерации за 2021 год, оценке налоговых расходов Российской Федерации на 2022 год и оценке налоговых расходов Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. Материал к проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/201614-8> (дата обращения: 20.02.2023).
- Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 и на плановый период 2024 и 2025 годов. URL: [https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy\\_socialno\\_ekonomicheskogo\\_razvitiya/prognoz\\_socialno\\_ekonomicheskogo\\_razvitiya\\_rossiyskoy\\_federacii\\_na\\_2023\\_god\\_i\\_na\\_planovyy\\_period\\_2024\\_i\\_2025\\_godov.html](https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html) (дата обращения: 20.02.2023).
- Bachas P., Gadenne L., Jensen A. 2022. Informality, Consumption Taxes and Redistribution. NBER working paper 27429, June. URL: [https://www.nber.org/system/files/working\\_papers/w27429/w27429.pdf](https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27429/w27429.pdf)
- Bashir M. F., Benjiang M. A., Bashir M. A., Radulescu M., Shahza U. 2022. Investigating the role of environmental taxes and regulations for renewable energy consumption: evidence from de-

- veloped economies // Economic Research-Ekonomska Istraživanja. Vol. 35. No. 1. Pp. 1262–1284. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2021.1962383>
- Coelho M. D. 2021. Brazil: Tax Expenditure Rationalization within Broader Tax Reform. IMF Working Papers. (240), A001. URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2021/240/article-A001-en.xml>
- GTED — Global Tax Expenditure Database. URL: <https://gted.net/> (дата обращения: 20.02.2023).
- Neubig T., Redonda A. 2017. Shedding Light on Hidden Government Spending: Tax Expenditures // IMF PFM Blog. URL: <https://blog-pfm.imf.org/en/pfmblog/2017/12/shedding-light-on-hidden-government-spending-tax-expenditures> (дата обращения: 20.02.2023).
- OECD. 2004. Best practice guidelines — Off Budget and Tax Expenditures. 25<sup>th</sup> Annual Meeting of Senior Budget Officials. Madrid, Spain, 9–10 June. URL: <https://www.resourcegovernance.org/sites/default/files/OECD%20Off-Budget%20&%20Tax%20Expenditures%20Guidelines.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).
- OECD. 2010. Tax Expenditures in OECD Countries. Paris, OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264076907-en>
- Redonda A., Sarralde S. D., Hallerberg M., Johnson L., Melamud A., Rozemberg R., Schwab J., Haldenwang C. 2019. Tax expenditure and the treatment of tax incentives for investment // Economics. Vol. 13. No. 1. Pp. 1–11. <http://doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2019-12>
- Redonda A., Lenain P., Aliu F. 2023. Let's Find a Way to Get Tax Subsidies for Clean Energy Right // Bloomberg Tax. May 9. URL: <https://news.bloombergtax.com/tax-insights-and-commentary/lets-find-a-way-to-get-tax-subsidies-for-clean-energy-right>
- Sokolovska, A, Zatonatska, T. 2022. Debatable Aspects of the Concept of Tax Expenditures // Ekonomika. Vol. 101. No. 2. Pp. 109–124.

## References

- Balynin, I. V. (2022). Financial support to domestic producers in the context of achieving national development goals of the Russian Federation: key problems and proposals for their solutions. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 12(1), 317–339. [In Russian]
- Bogacheva, O., & Fokina, T. (2017). Management of tax expenditures in OECD countries. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61(4), 26–36. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-26-36> [In Russian]
- Buzdalina, O. B., & Bondarenko, N. O. (2020). Analysis of the concept of tax expenditures of the budget and its implementation in the Russian Federation. *Finansovaya zhizn*, (1), 113–116. [In Russian]
- RF Ministry of Finance. (n.d.a). *RF Tax expenditures*. Retrieved Apr. 20, 2023 from <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/raskhod/rf> [In Russian]
- On the system of management of the RF state programs, RF Government Decree, No. 786 (2021). [In Russian]
- On the federal budget for 2023 and for the planning period of 2024–2025, RF Federal Law, No. 466-FZ (2022). [In Russian]

- RF Ministry of Finance. (n.d.b). *Main directions of budget, tax and customs and tariff policy for 2023 and for the planning period 2024–2025*. Retrieved Feb. 20, 2023 from [https://minfin.gov.ru/ru/statistics/docs/budpol\\_taxpol/](https://minfin.gov.ru/ru/statistics/docs/budpol_taxpol/) [In Russian]
- RF Accounts Chamber Collegium. (2022). *Report on the results of the expert and analytical event “Analysis of the implementation of the concept of RF tax expenditures in the budget process in 2019–2021 and the elapsed period of 2022.”* <https://ach.gov.ru/upload/iblock/ef7/p7hok6uxhil-03f1xxwrw4cgirv8w3nck.pdf> [In Russian]
- RF Treasury. (1997–2023). Reporting on the execution of budgets. *RF Treasury*. Retrieved Feb. 20, 2023 from <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/> [In Russian]
- Assessment Report of the RF tax expenditures for 2021, 2022 and 2023 and for the planning period 2024 and 2025. Material to the RF draft federal law “On the federal budget for 2023 and the planning period of 2024 and 2025.* (n.d.). Retrieved Apr. 20, 2023 from <https://sozd.duma.gov.ru/bill/201614-8> [In Russian]
- RF Ministry of Economic Development. (2022). *Forecast of the RF socio-economic development for 2023 and for the planning period 2024–2025*. Retrieved Feb. 20, 2023 from [https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy\\_socialno\\_ekonomicheskogo\\_razvitiya/prognoz\\_socialno\\_ekonomicheskogo\\_razvitiya\\_rossiyskoy\\_federacii\\_na\\_2023\\_god\\_i\\_na\\_planovyy\\_period\\_2024\\_i\\_2025\\_godov.html](https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html) [In Russian]
- Bachas, P., Gadenne, L., Jensen, A. (2022). *Informality, Consumption Taxes and Redistribution* (NBER working paper No. 27429). [https://www.nber.org/system/files/working\\_papers/w27429/w27429.pdf](https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27429/w27429.pdf)
- Bashir, M. F., Benjiang, M. A., Bashir, M. A., Radulescu, M., Shahza, U. (2022). Investigating the role of environmental taxes and regulations for renewable energy consumption: evidence from developed economies. *Economic Research-Ekonomiska Istraživanja*, 35(1), 1262–1284. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2021.1962383>
- Coelho, M. D. (2021). *Brazil: Tax Expenditure Rationalization within Broader Tax Reform* (IMF Working Paper No. 240, A001). Retrieved Feb 25, 2023, from <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2021/240/article-A001-en.xml>
- GTED — Global Tax Expenditure Database. (n.d.). Retrieved Feb. 20, 2023 from <https://gted.net/>
- Neubig, T., & Redonda, A. (2017). Shedding Light on Hidden Government Spending: Tax Expenditures. *IMF PFM Blog*. Retrieved Feb. 20, 2023 from <https://blog-pfm.imf.org/en/pfmblog/2017/12/shedding-light-on-hidden-government-spending-tax-expenditures>
- OECD. (2004). *Best practice guidelines — Off Budget and Tax Expenditures*. 25th Annual Meeting of Senior Budget Officials. Retrieved Feb. 20, 2023 from <https://www.resourcegovernance.org/sites/default/files/OECD%20Off-Budget%20&%20Tax%20Expenditures%20Guidelines.pdf>
- OECD. (2010). *Tax Expenditures in OECD Countries*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264076907-en>
- Redonda, A., Sarralde, S. D., Hallerberg, M., Johnson, L., Melamud, A., Rozemberg, R., Schwab, J., & Haldenwang, C. (2019). Tax expenditure and the treatment of tax incentives for investment. *Economics*, 13(1), 1–11. <http://doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2019-12>



Redonda, A., Lenain, P. & Aliu, F. (2023). Let's Find a Way to Get Tax Subsidies for Clean Energy Right. *Bloomberg Tax*, May 9. <https://news.bloombergtax.com/tax-insights-and-commentary/lets-find-a-way-to-get-tax-subsidies-for-clean-energy-right>

Sokolovska, A., & Zatonatska, T. (2022). Debatable Aspects of the Concept of Tax Expenditures. *Ekonomika*, 101 (2), 109–124.

## Информация об авторе

*Светлана Евгеньевна Демидова*, кандидат экономических наук, доцент, доцент департамента общественных финансов Финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия  
[demidovapsk@gmail.com](mailto:demidovapsk@gmail.com)

## Information about the author

*Svetlana E. Demidova*, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Public Finance, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia  
[demidovapsk@gmail.com](mailto:demidovapsk@gmail.com)

## Оптимизация механизма целевого планирования предприятия топливно-энергетического комплекса

Мирослава Геннадьевна Салько<sup>✉</sup>, Светлана Николаевна Басуева,  
Скворцова Надежда Константиновна

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия  
Контакт для переписки: [salkomg@tyuiu.ru](mailto:salkomg@tyuiu.ru)<sup>✉</sup>

**Аннотация.** Динамичное изменение внешней экономической среды отраслевых предприятий требует поиск и разработку методических инструментов к обоснованному механизму целевого планирования. В этой статье рассмотрены ключевые современные научные исследования в данной области. Представлено описание методического инструментария в области сбора и обработки информации для последующего анализа и обоснованного планирования целевых решений. Авторами разработана и представлена рекомендуемая матричная модель оценки качества входящей информации для предприятия топливно-энергетического комплекса. С помощью метода анализа иерархий выбран наиболее предпочтительный метод сбора и обработки информации. Охарактеризованы формальные и неформальные методы разработки целевых решений. Описан механизм выявления проблем и постановки цели на отраслевом предприятии. С целью обоснования стратегических решений на этапе разработки альтернатив целевых ориентиров авторами использованы различные методические инструменты и представлены результаты отбора наиболее надежных методов. Определены целевые стратегические решения отраслевого предприятия и сформулированы приоритетные задачи его развития. Приведена последовательность механизма целевого планирования предприятия ТЭК и представлены методические рекомендации по его реализации. На основе проведенного мозгового штурма и построенной диаграммы Исикавы авторами определены и представлены ключевые проблемы отраслевого предприятия. Используя экспертную оценку и определение ее согласованности, была выбрана предпочтительная схема планирования и реализации целевых решений предприятия. В результате были установлены причинно-следственные связи, представлена диаграмма и стратегическая карта

по одному из ключевых целевых решений отраслевого предприятия. Также была приведена взаимосвязь целевых показателей с внутренними процессами предприятия для повышения обоснованности планируемых решений предприятия.


**Ключевые слова:** целевое планирование, методический инструментарий, отраслевое предприятие, топливно-энергетический комплекс, ТЭК

**Цитирование:** Салько М. Г., Басуева С. Н., Скворцова Н. К. 2023. Оптимизация механизма целевого планирования предприятия топливно-энергетического комплекса // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 194–212. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-194-212>

Поступила 04.06.2023; одобрена 13.06.2023; принята 13.06.2023

## Optimization of the target planning mechanism of the fuel and energy complex enterprise

Miroslava G. Salko , Svetlana N. Basueva, Nadezhda K. Skvortsova

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia  
Corresponding author: [salkomg@tyuiu.ru](mailto:salkomg@tyuiu.ru) 

**Abstract.** The dynamic change in the external economic environment of industrial enterprises requires searching for and developing methodological tools for an evidence-based target planning mechanism. This article reviews the key modern research works in this field, highlighting the constituent elements of target planning and the existing problems in their use. The methodological tools for collecting and processing information for subsequent analysis and informed planning of targeted solutions are described. A recommended matrix model for assessing the quality of incoming information for a fuel and energy complex (FEC) enterprise has been developed and presented. Using the hierarchy analysis method, the most preferred method of collecting and processing information is selected. Formal and informal methods of developing targeted solutions are characterized. The mechanism of identifying problems and setting goals at an industry enterprise is described. To explain strategic decisions when developing alternatives to targets, the authors have used various methodological tools and presented the results of selecting the most reliable methods. The target strategic solutions of the branch enterprise are defined and the priority tasks of its development are formulated. The sequence of the target planning mechanism of the FEC enterprise is given together with methodological recommendations for its implementation. Based on the brainstorming and the constructed

Ishikawa diagram, the authors identify and present the key problems of an industrial enterprise. Using expert evaluation and establishing its consistency, the preferred scheme for planning and implementing target solutions of the enterprise has been selected. The results show existing causal relationships, presenting a diagram and a strategic map for one of the key target solutions of an industry enterprise. The interrelation of the target indicators with the internal processes of the enterprise is given to increase the validity of the planned decisions of the enterprise.

**Keywords:** target planning, methodological tools, industry enterprise, fuel and energy complex, FEC

**Citation:** Salko, M. G., Basueva, S. N., & Skvortsova, N. K. (2023). Optimization of the target planning mechanism of the fuel and energy complex enterprise. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 194–212. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-194-212>

Submitted Jun. 4, 2023; Reviewed Jun. 13, 2023; Accepted Jun. 13, 2023

## Введение

Современная парадигма отраслевого рыночного и отраслевого развития предприятий топливно-энергетического комплекса (ТЭК) актуализирует вопросы планирования и достижения поставленных целей и задач в условиях изменяющейся среды. Результативность поставленных целей зависит не только от надлежащей компетенции и опыта руководства в отраслях ТЭК, но и от эффективности стратегического и оперативного планирования деятельности предприятий [Павлушин, 2018]. В таких условиях вопросы исследования проблем оптимизации механизма целевого планирования являются актуальными.

Процесс целевого планирования—непрерывная и динамичная деятельность, которая пронизывает все другие виды деятельности, относящиеся к предприятию ТЭК [Стефанов, 1975]. Поэтому процесс принятия целевых решений играет жизненно важную роль в функционировании отраслевого предприятия. Основные и стратегические решения принимаются высшим уровнем управления для формулирования организационных правил, положений, программ и т. д. Это оказывает долгосрочное воздействие на целевые результаты компании, ведь небольшая ошибка в основных решениях может стать причиной провала решения. От качества принимаемого решения зависят не только позитивные результаты, но и размер ресурсных затрат, а также возможных потерь (финансовых, временных, материальных, человеческих и т. п.), которые могут появиться вследствие допущения ошибок при целевом планировании [Поспелов, 2008].

Цель представленного исследования — систематизировать методические инструменты для целевого планирования и разработки управленческих решений отраслевого предприятия с целью обоснования их выбора, обеспечивающих наибольший организационно-экономический результат.

Для этого нужно решить следующие задачи:

- представить характеристику методов, используемых для целевого планирования и разработки управленческих решений и особенностей их применения для предприятий ТЭК;
- обосновать выбор методических инструментов для целевого планирования предприятия ТЭК;
- представить результаты механизма целевого планирования и принятия управленческих решений на основе рекомендуемого методического подхода.

Исследования в данной области активно выполняются зарубежными и российскими учеными.

## Предмет и методы исследования

Механизм целевого планирования (МЦП) отраслевого предприятия включает такие процессы, как установление целей на основе сбора и анализа информации, определение перечня работ и формирование графика и разработка плана достижения целей с определением потребности в ресурсах и критериев успеха [Рапопорт, 2008].

### Сбор информации и выявление проблемы

Важным этапом планирования и декомпозиции целей является информационное обеспечение целевых решений. Акцентируем внимание на важности учетной информации и детализируем требования, которым она должна соответствовать: качество, точность, достоверность, уместность, своевременность (оперативность), существенность и адресность.

Принципы, которым должно соответствовать информационное обеспечение контроля процесса целевого планирования: целеустремленность, системность, комплексность, унификация, типизация [Новожилова, 2016].

Следовательно, независимо от своего вида полученная информация должна быть точной, полной, достоверной, надежной и удобной для восприятия, оценки и принятия качественных и эффективных целевых решений.

Вышеизложенное позволяет установить взаимосвязь между методами сбора информации, необходимой для организации контроля за процессом принятия управленческих решений и мерой достаточности как основного критерия качества информационного обеспечения контроля МЦП.

В настоящий момент наиболее популярен для сбора информации на предприятиях ТЭК метод (тест) «CRAAP» [Трояновский, 2019], предложенный Калифорнийским государственным университетом — Чико. Преимущество данного метода — большой перечень характеристик, который можно дополнить. Главным недостатком данного метода является отсутствие возможности выбора количественной оценки (например, оценка каждого критерия по баллам) самого источника информации; помимо этого, сам метод достаточно сложен.

Второй часто используемый метод сбора информации для отраслевых предприятий — «метод Кента» [Трояновский, 2019], согласно которому к тем или иным утверждениям

выставляется свое цифровое и буквенное обозначение. Буквы обозначают достоверность (компетентность) источника, а цифры — кто является источником. Главный недостаток данной модели — отсутствие возможности выделения наиболее важных факторов.

Еще одним из инструментов сбора информации — метод «Матрица» [Новожилова, 2016]. Важнейшие критерии выбора источника информации в данной методе включают качество информации (достоверность, полнота, надежность), цену информации, время предоставления и общедоступность.

В целях оценки качества предоставляемой информации авторами предлагается ввести шкалу набранных «очков», где

- 4 — рекомендуемый источник информации,
- 3 — приемлемый источник информации,
- 2 — сомнительный источник информации,
- 1 — недопустимый источник информации.

Выбор предпочтительного источника информации необходимо осуществлять либо по общей сумме набранных очков, либо по сумме очков отдельных наиболее релевантных критериях. Так, авторами предлагается матричная модель оценки качества информации (таблица 1).

**Таблица 1.** Рекомендуемая матричная модель оценки качества информации

**Table 1.** The recommended matrix model for assessing the quality of information

Оценка	Качество	Цена	Время предоставления	Общедоступность
4	офиц. ист-к	бесплатно	немедленно	прямой ист-к
3	надеж. ист-к из стр-ры компании	формальная	еженед. обзоры	офиц. запрос
2	пресса (в т. ч. «желтая»)	значительная	ежекварт., год. обзоры	внутр. док-ты
1	комментарии в соц. сетях	высокая	непубл. инф-я	засекр. инф-я

Безусловным преимуществом данного метода является возможность проведения качественного сравнительного анализа по отдельным наиболее важным критериям.

Выбор подходящего метода сбора информации предлагается осуществить с помощью метода анализа иерархии, предложенный Томасом Саати [Саати, 1993]. Метод анализа иерархии включает в себя следующие этапы: определение цели, выделение основных критериев и альтернатив, построение дерева альтернатив, расчет локальных векторов приоритетов.

Целью использования данного метода является выбор наиболее оптимального метода сбора информации для предприятия ТЭК. В качестве критериев оценки используется измерение информации по отдельным (наиболее важным) значениям: оценка информации по надежности источника и качественная (количественная) оценка информации.

В качестве рассматриваемых альтернатив выбраны: метод CRAAP, метод Кента и матричный метод. Дерево альтернатив представлено на рис. 1.



**Рис. 1.** Дерево альтернатив выбора метода сбора информации для предприятия ТЭК

**Fig. 1.** Tree of alternatives for choosing the method of collecting information for the FEC enterprise

Расчет локальных векторов приоритетов производится путем построения матриц. Для построения матрицы необходимо воспользоваться шкалой относительной важности с количественной оценкой альтернатив в виде баллов:

равно, безразлично	= 1;		
немного лучше	= 3;	немного хуже	= 1/3;
лучше	= 5;	хуже	= 1/5;
значительно лучше	= 7;	значительно хуже	= 1/7;
принципиально лучше	= 9;	принципиально хуже	= 1/9.

После построения матрицы приоритетов по критериям оценок составлены матрицы для каждого из критериев оценок, рассчитана нормализованная матрица, позволяющая определить весомость каждого критерия. В результате определены весовые коэффициенты по каждому из критериев оценки методов сбора информации (таблица 2).

**Таблица 2.** Матрицы весовых коэффициенты по всем критериям анализируемых методов

**Table 2.** Matrices of weight coefficients according to all criteria of the analyzed methods

Оценка по отд. критериям	CRAAP	Кента	Матрица	Ср. значение	Веса критериев, %
CRAAP	0,429	0,428	0,429	0,429	43
Кента	0,141	0,142	0,141	0,142	14
Матрица	0,429	0,428	0,429	0,429	43
Надежность ист-ка	CRAAP	Кента	Матрица	Ср. значение	Веса критериев, %
CRAAP	0,33	0,33	0,33	0,33	33
Кента	0,33	0,33	0,33	0,33	33
Матрица	0,33	0,33	0,33	0,33	33

Окончание таблицы 2

Table 2 (end)

Качеств. оценка инф.	CRAAP	Кента	Матрица	Ср. значение	Веса критериев, %
CRAAP	0,142	0,142	0,142	0,142	14
Кента	0,142	0,142	0,142	0,142	14
Матрица	0,714	0,714	0,714	0,714	72

По критерию «Оценка по отдельным критериям» передовые равнозначные позиции можно наблюдать у методов CRAAP и Матрица. По критерию «Надежность источника» все методы равны. По критерию «Качественная (количественная) оценка информации» вперед вырывается матричный метод.

Далее определяются веса каждой из альтернатив, для чего была составлена матрица среднего значения методов и рассчитаны средние значения веса критериев. В результате получены весовые значения каждой из альтернатив (таблица 3).

Таблица 3. Весовые значения каждой из альтернатив

Table 3. Weight values of each of the alternatives

Метод	Веса альтернатив, %
CRAAP	27,8%
Кента	16,3%
Матрица	55,9%

Согласно расчетам, оптимальным является Матричный метод сбора информации, т. к. он занимает 55,9% среди других альтернатив, суммарно превышая другие методы вместе взятые.

### Выявление проблем и постановка цели

На следующем этапе МЦП определяются цели, которые напрямую способствуют достижению наилучших результатов. Методы, используемые при разработке целевых управленческих решений отраслевых предприятий, подразделяются на три основных класса: формализованные, неформализованные и комбинированные [Павлушин, 2018].

Формализованные методы как основной инструмент используют алгоритмы, которые позволяют получить новую информацию о решаемой проблеме, прийти к верным умозаключениям и принять наилучшее управленческое решение. Формализация позволяет составить логические связи между внутренними и внешними объектами и составить их количественное описание, что позволит получить достоверные знания. Основным недостатком данных методов — невозможность их применения при изначально абстрактных данных об объекте исследования. Как правило, данный метод не используется для разработки альтернатив, а больше применим для этапа оценки их эффективности.



В современных условиях решить огромное количество различных задач невозможно за счет формальных методов. При неформализованных методах целевые решения разрабатываются на основании профессионального опыта, багажа знаний, интуиции управленца, его коллег и привлеченных экспертов. Неформализованные, они же эвристические методы принятия решений, отличаются творческим порывом к выявлению альтернативных сценариев, которые в свою очередь являются следствием качественного анализа эксперта (управленца). В целом данный метод представляет из себя комплекс логических приемов и методик выбора решений экспертами при помощи инструментов соизмерения альтернатив с учетом уровня знаний самого эксперта.

1. На этапе выявления проблем и постановки цели на предприятии ТЭК используется метод Исикавы [Исикава, 1998] (на других этапах данный метод не применяется), что позволяет отобразить причинно-следственные связи в МЦП.
2. На следующем этапе предполагается мозговой штурм для выявления проблемы.
3. Далее формируется экспертная группа минимум из трех человек. Рекомендуется, чтобы в группе присутствовал линейный руководитель и один человек не из отрасли ТЭК. В последствии подбираются критерии, по которым будет проводиться оценка. На предприятии ТЭК данный этап проводится по заведомо классическим характеристикам, таким как люди, материал, оборудование, метод, менеджмент и технологии.
4. На четвертом этапе экспертная группа проводит обзор каждой «примыкаемой косточки», определится корневые причины проблемы.
5. На следующем этапе группе необходимо сформировать план-действия, после чего самые перспективные из них будут выбраны другим методом.
6. На этапе создания новых концепций при обращении к новым ассоциациям возрастает результативность творческой работы за счет зарождения новых идей. В процессе появления новых ассоциаций складываются необычные связи между частями решаемой проблемы и старым опытом привлекаемого к работе эксперта. Указанный метод и техника его использования принимают во внимание особенности мыслительного процесса человеческого мозга, разрабатывающего новые управленческие идеи при появлении новых ассоциативных связей. Так, если члены группы предлагают выражение, определение, то оно в дальнейшем может служить для установки ассоциативных связей. Смысл мозгового штурма в том, чтобы при формировании группового управленческого решения определить две основные задачи: а) сформировать новые целевые решения в отношении возможных поставленных задач и б) провести анализ и оценку данных процедур [Малая, 2021].

### **Выработка альтернативных вариантов решения**

Метод Делфи представляет из себя метод, благодаря которому возможно достаточно быстро находить решения по той или иной проблеме. Данный метод представляет из себя синтез метода экспертных оценок и мозгового штурма [Приймак, 2019].

Метод дерева решений достаточно широко распространен в предприятиях ТЭК в целях принятия целевых решений и количественного понимания их вариантов. Данный метод позволяет управленцу разбить проблемы на части и выбрать самый оптимальный вариант из представленных [Литовченко, 2018].

Метод дерева решений представляет из себя комбинацию формализованного и неформализованного подхода, реализованный в виде графического изображения процесса выработки целевых решений при разных условиях. Последовательное построение ветвей дерева позволяет создать модель, которая позволяет учесть многовариантность событий и возможные целевые результаты с учетом множества переменных. Данный метод дает понять: идет ли предприятие к заявленной цели и в какие сроки она будет достигнута. Также дерево решений дает возможность управленцу идентифицировать потенциальные варианты и определить оправданность каждой концепции. Каждый конечный результат так или иначе имеет свои выгоды и риски, в результате чего управленец может оценить наиболее перспективные решения [Молчанова, 2018]. Данный метод на предприятии ТЭК применяется на этапе выбора альтернативных целевых решений.

Ранее на отраслевых предприятиях из всех вышеперечисленных методов на этапе разработке альтернатив использовался лишь мозговой штурм для тактических управленческих решений, при этом на практике данный метод работал крайне плохо, т. к. группа уходила от реальной проблемы к обсуждению фантастических идей и большое множество выдвигаемых идей сводилось к недостаточному количеству выделяемых средств. В целях усовершенствования данного этапа авторами предлагается произвести оценку всех методов и выбрать наиболее целесообразный с помощью метода парных сравнений [Саати, 1993].

### **Выбор методов оценки из альтернатив**

В этой статье оценивается, какой из методов лучше подходит для этапа разработки альтернатив на предприятии ТЭК. Поскольку указанные методы применяются лишь для тактических управленческих решений, то эксперты производят оценку по следующим главным критериям: простота (интуитивность), возможность качественной классификации, возможность отбора по признакам, управляемость.

Для расчета на этапе разработки альтернатив обозначим методы следующим образом:

- A1 — метод ассоциаций,
- A2 — мозговой штурм,
- A3 — метод Делфи,
- A4 — метод дерева решений.

Для решения задачи привлечены три эксперта равнозначных по своему мнению. Составим таблицу, где в шапку внесем сравнение методов (например, A1–A2), а в левый столбец — экспертов. В местах пересечений указан метод, который выбрал эксперт из двух; в итоге метод, который наберет наибольшее количество повторений, будет приоритетным (таблица 4).

**Таблица 4.** Матрица парных сравнений разработки альтернатив

**Table 4.** Matrix of paired comparisons of alternative development

эксперты	A1-A2	A1-A3	A1-A4	A2-A3	A2-A4	A3-A4
Эксперт 1	A2	A3	A4	A3	A4	A4
Эксперт 2	A1	A3	A4	A3	A4	A3
Эксперт 3	A2	A3	A4	A2	A4	A4

По итогу указанных расчетов наиболее количество баллов набрал метод дерева решений (A4), на котором и останавливается выбор на этапе разработки альтернатив для тактических решений. Данный метод в указанном этапе имеет большое преимущество т. к. позволяет качественно выбрать альтернативы выявленной проблемы обозначенной методом Исикавы.

### Методы стратегических решений

Для стратегических решений на этапе разработки альтернатив на предприятии ТЭК применяется метод сценарного планирования [Лаева, 2006]. Сценарии дают возможность понять, как нужно воздействовать на различных процессах, которые приводят к разным результатам. Разбор сценариев представляет собой последовательный способ наблюдения за политическим, экономическим, технологическим мировым фоном.

Метод сценарного планирования включает в себя три основополагающих этапа:

- 1) разработка сценариев,
- 2) соотношение сценариев с существующими стратегиями и
- 3) оценка вероятности.

Следствием правильного сценарного планирования в разработке концепций будет являться такой сценарный метод, благодаря которому можно разработать грамотный набор концепций для достижения наилучшего результата для предприятия ТЭК. Важно отметить, что по каждому сценарию обычно совпадает только одна, самая оптимистичная концепция. В итоге необходимо выбрать концепцию, при которой отраслевое предприятие достигнет своих целей при любом варианте развития событий с минимальными рисками. Дополнительно важно отметить, что, если вероятность какого-либо сценария выше остальных, то выбор должен остановиться именно на нем.

Метод сценарного планирования, как и линейного программирования, исполняет важную роль при оценке концепций развития предприятия ТЭК. Он позволяет не только произвести качественную оценку концепции, но и увидеть возможные проблемы и в дальнейшем подготовиться к ним. С данным методом значительно снижается неопределенность, появляются дополнительные факторы, указывающие на безошибочность выбора концепции, и приходит осмысление того, как действовать далее. После того, как будут представлены возможные альтернативы, на этапе выбора наилучшего управленческого решения используется метод экспертных оценок.

Процесс планирования при использовании программно-целевого метода должен применяться в несколько этапов [Shila, 2021].

Первый этап — разработка долгосрочных целей (стратегий) предприятия ТЭК. В условиях постоянно меняющейся внешней среды выработка и обоснованность целей представляет достаточно сложную задачу. Перспективное планирование является основополагающим этапом успешной работы отраслевого предприятия, т. к. оно применяется в условиях недостаточной информации.

Алгоритм разработки стратегий имеет следующие этапы:

- 1) обсуждение руководством предприятия (или материнской компании) стратегий развития с работниками функциональных структурных подразделений;
- 2) анализ замечаний и предложений;
- 3) применение результатов анализа для доработки стратегии.

На этапе оценки действующей структуры управления предприятия составляются или редактируются положения о структурных подразделениях, добавляются дополнительные функции в положения и должностные инструкции работников.

Суть разработки целей для каждого структурного подразделения в том, что конкретные цели должны быть определены для всех уровней управления. Доведение целей до конкретных исполнителей определяет возможность реализации цели конкретным человеком. Только после полного согласования стратегий и конкретизации действий цели могут быть доведены до исполнителя. На практике это означает широкое обсуждение всех стратегий и конкретных действий в ходе проведения производственных совещаний.

В реализацию целей входят:

- фиксация определенных целей за конкретным исполнителем;
- анализ достаточности ресурсов для реализации целей;
- утверждение графика выполнения работ;
- контроль исполнения целей по всей системе управления путем издания резолюций в системе электронного документооборота;
- своевременная корректировка действий исполнителей в ходе реализации цели.

На этапе оценки достигнутых результатов производят их измерение снизу-вверх с выходом на главные цели. Анализ результатов должен происходить неформально с учетом мнения рядовых сотрудников организации и исполнителей. Результаты анализа доводятся до всех уровней управления, после чего происходит новое обсуждение результатов для согласования действий и концепций.

Цели можно корректировать только после выявления степени прогресса в разработанных стратегиях, т. е. с учетом уровня достижения цели, когда необходимо вернуться к этапу «разработки долгосрочных целей (стратегий) предприятия».

## Результаты

На основе проведенного исследования и отбора рекомендуемых методов, используемых в процессе целевого планирования отраслевого предприятия, предложены следующие составляющие процесса:

- 1) сбор информации и выявление проблемы;
- 2) описание проблемы;

- 3) проведение причинно-следственного анализа;
- 4) постановка цели, что достигается;
- 5) выработка альтернативных вариантов решения;
- 6) выбор критериев оценки достижения цели;
- 7) определение и оценка риска;
- 8) принятие решения.

Особенностью предложенного подхода считается проведение глубокого причинно-следственного анализа, что позволяет хорошо структурировать проблему, которая подлежит решению. Вместе с тем руководителю, который принимает решение, необходимо учитывать возможные ограничения времени на проведение причинно-следственного анализа.

Исследуемое предприятие ТЭК — крупнейшая государственная компания, находящаяся во введении у материнской организации, которая сама находится в государственном управлении. Дополнительно стоит отметить, что эта компания несет социальную ответственность перед потребителем, а поскольку цену на конечный продукт — электроэнергию — регулирует государство, то она работает в очень сжатых «полурыночных» условиях.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что любое целевое решение должно вписываться в общие стратегии материнской компании и согласовываться с государственными планами развития. Соответственно, «стандартные» схемы принятия целевых решений должны содержать этап согласованности с материнской компанией и государственной политикой в области электроэнергетики.

В ходе мозгового штурма авторы концепций выявили (а эксперты подтвердили), что основная проблема состоит в низкой производительности труда дежурного оперативного персонала на подстанциях отраслевого предприятия. На основе построенной диаграммы Исикавы была описана ключевая проблема низкой производительности труда — неправильное распределение человеческих ресурсов в виду возложения на работников инженерно-управленческого состава несвойственных функций согласно профессиональных стандартов. В год в среднем у работника 247 рабочих дней, или 1976 часов, из них 554 часа работник должен выполнять несвойственные ему функции, на что уходит 28% рабочего времени.

Для выбора наиболее оптимальной схемы принятия целевого решения предложено воспользоваться методом экспертных оценок. На основе разработанной системы бальной оценок и подобранных пяти экспертов была составлена оценка их компетентности (таблица 5).

На следующем этапе предусмотрена обратная связь для устранения неподходящих целевых решений сокращения числа попыток запуска процесса заново. Наличие этапа согласованности с государственными программами развития предусматривает следующую бальную оценку:

- 1 балл — не согласуется с государственными программами;
- 3 балла — в схеме упоминается согласованность с высшими органами управления, без выделения в отдельный этап;
- 5 баллов — согласуется с государственными программами.

**Таблица 5.** Оценка компетентности экспертов**Table 5.** Assessment of experts' competence

Критерий оценки	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Эксперт 4	Эксперт 5
Стаж работы в электроэнергетике	2	3	1	5	4
Стаж работы в менеджменте	2	1	4	2	4
Должность	3	4	3	5	4
Образование (ученая степень)	2	4	5	2	3
Опыт работы в качестве эксперта	2	2	5	3	4
<b>Итоговая компетентность эксперта</b>	<b>11</b>	<b>14</b>	<b>18</b>	<b>17</b>	<b>19</b>

По результатам проведения бальной оценки с учетом коэффициента весомости по критерию «Итоговая компетентность эксперта» представлена оценка вариантов схем принятия целевых решений (таблица 6).

**Таблица 6.** Оценка экспертов с учетом их компетентности**Table 6.** Assessment of experts taking into account their competence

Варианты процесса принятия целевых решений	Эксперты					Средне взвешенная оценка
	1	2	3	4	5	
Схема 1	209	266	378	289	342	18,79
Схема 2	176	266	288	289	304	16,75
Схема 3	187	196	270	289	266	15,29
Схема 4	220	252	342	340	399	19,66
Схема 5	176	266	306	306	361	17,91
Схема 6	286	378	504	459	513	27,09
Итоговая компетентность эксперта	11	14	18	17	19	X

По мнению экспертов, действующая схема 6 принятия целевых решений отраслевого предприятия является высокоэффективной, в то время как прочие схемы значительно отстали по количеству баллов от действующей схемы с незначительными разницеми между друг другом.

Далее проведена проверка согласованности мнений экспертов с помощью коэффициента конкордации Кендалла [Приймак, 2019].

$$W = \frac{S}{\frac{1}{12}(m^2(n^3 - n)) - m \sum_{i=1}^m T_i}, \quad (1)$$

где  $m$  — число экспертов,  $n$  — количество предложенных схем принятия решений,  $S$  — сумма квадратов отклонений сумм рангов, полученных каждой схемой ( $n$ ) принятия УР, от средней суммы рангов,  $T_i$  — повторяющиеся элементы в оценках экспертов, рассчитывается по формуле

$$T_i = \frac{1}{12} \sum_{l=1}^{L_i} (t_l^3 - t_l), \quad (2)$$

где  $t$  — количество повторяющихся рангов,  $L$  — количество связанных оценок.

В последствии результаты предыдущих оценок ранжированы от минимального к максимальному и посчитаны «сумма рангов» показателей по каждой схеме целевого решения (таблица 7).

**Таблица 7.** Расчет суммы квадратов отклонений сумм рангов

**Table 7.** The calculation of the square sums of deviations of rank sums

Показатель	Схема 1	Схема 2	Схема 3	Схема 4	Схема 5	Схема 6	Сумма
Новый ранг эксперта 1	4	1	3	5	2	6	21
Новый ранг эксперта 2	4	4	1	2	4	6	21
Новый ранг эксперта 3	5	2	1	4	3	6	21
Новый ранг эксперта 4	2	2	2	5	4	6	21
Новый ранг эксперта 5	3	2	1	5	4	6	21
Сумма новых рангов	18	11	8	21	17	30	105
Среднее значение суммы рангов	17,5	17,5	17,5	17,5	17,5	17,5	
Отклонение от среднего	0,5	-6,5	-9,5	3,5	-0,5	12,5	
Квадрат отклонения	0,25	42,25	90,25	12,25	0,25	156,25	301,5

По результатам вычисления количества повторяющихся элементов в оценках экспертов проверена согласованность мнений экспертов по ранее приведенной формуле (1). Уровень согласованности мнений экспертов составил 0,7<sup>1</sup>, что говорит о необходимости

<sup>1</sup> Чем значение ближе к 1, тем больше согласованность экспертов.

и дальше использовать действующую на предприятии схему принятия решений. Согласно выбранной схеме принятия целевых решений, приведем пример МЦП отраслевого предприятия.

На первом этапе произведено уточнение цели по решению «Введение штатной единицы инженера группы подстанции». Данное целевое решение не предполагает существенной экономической выгоды, т. е. первая цель — «ограничить затраты».

Цель в части «потребителей» — неизменность тарифа на электроэнергию, которая вытекает из предыдущей цели: если затраты будут ограничены, то и желание повышать тариф не целесообразно.

В части внутренних процессов целью является увеличение производительности труда, а именно увеличение количества эффективного рабочего времени. В части развития персонала — повышение квалификации за счет увеличения количества времени на самообучение.

Установление причинно-следственных связей целями предприятия представлено в виде диаграммы на рис. 2.

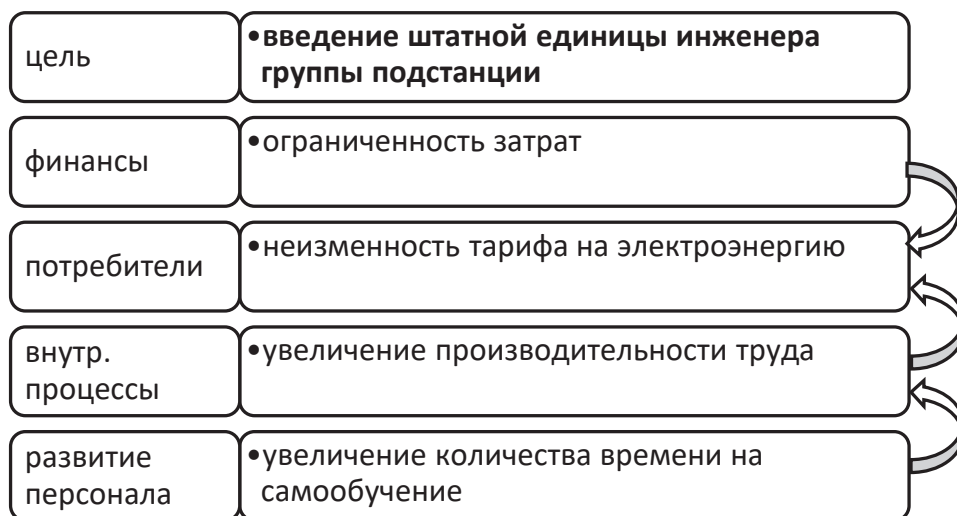


Рис.2. Диаграмма причинно-следственных связей цели

Fig. 2. Diagram of causal relationships of the goal

Для каждой из проекций выведен ряд ключевых показателей эффективности (КПИ), на их основании составлена стратегическая карта, которая сведена в таблицу 8.

На следующем этапе — установление связей показателей с внутренними процессами — за каждым показателем закрепляется ответственное лицо или структурное подразделение (таблица 9).

Итоговая сумма затрат по предприятию в целом составляет 149 177 556 руб., что не входит в обозначенный предел в 1 млн руб., следовательно, решение будет отклонено. Составление программы-мероприятия не требуется.



**Таблица 8.** Стратегическая карта для целевого решения введения штатной единицы инженера

**Table 8.** Strategic map for the targeted solution of the introduction of a full-time engineer unit

Направление	Цель	Показатель	Формула для расчета эффективности	Примечание
финансы	ограничить затраты	сумма затрат	$S_z < 1000 \text{ т. р.}$	$S_z$ — сумма затрат. $< 1000 \text{ т. р.}$ — меньше 1000 т. р..
потребители	неизменность тарифа на электроэнергию	сумма затрат	$S_z < 1000 \text{ т. р.}$	$S_z$ — сумма затрат. $< 1000 \text{ т. р.}$ — меньше 1000 т. р..
внутр. процессы	увеличение производительности труда	соотношение производительности труда до и после мероприятия	$K_p = \frac{Эвп}{Эвд}$	$K_p$ — коэффициент производительности труда до и после мероприятия Эвп — Эффективное время работы электромонтера по обслуживанию ПС после внедрения мероприятия Эвд — Эффективное время работы электромонтера по обслуживанию ПС до внедрения мероприятия
развитие персонала	увеличение кол-ва времени на самообучение	время на самообучение	$K_o = \frac{Всп}{Всд}$	$K_o$ — коэффициент эффективности обучения Всп — время, затрачиваемое на самообучение после мероприятия Всд — время затрачиваемое на самообучение до мероприятия

**Таблица 9.** Установление связей показателей с внутренними процессами для целевого решения введения штатной единицы инженера

**Table 9.** Establishing links of indicators with internal processes for the targeted solution of the introduction of a full-time engineer unit

Показатель	Ответственный	Целевые значения	KPI, %
ограниченность затрат	фин. отдел (экономисты)	$S_z < 1000 \text{ т. р.}$	20
неизменность тарифа на электроэнергию	лицо, принимающее решение	$S_z < 1000 \text{ т. р.}$	15
увеличение производительности труда	руководитель производств. структур. подразделения	$K_p > 1,2$	50
увеличение кол-во времени на самообучение	руководитель производств. структур. подразделения	$K_o > 1,2$	15

## Обсуждение

В исследовании рассмотрено целевое решение об увеличении штата персонала в виду недостаточного контроля со стороны инженерно-управленческого персонала. После введения дополнительной штатной единицы инженера 1 категории группы подстанций предполагалось улучшение качества и количества проверок, как и вовлеченности, что в свою очередь должно было увеличить эффективное рабочее время электромонтеров по обслуживанию подстанций (по показаниям других дочерних обществ) на 25% с вероятностью 90%. Согласно сбалансированной системе показателей оценка эффективности произведена не только с экономической точки зрения, но и на основании эффективного времени работы. Инженер 1 категории будет осуществлять проверки рабочих мест четырех подстанций исследуемого предприятия в объеме 1 часа в неделю на подстанцию или 54 часа в год.

При этом вовлеченное (эффективное) время работы электромонтера по обслуживанию подстанции при сценарии 25% увеличится на 506 часов; при сценарии 12,5% — на 253 часа. Важно отметить, что исполнить данное решение в рамках лишь одного структурного подразделения не осуществимо, следовательно, ввод данной должности предусмотрен в каждое структурное подразделение предприятия. На исследуемом отраслевом предприятии существует 66 производственных структурных подразделений, что отразилось на существенном росте затрат данного решения и привело к его отклонению. При этом предварительная оценка подтвердила экономическую целесообразность данного решения.

Представленный методический инструментарий применим к использованию для предприятий других отраслей, что подтверждает его практическую значимость и научный потенциал дальнейшего развития.

## Заключение

Вопросы механизма целевого планирования для повышения эффективности деятельности отраслевых предприятий в практическом опыте существовали, но они не получили в должной мере конкретного содержательного развития.

На основании проведенного исследования степени разработанности теоретико-методологических основ механизма целевого планирования для повышения эффективности деятельности отраслевых предприятий определена научная проблема — позднее внедрение современных технологий целевого планирования в сферу топливно-энергетического комплекса.

С использованием методических инструментов обоснования планирования целевых решений и путем применения принципов системного подхода предложена совокупность принципов, которые считаются определяющими и достаточными для формирования и реализации принятых решений с учетом процесса самоорганизации деятельности отраслевого предприятия.

Авторами обоснована структура процесса формирования и реализации целевых решений для повышения эффективности деятельности отраслевых предприятий с учетом объективных законов управления, специфических для сферы ТЭК. Представленный

подход направлен на обеспечение формирования объективного и качественного МЦП, а также его надежное и гибкое воплощение в системе управления предприятием.

Разработанный алгоритм этапов формирования и принятия целевых решений, наглядно показывает привлекательность стратегического целевого решения, и тактических действий по его реализации.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Исикава К. 1998. Японские методы управления качеством. М.: Экономика. 199 с.
- Лаева Т. В. 2016. Сценарный анализ как основа стратегического планирования в организации // Менеджмент в России и за рубежом. № 2. С. 56–63
- Литовченко О. В. 2018. Управленческие проблемы и их решение // Актуальные вопросы современной экономики в глобальном мире. № 8. С. 140–145.
- Малая Н. Т. 2021. Управленческие решения: классификация и процесс принятия // Менеджмент и предпринимательство. № 6. С. 20–24.
- Молчанова Е. В. 2018. Социальное прогнозирование и управленческое решение: выбор оптимального решения // Современные научные исследования и разработки. № 1 (18). С. 253–256.
- Новожилова Ю. А. 2016. Разработка инструментария отбора источников информации для принятия управленческих решений. Екатеринбург: Изд-во УрФУ. 97 с.
- Павлушин Д. Н., Арсеньев Ю. Н. 2018. Методы принятия управленческих решений // Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Молодежь России — основа стратегии развития общества». С. 178–180.
- Поспелов Г. С., Ириков В. А. 2008. Программно-целевое планирование и управление. М.: Экспо. 440 с.
- Приймак В. Н. 2019. Принятие управленческих решений. М.: Атика. 240 с.
- Рапопорт В. С., Родионова Л. В. 2008. Объективные предпосылки и основные положения целевого управления. М.: Мысль. 412 с.
- Саати Т. 1993. Принятие решений: метод анализа иерархий / пер. с англ. Р. Г. Вачнадзе. М.: Радио и связь. 278 с.
- Стефанов Н., Сименова К., Костов К., Качаунов С. 1975. Программно-целевой подход в управлении: теория и практика / пер. с болгар. С. Р. Миккульского и Г. Х. Попова. М.: Прогресс. 198 с.
- Трояновский В. М. 2019. Разработка управленческих решений. М.: РДП. 357 с.
- Shila R. 2021. Steps in Planning // YourArticleLibrary. <https://www.yourarticlelibrary.com/management/planning-management/steps-in-planning/99686> (дата обращения 01.06.2023)

## References

- Ishikawa, K. (1998). *Japanese Quality Management Methods*. Ekonomika. [In Russian]
- Laeva, T. V. (2016). Scenario analysis as the basis of strategic planning in an organization. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, (2), 56–63 [In Russian]
- Litovchenko, O. V. (2018). Management problems and their solution. *Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki v global'nom mire*, (8), 140–145. [In Russian]

- Malaya, N. T. (2021). Management decisions: classification and decision-making process. *Menedzhment i predprinimatel'stvo*, (6), 20–24. [In Russian]
- Molchanova, E. V. (2018). Social forecasting and management decision: choosing the optimal solution. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*, (1), 253–256. [In Russian]
- Novozhilova, Yu. A. (2016). *Development of Tools for Selecting Information Sources for Management Decision-Making*. Ural Federal University. [In Russian]
- Pavlushin, D. N., & Arsenyev, Yu. N. (2018). Methods of managerial decision-making. *Proceedings of the Research Student Conference "Molodezh' Rossii — osnova strategii razvitiya obshchestva"* (pp. 178–180). [In Russian]
- Pospelov, G. S., & Irikov, V. A. (2008). *Program-Target Planning and Management*. Ekspo. [In Russian]
- Priymak, V. N. (2019). *Management Decision-Making*. Atika. [In Russian]
- Rapoport, V. S., & Rodionova, L. V. (2008). *Objective Prerequisites and Basic Provisions of Target Management*. Mysl. [In Russian]
- Saati, T. (1993). *Decision Making for Leaders: The Analytical Hierarchy Process for Decisions in a Complex World* (R. G. Vachnadze, Trans.). Radio i svyaz. [In Russian]
- Stefanov, N., Semenova K., Kostov K., & Kachaunov S. (1975). *Program-Target Approach in Management: Theory and Practice* (S. R. Mikulsky & G. Kh. Popov, Trans.). Progress. [In Russian]
- Troyanovsky, V. M. (2019). *Development of Management Solutions*. RDP. [In Russian]
- Shila, R. (2021). Steps in Planning. *YourArticleLibrary*. Retrieved Jun. 1, 2023 from <https://www.yourarticlelibrary.com/management/planning-management/steps-in-planning/99686>

## Информация об авторах

Мирослава Геннадьевна Салько, кандидат экономических наук, доцент, доцент, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия  
salkomg@tyuiu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8078-4823>

Светлана Николаевна Басуева, кандидат экономических наук, доцент, доцент, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия  
basuevasn@tyuiu.ru; <https://orcid.org/0009-0004-1731-2315>

Надежда Константиновна Скворцова, доктор экономических наук, профессор, профессор, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия  
skvortsovank@tyuiu.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3474-449X>

## Information about the authors

Miroslava G. Salko, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia  
salkomg@tyuiu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8078-4823>

Svetlana N. Basueva, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia  
basuevasn@tyuiu.ru; <https://orcid.org/0009-0004-1731-2315>

Nadezhda K. Skvortsova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia  
skvortsovank@tyuiu.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3474-449X>

Рецензия на книгу  
**Скачкова Г. С. 2022. Регулирование труда  
лиц гражданского персонала Вооруженных  
Сил Российской Федерации, федеральных  
органов исполнительной власти Российской  
Федерации и федеральных государственных  
органов, выполняющих задачи в области  
обороны, правоохранительной деятельности  
и безопасности государства<sup>1</sup>**

Лариса Владимировна Зайцева

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
Контакт для переписки: l.v.zajceva@utmn.ru

Поступила 15.03.2023

В издательстве «А-проджект» в 2022 г. вышла в свет монография известного российского ученого, доктора юридических наук, профессора Галины Семеновны Скачковой, которая многие годы посвятила исследованиям в области трудового права. Её книга затрагивает проблемы правового регулирования лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти РФ и федеральных государственных органов, выполняющих задачи в области обороны, правоохранительной деятельности и безопасности государства (далее — лиц гражданского персонала). С одной стороны, объект исследования максимально формально определен и сужен только до трудовых отношений лиц, с которыми соответствующие органы и организации заключили трудовой договор, и не касается лиц, замещающих должности государственной гражданской службы, которые также могут быть отнесены к гражданскому персоналу. За рамками исследования остались и социально-обеспечительные отношения с лицами гражданского персонала, что отдельно отмечается в предисловии. С другой

---

<sup>1</sup> 2-е изд. М.: А-проджект. 486 с.

стороны, избранный объект, предмет и методы исследования всё равно в полной мере иллюстрируют одну из ярчайших сложившихся сегодня тенденций развития трудового права России — дифференциацию правового регулирования трудовых отношений отдельных категорий работников.

Категория работников, которую автор избрала в качестве стороны трудовых отношений в рамках данного монографического исследования, представляет интерес и с точки зрения развивающихся сегодня политических событий, и с точки зрения научного моделирования развития правового регулирования трудовых отношений в бюджетной сфере в условиях максимальной централизации и унификации условий труда наемных работников.

Первая глава монографии посвящена общим положениям о труде лиц гражданского персонала. В ней определяется круг лиц, кто могут быть отнесены к соответствующей категории, а также дается характеристика законодательства РФ, регулирующего их труд. Автор дает исчерпывающую характеристику лиц гражданского персонала, выделяя четыре основных признака этой категории работников, которые коротко можно определить следующим образом:

- не нахождение на военной или иной государственной службе;
- выполнение вспомогательных функций;
- наличие правового статуса работника;
- финансирование трудовой деятельности за счет средств федерального бюджета.

Уже в начале книги автор обращает внимание на два момента: 1) на наличие общих требований к лицам гражданского персонала не зависимо от органа или организации, с которыми заключаются соответствующие трудовые договоры, и 2) на дальнейшее развитие разветвленной дифференциации условий их труда в зависимости от того, в каком органе или организации они будут осуществлять свою трудовую деятельность. Таким образом, уже внутри специального законодательства, адресованного лицам гражданского персонала, развивается свой принцип единства и дифференциации правового регулирования трудовых отношений. Здесь же Г. С. Скачкова совершенно справедливо фиксирует несовершенство трудового законодательства, указывая на пробелы, содержащиеся в ст. 349 Трудового кодекса РФ (ТК РФ), а также на внутренние проблемы законодательства о государственной службе, отказавшегося от термина «правоохранительная служба» и не предложившего адекватную замену или хоть сколько-нибудь нормативную определенность в отношении «иных видов государственной службы», отказавшись от общего подхода, что явно не способствует единству государственной службы и требований к ее прохождению.

Далее, описывая общую характеристику законодательства о регулировании труда лиц гражданского персонала, автор следует выше заявленному методу, двигаясь от общего к частному, приводя примеры особого регулирования в отношении лиц гражданского персонала, занятого в отдельно взятых ведомствах или органах. В результате автор делает вывод, что при установлении особенностей регулирования труда лиц гражданского персонала используется «такой основной фактор дифференциации»

(мы бы его назвали основанием дифференциации), как определенный вид экономической деятельности, связанный с деятельностью федеральных органов по обеспечению общественного порядка и безопасности. Этот фактор не признается единственным, а лишь определяющим.

Представляется, что основным фактором (основанием) дифференциации можно было бы определить вид особой деятельности работодателя — федерального органа, определяемого целями его создания. Понятно, что «вид экономической деятельности» как фактор дифференциации появляется в связи с рассмотрением ОКВЭД как формальной основы отраслевой дифференциации. Но, возможно, следовало бы отойти от буквальной трактовки в связи с тем, что федеральные органы (созданные для обороны страны, обеспечения государственной и общественной безопасности и т. п.) решают задачи, которые трудно отнести к экономической деятельности. Эти особые задачи определяют, на наш взгляд, не только особенности правового положения не только самих государственных органов, но и особенности правового статуса занятых в них лиц гражданского персонала, а также особенности правовой регламентации их труда. Именно эта идея и определяет всю дальнейшую логику изложения монографии.

Центральное место в главе отведено особенностям порядка заключения трудового договора и его содержания, а также порядку проведения аттестации отдельных категорий лиц из числа гражданского персонала. Здесь подробно изучены специфические особенности порядка заключения трудового договора с отдельными категориями лиц гражданского персонала в зависимости от ведомства, с которыми заключаются трудовые договоры, начиная от обязательной государственной дактилоскопической регистрации и заканчивая проведением медицинского освидетельствования военно-медицинской экспертизой. Отдельное место занимает описание вопросов, связанных с заключением трудовых договоров в организациях Министерства обороны России (МО РФ) — определение надлежащего полномочного представителя МО РФ как работодателя, а также должностей, которые могут замещать лица гражданского персонала в ВС РФ, в военно-образовательных организациях, в системе МВД, в таможенных органах и в других федеральных органах. Далее, следуя логике внутриотраслевой дифференциации, автор исследует особенности порядка заключения трудового договора с лицами гражданского персонала в таможенных органах, ведомственной охране, войсках Росгвардии, МЧС, ФСБ и др.

Описывая особенности содержания трудового договора с отдельными категориями лиц из числа гражданского персонала, автор справедливо отмечает вводимые для них ограничения и дополнительные требования, обусловленные спецификой деятельности их работодателей и должностных лиц, реализацию чьих функций и полномочий они обеспечивают. Например, особый порядок получения паспортов и оформление разрешения на выезд из России. Автор анализирует ведомственные нормативные правовые акты и отраслевые соглашения, заключенные между профсоюзами гражданского персонала и соответствующими федеральными органами государственной исполнительной власти, регулирующие особенности заключения и содержание трудовых договоров с лицами гражданского персонала. И если, как отмечает автор, отраслевые соглашения

обычно копируют действующие отраслевые подзаконные нормативные правовые акты, что нивелирует значение коллективно-договорного регулирования, то ведомственные приказы иногда содержат устаревшие правовые нормы, которые пришли в противоречие с действующим ТК РФ и другими общими источниками трудового права.

В рассматриваемой части монография имеет ярко выраженное практическое значение. С одной стороны, в ней подробно описаны централизованно установленные требования как к содержанию трудового договора с отдельными категориями лиц гражданского персонала, так и все нормативно определенные условия их труда. С другой — выявлены противоречия правового регулирования и сформирован научно обоснованный подход, требующий внесения изменений в ряд подзаконных нормативных правовых актов с целью приведения их в соответствие с нормами ТК РФ. Последнее должно быть принято во внимание органами государственной исполнительной власти при осуществлении ими работы по совершенствованию нормативного правового регулирования трудовых отношений с лицами гражданского персонала.

Поскольку оценка персонала, в т. ч. аттестация, не регулируется общими нормами трудового законодательства, то аттестация и квалификационный экзамен как особые процедуры оценки гражданского персонала (с точки зрения его соответствия порученной работе и замещаемой должности) стали одним из объектов исследования первой главы. Подробный анализ действующей системы отраслевого нормативного правового регулирования позволил автору не только подробно описать особенности процедур профессиональной оценки деятельности лиц гражданского персонала, но и сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование как самих процедур с точки зрения повышения их эффективности, так и источников их правовой регламентации с целью исключения пробелов и противоречий правового регулирования. Описанные в монографии процедуры оценки гражданского персонала многообразны и также подчинены системе внутриотраслевой дифференциации. Также разнообразны их цели и последствия, начиная от установления самой возможностью заниматься соответствующим видом профессиональной деятельности, заканчивая установлением квалификационного разряда, оказывающим непосредственное влияние на размер оплаты труда, которой, в свою очередь, посвящена следующая глава монографии.

Итак, тема второй главы «Особенности оплаты труда лиц гражданского персонала» логически вытекает из последних вопросов, рассмотренных в предыдущей главе, касающихся оценки персонала. Вторая глава является наиболее объемной по обобщенному нормативному материалу, который проиллюстрирован примерами из правоприменительной практики. Вопросы оплаты труда традиционно являются наиболее сложными в науке трудового права, поскольку тесно переплетены с экономическим познаниями и представляют особый практический интерес как для работников, так и для работодателей как наиболее потенциально конфликтная сфера реализации трудовых отношений.

Отталкиваясь от экономической основы вопроса, автор начинает главу с рассмотрения проблем, связанных с источником финансирования заработной платы лиц гражданского персонала, и нормативно-правовой основы ее регулирования. Именно эти



аспекты, включая государственные гарантии по оплате труда, квалификационные справочники и профстандарты, отказ от Единой тарифной сетки (ЕТС) в пользу отраслевых систем оплаты труда на основе соответствующих положений, определили основные подходы к определению структуры и размеров оплаты труда отдельных категорий лиц гражданского персонала. Следует согласиться с авторским подходом, согласно которому вначале рассматриваются общие правила установления систем оплаты труда и такие общие для всех доплаты и надбавки, как районные коэффициенты и процентные надбавки, доплаты за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, стаж работы и пр., связанные с отменой в 2008 г. ЕТС и ее замены на отраслевые положения об оплате труда.

Единственное, что, на наш взгляд, может вызывать дискуссию, это отнесение ряда доплат и надбавок компенсационного характера к государственным гарантиям по оплате труда. Возможно, автор имеет в виду, что выплата перечисляемых в § 2 доплат и надбавок гарантирована государством. В этом случае даже их компенсационный характер не подвергается сомнению. С другой стороны, далее по тексту всей главы видно, что все рассматриваемые доплаты и надбавки подразделяются на компенсационные и стимулирующие. Гарантийные выплаты упоминаются в дальнейшем в контексте оплаты командировочных расходов, что соответствует терминологии гл. 24 ТК РФ, которая неоднократно критиковалась в научной литературе как содержащая юридико-технические дефекты в связи с несоответствием с общими нормами ст. 164 ТК РФ.

Далее автор максимально подробно исследует отдельно оплату труда гражданского персонала воинских частей и организаций вооруженных сил, органов, организаций и подразделений систем МВД России, МЧС России и др. «силовых структур». Интересным выглядит отмеченная в монографии дополнительная внутренняя дифференциация оплаты труда лиц гражданского персонала, занятого в одном ведомстве, основанная на специфике профессиональной деятельности. Так, в параграфе об оплате труда лиц гражданского персонала воинских частей и организаций вооруженных сил отдельно выделены работники (особенности оплаты их труда), осуществляющие деятельность в сфере образования, культуры, здравоохранения, науки, физической культуры и спорта и иной. Аналогичные особенности, зависящие от сферы деятельности лица отмечены и внутри параграфов, посвященных гражданскому персоналу и других ведомств.

Но и на этом дифференциация не завершается. Например, внутри лиц гражданского персонала, занятых в сфере здравоохранения, выделяют категории, которым устанавливается повышенный размер оплаты в рамках деятельности по противодействию распространения COVID-19, оказанием противотуберкулезной помощи, осуществлением диагностики и лечения ВИЧ-инфицированным и т. п. Таким образом мы видим своеобразную многоуровневую дифференциацию правового регулирования в оплате труда:

- в зависимости от вида деятельности работодателя,
- в зависимости от сферы профессиональной деятельности работника,
- в зависимости от условий труда.

Следовательно, дифференциация правового регулирования оплаты труда происходит одновременно по нескольким объективным и субъективным факторам дифференциации. Некоторым образом, из общего объекта научного исследования выбивается параграф, описывающий оплату труда работников федеральных государственных органов, замещающих должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы (§ 6 гл. 2). Это следует из сопоставления параграфа с предисловием монографии. Представляется, что указанные в § 6 лица в строгом понимании нельзя отнести к гражданскому персоналу хотя бы потому, что все служащие этих органов именуются гражданскими служащими. Тем не менее, появление такого параграфа объяснимо тем, что речь идет о сопоставимых правилах оплаты труда наемных работников во всех органах государственной власти, независимо от вида службы, которую осуществляет их основной состав — государственные служащие. И это, в свою очередь еще раз иллюстрирует общность подходов к централизованному регулированию оплаты труда работников, занятых в органах и организациях, осуществляющих функции государственной власти, но не относящихся к категории государственных служащих.

Вторая глава монографии об оплате труда гражданского персонала демонстрирует не только глубокую и многоуровневую дифференциацию правового регулирования оплаты труда, но многочисленность нормативных правовых актов, в т. ч. ведомственного уровня, которые по многим вопросам пересекаются и повторяют друг друга, устанавливая максимальную централизацию в регулировании оплаты труда и создавая трудности в правореализации и правоприменении. Вероятно, что, учитывая бюджетный источник финансирования оплаты труда и неразрывную связь с условиями службы основной части персонала — государственных служащих и результативностью их деятельности, которую отчасти обеспечивает и гражданский персонал, такая максимальная централизация обоснована.

С другой стороны, и предпринятое монографическое исследование это ярко демонстрирует, отсутствие общих межведомственных правил не только усложняет процесс правоприменения и создает риски нарушения прав работников, но и создает условия для превращения дифференциации в своеобразную дискриминацию, когда фактически аналогичные трудовые функции в одинаковых условиях труда могут оплачиваться по-разному из-за работы в разных ведомствах, делая занятость в том или ином федеральном ведомстве менее предпочтительной.

На наш взгляд, учитывая единый источник бюджетного финансирования и общие начала правового регулирования оплаты труда, положенные в основу постановлением Правительства РФ об отраслевых системах оплаты труда, со временем было бы логичным и справедливым устанавливать систему оплаты труда гражданского персонала на уровне Правительства РФ (или Минтруда России) независимо от ведомства, в котором занят работник. При этом следует оставить отраслевой (в зависимости от сферы деятельности работника) и объективные (зависящие от условий труда) факторы дифференциации оплаты труда гражданского персонала, т. е. лиц, занятых в органах и организациях государственной власти на должностях, не относящихся к должностям государственной службы (любого вида).

Третья глава монографии содержит исследование особенностей регулирования таких условий труда отдельных категорий гражданского персонала, как рабочее время, время отдыха, дисциплина труда, профессиональной подготовки и повышения квалификации, охраны труда, а также при работе в условиях, связанных с особым риском для жизни и здоровья — в случаях участия в деятельности по поддержанию или восстановлению мира и безопасности за пределами России, при проведении контртеррористических операций на территории России; льготы и гарантии в сфере труда ветеранам боевых действий. Завершается глава рассмотрением особенностей порядка прекращения трудового договора с лицами гражданского персонала.

В заключении монографии автор представил общие выводы, обобщив применяемые подходы, предложил новую редакцию ст. 349 ТК РФ, которая должна стать надлежащей основой для дифференциации правового регулирования труда гражданского персонала, исключив существующие сегодня пробелы и противоречия.

Монографию можно рекомендовать широкому кругу читателей, интересующемуся проблемами трудового права, а также практическим работникам и лицам из числа гражданского персонала.

Review of the book  
**Skachkova, G. S. (2022). *Regulation of the Work of Civilian Personnel of the Armed Forces of the Russian Federation, Federal Executive Authorities of the Russian Federation and Federal State Bodies Performing Tasks in the Field of Defense, Law Enforcement and State Security***<sup>1</sup>

Larisa V. Zaytseva

University of Tyumen, Tyumen, Russia  
Corresponding author: l.v.zajceva@utmn.ru

Submitted Mar. 15, 2023

In 2022, the publishing house “A-prodzhect” published a monograph by a well-known Russian scientist, who devoted many years to research in the field of labor law, Doctor of Law, Prof. Galina Semenovna Skachkova. Her research is devoted to the problems of legal regulation of civilian personnel of the RF Armed Forces, federal RF executive authorities,

---

<sup>1</sup> (2nd Ed.). A-prodzhekt. [In Russian]

and federal state bodies performing tasks in the field of defense, law enforcement, and state security (hereinafter — civilian personnel). On the one hand, the object of the study is as formally defined as possible, and it is narrowed down to the labor relations of persons with whom the relevant bodies and organizations have concluded an employment contract; the object of study does not apply to persons holding positions of the state civil service, which can also be attributed to civilian personnel. Social security relations with civilian personnel remained outside the scope of the study, which is separately noted in the preface. On the other hand, the chosen object, subject, and research methods fully illustrate one of the brightest trends in the development of labor law in Russia today — the differentiation of the legal regulation of labor relations of certain categories of employees.

## Научный обзор материалов IV Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности

Дмитрий Леонидович Скипин<sup>✉</sup>, Татьяна Александровна Кольцова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
Контакт для переписки: [d.l.skipin@utmn.ru](mailto:d.l.skipin@utmn.ru)<sup>✉</sup>

**Аннотация.** 22 апреля 2023 г. завершил четырехдневную работу IV Всероссийский форум в Тюмени по экономической безопасности, организованный кафедрой экономической безопасности, системного анализа и контроля Финансово-экономического института Тюменского государственного университета совместно с Международным сетевым институтом в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма и Международным учебно-методическим центром финансового мониторинга. Форум стал площадкой для общения, обсуждения, обмена мнениями и опытом по вопросам состояния экономической безопасности страны, региона, организаций различных видов деятельности, личности, формирования стратегий экономической безопасности. Программа форума была насыщенной на всех этапах: от пленарного заседания, панельной дискуссий, круглых столов, мастер-классов и коммуникационной сессии для практиков до мастер-классов для школьников.


**Ключевые слова:** IV Всероссийский форум в Тюмени по экономической безопасности, экономическая безопасность, Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт

**Цитирование:** Скипин Д. А., Кольцова Т. А. 2023. Научный обзор материалов IV Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 221–230. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-221-230>

Поступила 16.06.2023; одобрена 23.06.2023; принята 23.06.2023

# Scientific review of the materials of the 4<sup>th</sup> All-Russian Forum on Economic Security in Tyumen

Dmitry L. Skipin , Tatyana A. Koltsova

Corresponding author: d.l.skipin@utmn.ru 

**Abstract.** April 22, 2023 was the final day of the 4th All-Russian Forum on Economic Security in Tyumen, organized by the University of Tyumen (namely, the Department of Economic Security, System Analysis and Control, the Financial and Economic Institute) together with the International Network AML/CFT Institute and International Training and Methodological Center for Financial Monitoring. The forum has become a platform for communication, discussion, exchange of opinions and experience in the sphere of economic security of the country, region, organizations of different types of activity, individuals, forming strategies of economic security. The program of the forum was rich, starting with the plenary session, panel discussion, round tables, master classes and communication session for practitioners and finishing with workshops for schoolchildren.

**Keywords:** 4th All-Russian Forum on Economic Security in Tyumen, economic security, University of Tyumen, Institute of Finance and Economics

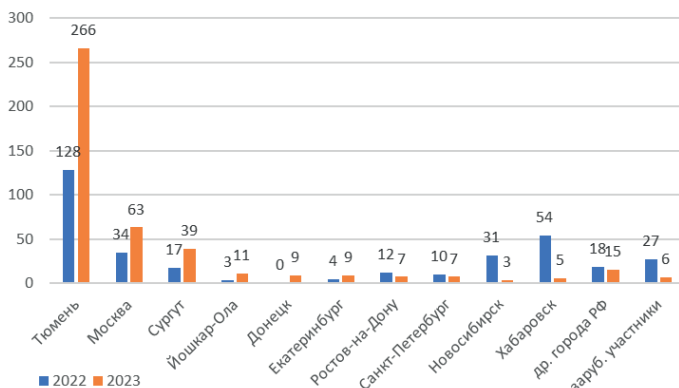
**Citation:** Skipin, D. L., & Koltsova, T. A. (2023). Scientific review of the materials of the 4<sup>th</sup> All-Russian Forum on Economic Security in Tyumen. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 221–230. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-221-230>

Submitted Jun. 16, 2023; Reviewed Jun. 23, 2023; Accepted Jun. 23, 2023

Всероссийский форум в Тюмени по экономической безопасности носит статус ежегодного мероприятия и с каждым годом не только сохраняет актуальность и живой интерес ученых, студентов и профессионалов, работающих в самых разных организациях, но и привлекает всё большее число участников. В 2023 г. количество участников увеличилось на 92 человека и достигло 440, включая представителей из разных городов России и стран ближнего зарубежья (рис. 1). На обсуждение было вынесено более 100 докладов по различным аспектам экономической безопасности на уровне страны, региона, организации.

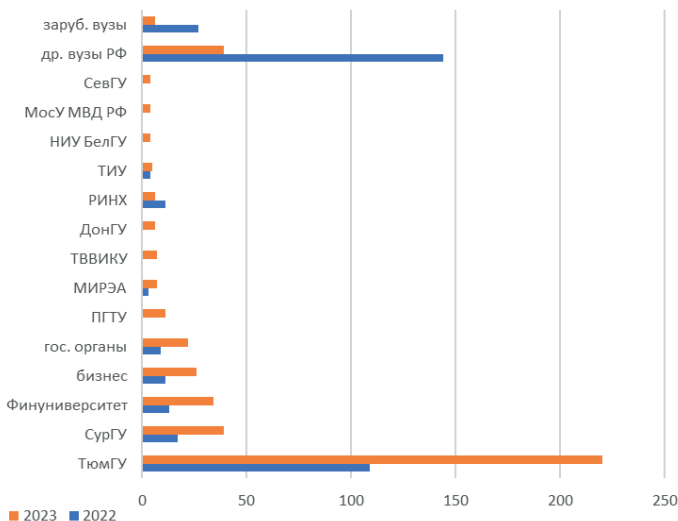
Выросло до 34 участников и количество вузов, представивших докладчиков. К традиционным участникам, таким как Тюменский государственный университет (ТюмГУ, 50,0%), Сургутский государственный университет (СурГУ, 8,9%), Финансовый университет при Правительстве РФ (Финуниверситет, 7,7%), присоединились Поволжский государственный технологический университет (ПГТУ, 2,5%), Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова (ТВВИ-

КУ, 1,6%), Донецкий государственный университет (ДонГУ, 1,4%), Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ БелГУ, 1,0%), Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя (МосУ МВД РФ, 1,0%), Севастопольский государственный университет (СевГУ, 1,0%) и др. (рис. 2).



**Рис. 1.** Количество участников III и IV Всероссийских форумов в Тюмени по экономической безопасности в разрезе городов в 2022 и 2023 гг. (количество человек)

**Fig. 1.** The no. of participants in the 3rd and 4th All-Russian Forums on Economic Security in Tyumen by cities in 2022 and 2023 (no. of people)



**Рис. 2.** Количество участников III и IV Всероссийских форумов в Тюмени по экономической безопасности в разрезе вузов представителей государственных органов и бизнеса в 2022 и 2023 гг. (количество человек)

**Fig. 2.** The no. of participants in the 3rd and 4th All-Russian Forums on Economic Security in Tyumen: the universities, representatives of government agencies, and businesses in 2022 and 2023 (no. of people)

Пленарное заседание задало конструктивный и деловой характер, его участники обратили внимание на самые сложные вопросы обеспечения безопасности, требующие обсуждения как исследователей проблемы, так и занятых в этой сфере деятельности. Острые, содержательные темы, отвечающие современным требованиям, были подняты на панельной дискуссии.

Первым выступил Петр Александрович Вагин, заместитель главы г. Тюмени, с информацией о социально-экономическом развитии муниципального образования Тюмени. О социально-экономическом развитии Тюменской области доложил Евгений Николаевич Вайсбек, начальник управления прогнозирования и анализа Департамента экономики Тюменской области. Выступившие задали деловой тон обсуждению темы, прозвучала актуальная информация, вызвавшая оживленный интерес присутствующих.

Особый интерес вызвала сфера обеспечения банковской безопасности, основанная на новых технологиях защиты, в том числе и от криминальных посягательств. Дмитрий Георгиевич Худышкин, заместитель управляющего Отделением банка России по Тюменской области, рассказал о проводимой борьбе с нелегальной деятельностью на финансовом рынке и кибермошенничеством и мероприятиях, направленных на укрепление доверия населения и бизнеса к финансовой системе России.

Противодействию отмыwania доходов, полученных преступным путем, посвятил свое выступление Андрей Львович Румянцев, заместитель руководителя Межрегионального управления Федеральной службы по финансовому мониторингу по Уральскому федеральному округу.

Серия выступлений была посвящена практике прокурорского надзора. Анализ противодействию цифровой преступности представил Манолис Афанасьевич Терсенов, прокурор отдела управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью. Его коллега Антон Андреевич Гусев акцентировал свое внимание на практических аспектах прокурорского надзора по противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем. Анастасия Игоревна Рямова осветила практику прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Слушатели получили значительный объем новой, полезной информации, в том числе и примеров из практики.

Не менее актуальным и значимым было выступление Андрея Николаевича Отконова, начальника отдела организации закупок управления государственных закупок Тюменской области. Он довел до участников форума информацию по способам обеспечения экономической безопасности в государственных и муниципальных закупках, осветил специфику работы по прогнозированию, осуществлению и контролю в сфере государственных и муниципальных закупок, сложившуюся сегодня.

Бесценным опытом деятельности Тюменской таможни по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации поделился начальник Тюменской таможни, полковник таможенной службы Владимир Александрович Зябко.

Выступления практиков дополнили доклады российских ученых. Уже не первый год участие в форуме принимают д. э. н. Валерий Иванович Мунтиян, представляющий Институт исследований и экспертизы ВЭБ, и Владимир Васильевич Земсков, профессор Департамента экономической безопасности и управления рисками Финансового университета при Правительстве РФ.



Выступление В. И. Мунтияна было посвящено социально-экономической безопасности России в условиях современности. Он отметил, что комплексная оценка экономической безопасности за 2022 г. составила 59,3%, что говорит о неудовлетворительном состоянии экономической безопасности за 2022 г. в целом. Системный анализ комплексной оценки экономической безопасности России и ее основных подсистем за 2022 г. показал, что наиболее слабыми звеньями экономической безопасности являются макроэкономическая и социальная, в то время как наиболее благополучные сферы включают энергетическую, продовольственную и финансовую. С целью системного обеспечения гарантированной экономической безопасности, по мнению докладчика, необходимы следующие элементы:

- комплексная согласованность по целям, задачам, ответственным исполнителям, ресурсам и мероприятиям, способствующим сохранению безопасности;
- система своевременного обнаружения, распознавания вызовов, угроз, опасностей национальной экономической системе, оперативность в прогнозировании воздействия факторов и возникновения вероятных ситуаций риска;
- достоверная оценка нештатных и критических ситуаций; своевременные грамотные управленческие решения и их последовательная реализация.

В. В. Земсков обратил внимание собравшихся на работу с контрагентами, особенно на подозрительные операции, представляющие основу финансовых расследований. В процессе осуществления хозяйственной деятельности службам внутреннего контроля часто приходится проводить финансовый мониторинг деятельности контрагентов. Нередко это сложноорганизованные системы, которые нуждаются, по мнению автора, в детальном изучении. В этом отношении очень важен следующий компонент — анализ коммуникаций контрагентов, сбор информации об их деятельности из разных источников, ведь только в условиях объединения и консолидации всех сил в нужном направлении задача по обеспечению безопасности хозяйствующего субъекта может быть решена. Докладчик отметил, что важным инструментом решения поставленной задачи выступают финансовые расследования, позволяющие вовремя обнаруживать угрозы и попытки совершения со стороны контрагентов действий, которые негативно могут отразиться на финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта.

Не менее плодотворной была работа восьми секций, двух круглых столов и коммуникационной сессии, где выступили ведущие ученые страны и студенты.

Постоянными участниками форума являются представители Отделения Банка России по Тюменской области. Совместно с ними в рамках форума 20 апреля 2023 г. была организована коммуникационная секция, на которой выступила управляющий Отделением по Тюменской области Уральского главного управления Банка России Елена Геннадьевна Никитина с докладом: «О денежно-кредитной политике в новых условиях». В работе секции и обсуждении актуальных вопросов экономической безопасности в банковской сфере приняли участие представители Правительства Тюменской области, региональных институтов развития и нефинансового сектора экономики, банковского сообщества и бизнеса.

Об обеспечении экономической безопасности хозяйствующего субъекта рассказывал Владимир Иванович Бобошко, д. э. н., профессор кафедры бухгалтерского учета и статистики Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (Москва). Он посвятил

свое выступление вопросам совершенствования аудита расчетов с бюджетом по налогу на добавленную стоимость.

Алина Александровна Вахрушина, к. э. н., старший преподаватель Департамента финансового менеджмента Высшей школы бизнеса НИУ «Высшая школа экономики» (Москва), представила результаты анализа использования технологий больших данных российскими компаниями. Она обобщила информацию о количестве организаций, проводивших анализ Big Data, по территориальному признаку, по видам экономической деятельности и в зависимости от способов проведения анализа. Выявлены отрасли экономики, в которых наиболее активно развито применение компаниями цифровых технологий анализа больших данных собственными силами. Отмечены наиболее распространенные инструменты информационных и коммуникационных технологий. Раскрыты возможные направления использования российскими компаниями цифровых технологий сбора и обработки информации, в том числе для решения вопросов безопасности. Для этих целей российские компании использовали данные, передаваемые между различным оборудованием, считываемые с цифровых датчиков или радиочастотных меток (49% организаций), а также данные геолокации, получаемые, в том числе с использованием портативных устройств (19%).

Роли налоговых преступлений в отмывании денег было посвящено выступление Виктории Викторовны Ворошило, к. э. н., доцента кафедры финансов и кредита Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). О возможности использования налоговых преступлений в отмывании денег и финансировании терроризма, по мнению автора, ярко свидетельствуют статистические данные. Международная неправительственная организация Tax Justice Network опубликовала данные, что от неуплаты налогов трансграничными корпорациями и богатейшими людьми страны теряют 483 млрд. долл., из них 65% приходится на корпорации и 35% — на частные лица. Кроме того, большая часть данной суммы приходится на богатые страны мира (443 млрд. долл.) и незначительная часть на бедные страны (40 млрд. долл.). Докладчик считает, что следует согласиться с рекомендациями ФАТФ о том, что должен быть общегосударственный подход к борьбе с финансовыми и налоговыми преступлениями, который предполагает сотрудничество между множеством ведомств, включая органы по борьбе с коррупцией, подразделения финансовой разведки (ПФР), органы финансового регулирования и надзора, полицию, прокуратуру, отделы валютного контроля, налоговые и таможенные органы.

Оксана Богдановна Скрипник, д. э. н., доцент Департамента экономической безопасности и управления рисками Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), проанализировала угрозы экономической безопасности для региона, рассмотрев пример Северо-Западного федерального округа. Она отметила, что в настоящее время угрозами являются прежде всего проблемы, связанные с ухудшением демографической ситуации, неравномерностью экономического развития субъектов в составе округа, а также обусловленные высокой зависимостью сектора обрабатывающей промышленности от импорта продукции промышленного назначения. Докладчик предложила следующие рекомендации для нивелирования выявленных угроз: развитие инфраструктуры

и технологических кластеров, содействие предпринимательству, развитие человеческого капитала и усиление межрегиональных связей.

Отдельный блок выступлений касался вопросов бухгалтерского учета как информационного источника в системе экономической безопасности. Так, роль учета обязательств в обеспечении экономической безопасности хозяйствующего субъекта раскрыла Маргарита Викторовна Мельник, д. э. н., профессор Департамента аудита и корпоративной отчетности Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа Финансового университета при Правительстве РФ (Москва).

Актуальным проблемам организации бухгалтерского учета материально-производственных запасов (МПЗ) в целях минимизации угроз экономической безопасности коммерческой организации было посвящено выступление Лоры Жураповны Бдайцевой, к. э. н., доцента кафедры бухгалтерского учета и анализа Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург), и Дарьи Денисовны Костиной, магистрантки данного университета. Поступление, наличие и использование МПЗ связаны с рядом рисков — устаревание, порча или хищение, неправильная оценка, учет и т. п. — что может негативно сказаться на финансовом положении и экономической безопасности организации. Вследствие этого актуальной задачей для коммерческой организации является надлежащая организация бухгалтерского учета МПЗ, которая позволит своевременно и достоверно отражать информацию о наличии и движении МПЗ, а также контролировать их использование и сохранность.

Елена Геннадьевна Токмакова, к. э. н., доцент кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля Тюменского государственного университета (Тюмень), посвятила выступление оценке полноты информации о потерях в целях усиления экономической безопасности бизнеса. Основным источником такой информации, подчеркнула она, является бухгалтерская финансовая отчетность и пояснения к ней. На основе данных трех крупнейших российских ритейлеров: Лента, Окей и Магнит — ею рассмотрена информация о потерях в составе прочих расходов с целью оценки ее полноты и детализации, необходимой для анализа. Констатировано, что данные о потерях в пояснениях к отчетности указанных торговых компаний представлены с разной степенью детализации. Рекомендовано выделение потерь в составе прочих расходов в пояснениях к отчетности, что даст возможность анализировать потери с целью усиления экономической безопасности бизнеса посредством их устранения.

Критический анализ действующего законодательства о бухгалтерском учете в РФ сделан Еленой Владимировной Лупиковой, к. э. н., доцентом кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля Тюменского государственного университета (Тюмень). Отмечены основные проблемы, которые важно решить для обеспечения защиты финансовых интересов субъектов предпринимательства. Эти проблемы включают: обеспечение должного понятийного аппарата; формирование обоснованных требований к лицам, ответственным за корпоративное управление; формулирование четких критериев достоверности бухгалтерской отчетности и требований к стоимостным оценкам объектов бухгалтерского учета. Игнорирование интересов субъектов предпринимательской деятельности является опасным симптомом для обеспечения

финансовой безопасности и финансового суверенитета государства в целом, отдельных регионов и отраслей, а также самих предпринимателей. Развитие экономики и рыночных отношений без правового регулирования деятельности отдельных экономических субъектов (неотъемлемой частью которого должен быть Закон «О бухгалтерском учете»), по мнению докладчика, создает дополнительные риски, нарушает права и свободы граждан в сфере предпринимательской деятельности.

Вопросам инвестиционной политики как инструменту обеспечения безопасности страны на примере Республики Узбекистан посвятил свое выступление Равшан Измаилович Каюмов, к. э. н., заведующий отделом Центра исследований Агентства по управлению государственными активами Республики Узбекистан (Ташкент). Он проанализировал основные аспекты современной инвестиционной политики в стране, указал основные направления инвестиций, обосновал необходимость разработки долгосрочной инвестиционной политики в Узбекистане, предложил подход к ее формированию и структуре. В сфере реальных инвестиций он предлагает сделать акцент на развитие отраслей, обеспечивающих ускорение научно-технического прогресса. Даны предложения по дальнейшему развитию финансовых рынков Узбекистана. В частности, по мнению автора доклада, конкурентоспособность экономики можно повысить уменьшением доли государства в экономике за счет выведения из-под его контроля отраслей не стратегического назначения и расширения приватизации.

Об обеспечении экономической безопасности Республики Узбекистан в условиях перехода к цифровой экономике говорили Ахметжан Атажанович Маматов, д. э. н., профессор кафедры «Экономика» Ташкентского финансового института Республики Узбекистан (Ташкент), и Мамажан Ахматжонович Маматов, к. э. н., доцент кафедры «Фундаментальная экономика» Ташкентского государственного экономического университета Республики Узбекистан (Ташкент). Ими были выявлены новые вызовы и угрозы экономической безопасности государства, связанные с процессом цифровой трансформации. Несовершенство нормативно-правовой базы и экономического механизма, обеспечивающего развитие цифровой экономики в Республике Узбекистан, а также появление и внедрение новых тенденций в процессе цифровизации экономики могут привести к возможности различных махинаций, недостаточной защищенности персональных данных и коммерческих ресурсов, несовершенству процесса институционального регулирования в сфере ИТ, как и отсутствию личной и социальной ответственности в Интернете. В контексте трансформации национальной экономики в цифровую развитие и эффективное использование знаний рассматривается как источник экономического роста. Выступавшие высказали единое мнение о том, что объем инвестиций, вложенных в знания, объясним и растет гораздо быстрее по сравнению с инвестициями в основной капитал.

Традиционным стало обсуждение вопросов популяризации профессии и подготовки кадров по экономической безопасности в формате круглого стола. Активно обсуждались аспекты подготовки специалистов, обеспечивающих экономическую безопасность деятельности организаций, проблемы организации производственной практики студентов, возможности формирования предпринимательских компетенций и повышения грамотности, обучающихся в сфере финансовой безопасности.

О ходе реализации образовательных программ Финансово-экономического института в рамках проекта «Мультипрофильное образование по модели «2+2+2» доложила Ольга Анатольевна Кузьменко, к. э. н. доцент, заместитель директора Финансово-экономического института Тюменского государственного университета (Тюмень).

Сергей Павлович Анофриков, к. э. н., доцент, заведующий кафедрой общественных финансов Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск), и Мария Васильевна Облаухова, к. э. н., доцент той же образовательной организации, посвятили выступление вопросам подготовки специалистов в сфере экономической безопасности в НГУЭУ. Они рассказали об истории возникновения этой специальности в университете, эволюции учебных планов. Представили результаты анкетирования выпускников о практическом использовании полученных в университете знаний. Ими были обозначены проблемы реализации образовательной программы, подчеркнуто, что вопросы по повышению качества образовательной программы важно решать общими усилиями преподавательского состава, обучающихся, выпускников и практиков.

Обсуждению и анализу предпринимательских компетенций и личной финансовой безопасности на примере студенческой молодежи посвятила свое выступление Юлия Сергеевна Евлахова, д. э. н., доцент, заведующий кафедрой финансового мониторинга и финансовых рынков Ростовского государственного экономического университета (РИНХ; Ростов-на-Дону). Докладчик представил результаты опроса студентов вуза по проблемам личной финансовой безопасности, предпочтительным темам и каналам получения информации в этой сфере. Подтвержден разрыв между уровнями воспринимаемой и фактической грамотности, который может быть ликвидирован за счет расширения в образовательных программах блока по критической оценке знаний. Раскрыты направления использования социальных сетей и каналов в telegram как источников информации в сфере финансовой безопасности.

Юлия Александровна Шумилова, к. э. н., доцент кафедры менеджмента и бизнеса Тюменского государственного университета (Тюмень) представила промежуточные результаты реализации образовательного трека «Капитаны» в ТюмГУ, направленного на формирования у студентов разных направлений и специальностей предпринимательских компетенций.

Проблемы организации практик, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность», подняли организаторы форума — Дмитрий Леонидович Скипин, к. э. н., доцент, заведующий кафедрой экономической безопасности, системного анализа и контроля Тюменского государственного университета (Тюмень), и к. э. н., доцент названной кафедры Наталья Владимировна Зылева. Они отметили важность еще большего включения в работу по подготовке специалистов по направлению экономическая безопасность — практиков, обеспечивающих данную сферу деятельности организаций.

В ходе дискуссии, состоявшейся в рамках круглого стола, было отмечено, что качество образовательной программы и ее успешность во многом зависит от грамотного проектирования образовательного продукта, последовательности образовательных курсов, комплексного подхода в их реализации, применения современных образовательных технологий в сочетании с эффективными инструментами организации образовательной

деятельности, эффективной оценки командной, индивидуальной работы студентов, тесного сотрудничества с практиками и работодателями.

В Финансово-экономическом институте ТюмГУ в рамках Форума организаторы уделили внимание важному аспекту — воспитанию финансово-грамотной молодежи. Так, в рамках Форума были проведены три мастер-класса для школьников:

- 1) «Банкротство гражданина: что нужно знать обычному человеку?» — организатор С. И. Коренкова, доцент кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, ТюмГУ (Тюмень).
- 2) «Как защитить себя и свою семью от финансового мошенничества» — Отделение Банка России по Тюменской области.
- 3) «Основы финансовой безопасности в сети интернет» — Е. В. Зюбан, доцент кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, и Ю. В. Ушакова, ассистент кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, ТюмГУ (Тюмень).

Вовлеченность школьников и их активное участие в мастер-классах подтвердили важность и необходимость таких мероприятий.

IV Всероссийский форум в Тюмени по экономической безопасности способствовал обмену достижениями и мнениями по значительному комплексу проблем. Благодаря форуму состоялся конструктивный диалог представителей науки, образования, государственных органов, бизнеса по насущным вопросам обеспечения социально-экономической безопасности страны, субъектов РФ, бизнеса и подготовке профессионалов для данной сферы деятельности.

## Информация об авторах

*Дмитрий Леонидович Скипин*, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической безопасности, системного анализа и контроля, модератор панельной дискуссии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
d.l.skipin@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5840-5789>

*Татьяна Александровна Кольцова*, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, член оргкомитета форума, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
t.a.kolcova@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7849-5010>

## Information about the authors

*Dmitry L. Skipin*, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Economic Security, System Analysis and Control, moderator of the panel discussion, University of Tyumen, Tyumen, Russia  
d.l.skipin@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5840-5789>

*Tatiana A. Koltsova*, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Economic Security, System Analysis, and Control, member of the forum's organizing committee, University of Tyumen, Tyumen, Russia  
t.a.kolcova@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7849-5010>

Научное издание



ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА  
Социально-экономические и правовые исследования  
2023. Том 9. № 2 (34)

Редакторы, перевод	<i>В. Е. Суслов, Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Дизайн обложки	<i>Г. Ф. Бикмулина</i>
Печать	<i>А. В. Башкиров</i>

Подписано в печать 07.07.2023  
Формат 70 × 108/16. Бумага Xerox Perfect Print  
Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro  
Печать цифровая. 20,30 усл. печ. л., 16,24 уч.-изд. л.  
Тираж 500 экз. Заказ № 345